

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

На правах рукописи

Пахоменкова Олеся Михайловна

**Фразеологический концепт «ТАКТИКА БОРЬБЫ»
(на материале русского, английского и немецкого языков)**

С п е ц и а л ь н о с т ь : 5. 9. 8.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Василенко Анатолий Петрович

Брянск – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБРАЗНАЯ НОМИНАЦИЯ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМАТИКЕ И МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУРАХ	
1.1. Понятие фразеологизма и его внутренней формы.....	13
1.2. Методы когнитивного исследования во фразеологии.....	24
1.3. Концептуализация мира и образ фразеологизма.....	37
1.4. Научно-философское понимание <i>борьбы</i> как вынужденного противостояния.....	45
1.5. Понятие <i>ТАКТИКА БОРЬБЫ</i> и его символическая составляющая.....	47
<i>Выводы</i>	55
ГЛАВА 2. СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ТАКТИКА БОРЬБЫ» В ХРОНОТОПИЧЕСКОМ И КОЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	
2.1. Онтологический статус концепта <i>ТАКТИКА БОРЬБЫ</i> в устойчивом сочетании	58
2.2. Тождество <i>ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР</i> как крайнее периферийное значение ‘ <i>геосферность</i> ’ в семиотическом наполнении концепта.....	64
2.3. Тождество <i>ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР</i> как дальнейшее периферийное значение ‘ <i>дуративность</i> ’ в семиотическом наполнении концепта.....	79
2.4. Тождество <i>ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ</i> как ближнее периферийное значение ‘ <i>манёвренность</i> ’ в семиотическом наполнении концепта.....	93
2.5. Тождество <i>ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ</i> как ядерное значение ‘ <i>симбиотичность</i> ’ в семиотическом наполнении концепта	136
<i>Выводы</i>	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	170

ВВЕДЕНИЕ

Фразеологизмы, относясь, прежде всего, к номинативному потенциалу языка, способны метафоризировать окружающий мир за счёт того, что они отражают в своём компонентном составе историческое знание и коллективный опыт народа.

Образ фразеологизма антропоцентричен: он демонстрирует особенности индивидуального познания и коллективного мышления, выступает посредником между разумом и культурой. Кроме того, в образе фразеологизма проявляется надфизическая реальность, способная концептуализировать происходящее во временном и пространственном континууме.

Отсюда следует, что концепт, как структурно-содержательная единица знания о мире, формируемая, в частности, за счёт плана выражения фразеологизма, способна в формально-логическом (фреймо-слотовом) режиме выступать посредником между эмоциональным и рациональным опытом человека.

Так, в понимании концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* мы исходим из древнегреческого философского утверждения о том, что в основе мироздания – две главные ипостаси: любовь и вражда, между которыми происходит постоянная *БОРЬБА* за соединение и разделение сущего (Эмпедокл). Что касается самого словосочетания «*тактика борьбы*», то в древнекитайской философии его рассматривают как разные способы управления врагом для того, чтобы одержать над ним победу (Сунь-цзы).

Степень разработанности проблемы. В науке об устойчивых образных сочетаниях термин *концепт* довольно подробно исследуется на предмет фразеоорганизующего множества. Так, во фразеологии широко известны однокомпонентные и двухкомпонентные концептуальные единицы: *ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА* [Кравцов 2008], *ВАГОН* [Ганапольская 2018], *МОРСКОЙ ТЕРМИН* [Потапова 2019], *ГОРОДА И ВЕСИ* [Савченко, Хмелевский

2020], *ПОГЛОЩЕНИЕ ПИЩИ* [Авраменко 2020], *СТИХИЯ* [Чжао 2022], *ВОДА* [Завгороднева 2023], *ОБЛАКО* [Ван 2023], и др. Встречаются также исследования метафор-сентенций, тождеств, организованных по субъект-предикатной модели ‘S – это есть Р’ (согласно теории Дж. Серля), рассматриваемые на материале образа фразеологизмов, например: *МОЛОДОСТЬ – ЭТО ВЕСНА; ПРОШЛОЕ – ЭТО ВЕРЁВКА* [Пинтова 2008], *ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ* [Каспарова 2011], *УМ – ЭТО СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ* [Сергеева 2011], *ЧЕЛОВЕК – ЭТО ПТИЦА* [Солдаткина 2017], *ЗДОРОВЬЕ – ЭТО ИЗОБИЛИЕ* [Витько 2018], *ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ – ЭТО МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО* [Камышева 2018], *ДУША – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ* [Радбиль 2020], *ЭКОНОМИКА – ЭТО ПОГОДА* [Линь 2022] и др.

Что касается субъект-предикатного сочетания «*ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ...*», аналогично конструируемого и разворачиваемого по субъект-предикатной модели ‘S – это есть Р₁, Р₂, Р₃, Р₄’ в роли концепта на материале фразеологизмов, то оно отдельно не встречается в научной литературе равно, как и субстантивное сочетание *ТАКТИКА БОРЬБЫ*, чем объясняется актуальность предпринимаемого исследования.

Актуальность. В настоящее время не существует достаточного количества комплексных научных работ, посвященных фреймо-слотовому описанию концепта с денотативной семантикой ‘противостояние’ на материале фразеологизмов.

Тем не менее известны некоторые исследования метафоры *БОРЬБЫ* в области лингвокультурного описания устойчивых единиц, например: [Тихонова 2005], [Щитова 2014], [Голованова 2015], [Соловьёва 2019], [Федотова 2022] и др., в которых фрагментарно обозначено понятие *БОРЬБЫ*, но специально не рассматривается его концептуальный каркас в границах предикативных сентенций-тождеств, а также уровень релевантности образа и значения, касающийся устойчивых единиц разных языков, и не формируется, тем самым, полного представления данного понятия на материале фразеологизма в целом.

Кроме того, *актуальность* настоящего исследования видится в необходимости обозначить границы и структуру ранее не рассматриваемого поливалентного основания «*ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ...*», которое формирует образ фразеологизма в социально-психологическом, пространственно-временном, нравственно-волевым, поведенческо-деятельностном ключе.

Гипотеза. Исходя из древнефилософских идей о *борьбе* (Эмпедокл) и *тактике борьбы* (Сунь-цзы), а также теоретико-прикладных основ военно-стратегического руководства (К. Клаузевиц, М.Ф. Карагодин, И.Н. Воробьев, Е.Ю. Рудкевич, А.Н. Кожин) и принципов истинности метафорических высказываний (Дж. Лакофф, Дж. Серль), можно создать фреймо-слотовую область концепта на примере устойчивых образных оборотов (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский) для характеристики лингвосемиотического потенциала и структурно-языковых норм концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* в процессах фразеогенеза.

Материалом исследования послужила картотека, составленная на основе фразеологических, паремиологических и толковых словарей, а также отрывков из специализированных военных текстов, исторической и художественной литературы, сведений интернет-ресурсов. Общее количество собранных оборотов составило 2240 единиц: 1013 фразеологизмов русского языка, 516 – немецкого языка, 711 – английского языка.

Объектом исследования служит метафорическое основание фразеологизмов определенной тематической группы в когнитивно-прагматическом и лексико-грамматическом описании.

Предмет исследования – концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* как фразеомоорганизующий критерий в образных устойчивых способах стратегического противостояния, формируемый за счёт определённых фреймо-слотовых характеристик и очевидных условий ассоциативно-смысловой релевантности между планом выражения и планом содержания фразеологизма.

Цель исследования состоит в комплексном анализе концепта *ТАКТИКА*

БОРЬБЫ с точки зрения синтаксического устройства предложения, реализации денотативно-сигнификативного наполнения и фактической включенности самого фразеологизма в состав выделяемого концепта. Обозначенная цель требует выполнения следующих исследовательских **задач**:

– уточнить понятие *ТАКТИКА БОРЬБЫ* с учетом известных философских и военных доктрин;

– охарактеризовать концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* как совокупное название корпуса, состоящего из набора тождеств, формируемых за счёт распространения константного левоположенного отрезка *S* частноутвердительными (вариабельными) умозаключениями *P* по субъект-предикатной модели ‘*S* – это есть *P*₁, *P*₂, *P*₃, *P*₄’;

– выявить перечень вариабельных правоположенных умозаключений в концептуальных тождествах «*ТАКТИКА БОРЬБЫ* – ЭТО ...», которые эксплицируют базовую левоположенную часть предложения;

– представить объем фреймо-слотовых дескрипторов и ядерно-периферийных значений концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ*;

– определить показатель принадлежности фразеологизма к системообразующему концепту *ТАКТИКА БОРЬБЫ* путём выявления степени релевантности образа и значения устойчивой языковой структуры;

– рассмотреть на примере фразеологизмов статистический показатель, маркирующий типичные и нетипичные манифестации составляющих концепта.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили работы в области *общей* (В.В. Виноградов [1986], В.Н. Телия [1996], В.Л. Архангельский [1964], Н.М. Шанский [2012], Б.А. Ларин [1956]) и *сопоставительной фразеологии* (В.Г. Гак [2010], А.В. Кунин [1996], Н.Н. Амосова [1963], А.Г. Назарян [2021], А.Д. Райхштейн [1980], Э.М. Солодухо [1989], Т.З Черданцева [1995], В.М. Мокиенко [2007], Т.Н. Федуленкова [2018], С.М. Кравцов [2008]); *когнитивного метода во фразеологии* (М.Л. Ковшова [2015], В.А. Маслова [2007], Н.Б. Мечковская [2010], А. Вежбицкая

[2001], В.З. Демьянков [2007], П.С. Дронов [2018], И.В. Зыкова [2015], А.Н. Баранов [2013], Д.О. Добровольский [1996], Е.В. Лупанова [2018]); *вопросов концептуализации* (Е.С. Кубрякова [2004]; А.А. Залевская [2005]; Е.В. Падучева [2019]; В.И. Карасик [2002]; Л.Ю. Буянова [2013]; З.Д. Попова, И.А. Стернин [2012]) и *метафоризации бытия* (Дж. Лакофф, М. Джонсон [2004], Дж. Серль [1990], R Gibbs [1990], Н.Д. Арутюнова [1998], В.К. Харченко [1991]; О.Л. Бессонова [2019]): *военно-философского видения методов борьбы* (Эмпедокл [1985], Сунь-цзы [2011], К. Клаузевиц [2009], А.М. Плехов [1988], Ю.Б. Байрамуков [2017], М.Ф. Карагодин [1989]).

Методы исследования. В работе использовались *приемы структурно-грамматического анализа* при уточнении семантики сочетания *ТАКТИКА БОРЬБЫ*; применялся *количественный анализ* фреймо-слотовых дескрипторов для определения установок культуры, прописываемых во фразеологизмах; *приемы лингвокультурологического описания*, а также *компонентный, контекстуальный и морфосинтаксический анализ* фразеологизмов – для детального представления этноязыковой реализации фразеологизма; *дефиниционный анализ* иницирующей части предложения-тождества – для определения границ, в рамках которых существует системоформирующий критерий концепта; *метод сплошной выборки* устойчивых единиц из лексикографических и нелексикографических источников – для создания фактического корпуса рассматриваемых единиц; *приём графической фиксации* содержания концепта – для наглядной иллюстрации промежуточных и итоговых выводных данных; *общеевропейский метод* исследования – для обращения к фактологическим знаниям прошлого в ходе описания образа и семантики фразеологизма; *сопоставительный анализ* – для обнаружения структурно-семантических закономерностей в разных языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизмов (*в онтологическом аспекте*) – это семиотическое поле индивидуально-

коллективного умозрительного восприятия художественно-изобразительных приемов регулирования противоборствующего события, выбор которых обусловлен прагматико-эмпирической эффективностью и оперативно-стратегической целесообразностью в рамках контекста. Данную когнитивную сущность формируют 4 тождества, 2 фрейма, 4 слота и 12 дескрипторов. С точки зрения *композиционного аспекта*, искомый концепт является симметричной структурой, образованной по формально-синтаксической схеме простого двусоставного нераспространённого предложения уточняющего типа $N_1 - N_2$, где N_1 является именным подлежащим, а N_2 – именным сказуемым, и по логико-синтаксической схеме субъект-предикатного типа ‘ $S - это есть P_1, P_2, P_3, P_4$ ’, где сегмент **S** считается постоянным иницирующим звеном, а сегмент **P** с подстрочным индексом $1, 2, 3, 4$ – переменной экспликативной частью для построения серии эквивалентных высказываний.

2. Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизмов (*в информативном аспекте*) – это ментальнообразующий корпус, составленный из набора частноутвердительных предложений-тождеств и аргументационных фреймо-слотовых дескрипторов. Содержание корпуса представлено следующими метаданными: ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР (крайняя периферия концепта): хромотопический фрейм, организованный локативным слотом и дескрипторами: *земля, вода, воздух*. ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР (дальняя периферия концепта): хромотопический фрейм, организованный темпоральным слотом и дескрипторами: *опережение, отставание, одновременность*. ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ (ближняя периферия концепта): коэкзистенциальный фрейм, организованный диспозитивным слотом и дескрипторами: *наступление, оборона, отступление*. ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ (ядро концепта): коэкзистенциальный фрейм, организованный интерактивным слотом и дескрипторами: *доминирование, подчинение, нейтралитет*.

3. Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизмов (*в интерпретативном аспекте*) детализируется перечнем семантических операторов (фрейм, слот, дескриптор), которые дают узкоспециальное толкование средствам образной объективации противоборствующего мира. Так, *хронологический фрейм* – это биполярная величина, формирующая представление об общих показателях дуративности в событии посредством *темпорального слота* и общих признаках геосферности в событии посредством *локативного слота*. Темпоральный слот распространяется дескрипторами *опережение, отставание, одновременность*, которые сообщают добавочные показатели дуративности, а локативный слот распространяется дескрипторами *земля, вода, воздух*, которые сообщают добавочные признаки геосферности. В свою очередь, *коэксистенциальный фрейм* – это также биполярная величина, формирующая представление об общих показателях манёвренности в событии посредством *диспозитивного слота* и общих признаках симбиотичности в событии посредством *интерактивного слота*. Диспозитивный слот распространяется дескрипторами *наступление, оборона, отступление*, которые сообщают добавочные показатели манёвренности, а интерактивный слот распространяется дескрипторами *доминирование, подчинение, нейтралитет*, которые сообщают добавочные признаки симбиотичности.

4. Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизмов (*в релевантном аспекте*) верифицируется определенным уровнем потенциальной согласованности между метафорическим образом устойчивого оборота и рассматриваемым когнитивно-семиотическим комплексом (концептом). Так, с учётом степени семантической слитности компонентов устанавливается *релевантность первого порядка* (прямотивированные ФЕ-конструкты: источником образа служат сфера военно-тактической лексики и буквальное видение рассматриваемого сочетания компонентов), *релевантность второго порядка* (косвенно-мотивированные ФЕ-конструкты: источником образа служат сфера норм литературного языка

и художественно-изобразительное видение сочетания рассматриваемых компонентов), *релевантность третьего порядка* (безотносительно-мотивированные ФЕ-конструкты: источником образа служат сфера национально-культурной специфики языка и перифрастическое видение сочетания рассматриваемых компонентов).

5. Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизмов (*в квантитативном аспекте*) является универсальным вариантом аккумуляции и трансляции ассоциативно-образного устройства мировидения независимо от разновидности национального языка и характеризуется рядом лингвокультурных и когнитивно-прагматических закономерностей. Так, искомый ментальнообразующий комплекс, в подавляющем большинстве случаев, 1) *находит* своё отражение в тех устойчивых единицах языка, которым предпочтительна слабая степень идиоматичности знака; 2) *преследует* идею симбиотических отношений с очевидным предпочтением манёвренности и личного взаимодействия; 3) *стремится* к манифестации твёрдости, неспешности в принятиях решений, недопущению непостоянства в жизненных процессах.

Научная новизна работы состоит том, что *впервые* на материале фразеологических единиц обосновывается и описывается концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* как семиотическое поле умозрительного регулирования противоборства; *впервые* устанавливается перечень системодостаточных критериев, определяемых как дидактические приёмы в описании искомого концепта на материале фразеологизмов и реализующихся в таких аспектах, как *онтологический, композиционный, информативный, интерпретативный, релевантный, квантитативный*. Кроме того, *впервые* для номенклатурного уточнения процессов метафорического фразеогенеза приводится ряд взаимосвязанных терминообозначений: *прямо-мотивированные ФЕ-конструкты, косвенно-мотивированные ФЕ-конструкты, безотносительно-мотивированные ФЕ-конструкты*, а также *впервые* для обоснования степени изоморфизма между концептом и фразеологизмом используются

специальные классифицирующие названия: *релевантность первого порядка, релевантность второго порядка, релевантность третьего порядка.*

Теоретическая значимость. В работе формулируются базовые критерии при описании концепта как корпуса составляющих его тематических нераспространенных предложений и определяющих его ассоциативно-образное и ядерно-периферийное содержание, что позволяет дополнить существующие приёмы лингвокогнитивного моделирования в общей теории фразеологии. В свою очередь, определение границ нового ментального комплекса вносит вклад в развитие прагматико-эмпирической базы данных относительно национально-культурных установок и универсальных семиотических кодов, передаваемых языковыми знаками.

Практическая ценность. Результаты исследования могут быть включены в концептологический инструментарий при описании метафорического основания на материале устойчивых сочетаний языка и экстраполированы на построение ментальных образований иного порядка. Кроме того, системообразующие параметры, лингвокультурологический анализ фразеологизмов, иллюстративный материал, принципы межъязыкового сопоставления могут быть полезны в лексикографической практике, на лекционных и семинарских занятиях по языковедческим дисциплинам в программах вузовского и послевузовского образования.

Апробация. Промежуточные результаты исследования представлялись в виде отдельных докладов на ежегодных отчётных заседаниях кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского госуниверситета в период с 2019 по 2023 годы. Основные результаты исследования были изложены на Международных научно-практических конференциях «Корреляционное взаимодействие науки и практики в новом мире» (Санкт-Петербург, 2020), «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» (Пенза, 2020), «Фундаментальные и прикладные исследования в науке и образовании» (Уфа, 2020), «Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты» (Омск, 2021), «Advances in

Science and Technology» (Москва, 2022), «Актуальные вопросы филологии и лингводидактики: памяти профессора Ф.А. Литвина» (Орёл, 2022). По теме диссертации опубликовано 11 статей, из которых 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 1 – в издании базы данных ISI.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав, изложенных на 198 страницах, Заключения (4 страниц) и Списка литературы (322 наименования). В работе содержатся 7 схем и 2 таблицы.

В главе 1 *«Образная номинация в языковой систематике и мыслительных процедурах»* раскрывается понятие фразеологизма и его внутренней формы, представленной, как правило, метафорой; говорится о значимой роли когнитивного метода в современной фразеологии, а с позиций философского знания обосновывается концептуальное пространство лингвокультуры, формируемое фразеологической метафорой. В главе 2 *«Структура концепта ТАКТИКА БОРЬБЫ в хронотопическом и коэкзистенциональном представлениях на материале фразеологизмов»* подробно говорится о способах категоризации и вербализации искомого ментального образования, анализируются типы аппроксимативных показателей, свидетельствующих о степени смысловой близости между отдельно интерпретируемым фразеологизмом и искомым концептом в дуративной, геосферной, маневровой и симбиотической проекциях. В Заключении указываются ключевые направления, по которым проводилась работа, обобщаются собственные результаты научного поиска на основании достигнутой цели и реализованных задач.

ГЛАВА 1.

ОБРАЗНАЯ НОМИНАЦИЯ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМАТИКЕ И МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУРАХ

1.1. Понятие фразеологизма и его внутренней формы

Фразеология изучает устойчивые образные структуры языка, их место в системе языка, а также истоки появления в культуре [Максимов 2013: 54].

Фразеологизмы, отражая самосознание народа, общественный строй, идеологию, являются богатством языкового сознания [Ларин 1956: 58].

Существует несколько терминов для обозначения образных номинативных единиц языка: *фразеологизм*, *фразеологическая единица* (далее ФЕ), *фразеологический оборот*, *устойчивое сочетание*, *фразема*. Каждое из этих названий обусловлено конкретным теоретическим взглядом, однако суть терминов сводится к тому, что они представляют устойчивые лексико-грамматические конгломераты, воспроизводимые в речи, состоящее из нескольких компонентов, из которых как минимум одно имеет переносное значение [Алефиренко 2017: 5].

Из вышеперечисленного видно, что в данной теме номенклатурный аспект очень разнообразен. И на фоне вышеизложенного хотелось бы отметить труды следующих ученых.

Так, В.Н. Телия, основываясь на широком понимании устойчивых оборотов, говорит о типологическом существовании *идиом*, *фразеологических сочетаний*, *речевых клише*, *паремий*, *крылатологии*, *грамматической фразеологии* [Телия 1996: 75]. По словам исследователя, множественных охват устойчивых единиц языка позволяет учитывать все их черты в том или ином классифицирующем аспекте.

Особый пласт устойчивых оборотов составляют *идиомы* – словесные аномалии, идущие вразрез с правилами грамматики и законами логики [Смит 1959: 38]. Идиомы отражают суть языковой культуры этноса, хранят

наиболее заметные следы историко-культурного наследия нации [Телия 1996: 123].

Следует сказать, что отечественные учёные устанавливают типологические границы фразеологии, а в центре внимания зарубежных исследователей находится разграничение несвободно-образных словосочетаний от остальных выражений языка, поэтому и возникает терминологическое разнообразие [Кунин 1996: 93].

Например, в зарубежной литературе для описания фразеологических единиц используются термины *idioms* и *fixed expressions* [Баранов, Добровольский 2013: 9]. Например, Р. Мун выделяет *anomalous collocations, formulae, metaphors* [Мун 1998: 23], а в работе П. Ховарта встречаем *free collocations, restricted collocations, figurative idioms, pure idioms* [Ховарт 1998: 23].

Полагаем, что наиболее общее название – *фразеологизм* – точно отражает комплексное название всех устойчивых единиц языка и демонстрирует их основные конституциональные признаки – семантическое единство и выразительность.

В своей работе мы будем следовать обобщенному представлению об устойчивых единицах языка, не проводить разницу номенклатурного характера, будем называть их совокупными терминами *фразеологизм, фразеологическая единица* (далее – ФЕ), а также *фразеологический оборот, устойчивое сочетание*, при этом будем подразумевать в общем плане образную номинативную единицу языка, исторически обусловленную, закреплённую и используемую в номинативном инвентаре этноса.

Назовём признаки, присущие этой категории номинативного инвентаря языка: речевая воспроизводимость, синтаксическая устойчивость, эмоционально-экспрессивная маркированность, денотативная целостность, структурная десемантизированность, узуально-стилевая и индивидуально-авторская обусловленность, эквивалентность одиночной лексеме [Виноградов 1977: 118].

Отметим, что данные признаки не уникальны, они присущи и другим единицам языка. Однако совокупный учёт этих признаков формирует набор конституционных признаков самой фразеологической единицы (например, [Смирницкий 1998: 208], [Виноградов 1977: 121], [Глотова 2019: 14], [Караулов 1997: 703]).

Среди признаков фразеологизма следует назвать постоянство грамматической формы. Фразеологизмы, как правило, не допускают вставку компонентов в уже сформировавшийся образ [Вендина 2001: 200].

В.М. Мокиенко говорит о первоочередной экспрессивности устойчивого сочетания лексем на фоне целостного значения [Мокиенко 2005: 57].

Н.Ф. Алефиренко указывает на ведущую роль переносно-образного значения, а сами устойчивые структуры называет *фраземами* [Алефиренко 2021: 23].

По П.А. Леканту, отличительным признаком фразеологизма следует считать социально закреплённое соотношение смысла и состава самой единицы [Лекант 2002: 500].

В.В. Виноградов выделяет внешние признаки (устойчивый порядок следования элементов) и внутренние признаки фразеологизмов (смысловая неразделимость, семантическая отдалённость от соответствующих им свободных сочетаний) [Виноградов 1977: 144].

В.Н. Ярцева рассматривает фразеологизм как отношение переосмысленных слов и фраз, которые воссоздаются в речи с конкретно заданным лексико-грамматическим составом и фиксированной семантической последовательностью [Ярцева 2008: 559].

Н.Н. Амосова предлагает рассматривать фразеологизм как стабильный контекст, состоящий из союза одних структурно разделённых словосочетаний, но ассоциируемых с другими (выходящими за пределы словосочетания) целостными смысловыми воплощениями [Амосова 1963: 5, 33], [Ахманова 1969: 503].

Фразеологизмом считают несвободные образования с ударным (знаменательным) и неударным (служебным) словами [Мечковская 2008: 457].

Фразеологизм – это знак, где означаемое реализует себя иными средствами – противоположными тем, что представлены означаемым [Карцевский 1965: 90].

Ш. Балли, основоположник фразеологической теории, отмечает также наличие лексических синонимов у фразеологизмов [Балли 2003: 232].

Такой признак фразеологизма как *устойчивость* рассматривается с точки зрения структурного критерия (константность элементов), синтагматического (их предсказуемая последовательность), социально-узуального (закрепленность в обществе) [Арутюнова 2008: 470]. Что касается *идиоматичности*, то она может быть обязательной (сюда относят собственно идиомы как классификационную группу фразеологизмов с непрозрачным денотатом) и необязательной (сюда причисляют остальные группы фразеологизмов с относительно прозрачным денотатом) [Жевайкина 2004: 24].

Итак, фразеологизм – это, прежде всего, устойчивое номинативное сочетание. Данная единица языка обладает очевидной экспрессией.

Значение фразеологизма – это конгломерат нескольких компонентов, тесно связанный с внеязыковыми предпосылками [Кругликова 1988: 113], [Соколова 1987: 13 – 14], [Волошкина 2009: 24], [Глотова 2019: 67], [Лаптева 2016].

Значение фразеологизма имеет сложную структуру, состоящую из денотата, сигнификата, оценки, образной мотивации [Ковшова 2015: 95].

Особое внимание уделяется оценочному компоненту фразеологизмов. Данный компонент связан с субъективным восприятием окружающего мира и ранжируется по шкале «одобрение / неодобрение».

Субъективация мира априори различна и зависит от участников речевой ситуации. В этом случае содержание реальных (объективных)

событий перекрывается субъективным восприятием, что порождает поливалентность оценочно-эмотивной характеристики, заложенной во фразеологизме [Арутюнова 1998: 57].

Наличие устойчивой единицы языка обуславливается той важной ролью, которая отводится ей как единице номинативного инвентаря. И прежде всего, эта роль фокусируется на тех функциях, которые реализуют фразеологизм в языке и речи.

Так, отмечается, что фразеологизм обладает *экспрессивной* функцией – способностью транслировать отношение говорящего с сказанному, при этом происходит выражение культурно-знаковой позиции, ценностно-эмоциональной реакции на происходящее (пример из [Токарева 2007: 175]): *выйти замуж за траченного молью*).

Кроме того, следует говорить о *знаковой* функции фразеологизма – умении задействовать мыслительную деятельность человека, активизировать тождественную составляющую образа в сопоставлении с объективной реальностью (своеобразное иррациональное моделирование).

Выделяется и *коммуникативная* роль фразеологизма – включение культурной коннотации и ограничение на употребление (в частности, эвфемизация речи) [Ковшова 2015: 77].

Для фразеологизмов свойственна *сигнификативная* функция. Она состоит в том, что дифференцируется употребление устойчивого оборота с общим значением, но на материале разных контекстов. Например: о малом количестве исчисляемых предметов скажут *раз, два и обчелся*, а о неисчисляемых предпочтительно говорить *с гулькин нос* (но не наоборот!) [Зимин 2016: 39].

Можно выделить *обобщающую* функцию фразеологизмов, которая преследует задачу выражения сущности сказанного и, как правило, используется в заголовках различного типа, например, *бедные люди* (по роману Ф.М. Достоевского) [Семенова 2014].

Среди классификационных групп фразеологизмов наиболее известной

следует считать классификацию по степени семантической слитности (*сращения, единства, сочетания, выражения*) [Виноградов 1977: 138], [Шанский 2012: 18 – 37].

В общем плане к фразеологизмам относятся сочетания слов, в которых лексическому переосмыслению подвергаются элементы, но в которых их номинативная функция подсознательно сохранена. Эквивалентами таких сочетаний являются *речевые штампы*. Или, например, для *идиом*, как одной из разновидностей фразеологизмов, характерно переосмысление состава и наличие целостной номинативной функции. Здесь уместно выделение особых фразеосхем [Телия 1986: 52].

Существуют другие классификационные критерии, относящиеся, в частности, к грамматическому аспекту. Например, Н.М. Шанский выделяет группы фразеологизмов – *предикативные* и *непредикативные* [Шанский 2012: 36].

А.И. Молотков выделяет *глагольные, субстантивные, адъективные, адвербиальные, междометные* и *глагольно-пропозициональные* фразеологизмы [Молотков 1977: 73].

В ходе грамматической типологизации фразеологизмов учитываются грамматические категории устойчивых оборотов, их синтаксическая функция в предложении и общекатегориальное значение [Виноградов 1977: 35]. С точки зрения функционирования в речи, разграничивают *межстилевые* фразеологизмы, *книжные, разговорно-бытовые, просторечные* [Виноградов 1977: 151].

В работе А.Г. Назаряна на материале французского языка приводится типология устойчивых единиц в соответствии со структурной разновидностью, функциональной нагрузкой и семантической наполняемостью [Назарян 2021: 58 – 65].

Исследуя фразеологический материал немецкого языка, наряду со структурно-семантической типологией, в частности А.Д. Райхштейн рассматривает и пословично-поговорочный фонд в составе устойчивых

языковых единиц, градуируя его по тематической направленности (например, человек, мораль, интеллект, отвага, время, знание, родина и др.) [Райхштейн 1980: 73].

Во фразеологии также рассматривается история возникновения фразеологизмов – *исконные* и *заимствованные* (об этом работы [Архангельский 1964: 17], [Бирих 2005: 58-59], [Горшкова 2004: 10], [Копыленко 1978: 137], [Лаптева 2015: 19], [Мокиенко 2005: 926], [Солодухо 1989: 294]) и др.

Этимологический вектор изучения образного основания фразеологизмов позволяет заключить, что, как правило, существующие научные разработки ориентированы на выявление следующих универсальных критериев: собственно национальные образы, свойственные отдельному этносу (например, русские, английские, немецкие, итальянские, китайские); образы, которые понятны группе родственных этносов (славянские, романские, германские), а также образы, которые носят общенациональный характер для подавляющего числа народа в геополитическом пространстве (например, образ-калька типа *быть не в своей тарелке*, которые транспарентны для большинства индоевропейцев, или, например, английский устойчивый оборот *who is who*, который является интернационализмом и доступен пониманию в планетарном масштабе) [Райхштейн 1980: 97], [Соколова 1987: 117], [Пустошило 2011], [Назарян 2021: 119].

В общем плане можно выделить фразеологизмы собственно национальные и фразеологизмы, заимствованные из других языков. Среди источников появления фразеологизмов следует назвать литературные произведения, фольклор, мифологию, научную терминологию, религию, жаргоны, высказывания известных людей [Глотова 2019: 37], [Бекоева 2019: 115], [Цакалиди 2019: 104].

Важной составляющей любой фразеологической единицы является ее значение. Во фразеологизме отсутствует членимость и полная ясность

входящих в него элементов, а, следовательно, и значение фразеологизма в высшей степени условно.

Значение фразеологизма – особый уровень знания, где заключена вся информация в уникальном сочетании элементов [Ларин 1956: 6].

Фразеологическая единица обладает набором шаблонных значений, который и формирует представление об устойчивой языковой единице [Кубрякова 2004: 92].

Данный вопрос рассматривает в своих работах В.Н. Телия. Она отмечает, что *фразеологизм* включает в себя семантически разнородные типы словосочетаний с их переосмысленными значениями.

Исследователь предлагает декларативно-процедурный обзор значения фразеологизма, где аккумулируются дескриптивно ориентированные и прагматически ориентированные семантические блоки. Это могут быть знания об окружающем мире, характере субъектных отношений – т.е. внеязыковая информация, а также собственно языковая информация – грамматическая, денотативная, стилистическая и т.п. [Телия 1996: 126].

Значение устойчивой структуры может быть представлено как «ментальный текст», состоящий из социального и культурного знания [Ковшова 2019: 164].

Рассмотрение фразеологизма не мыслится без рассмотрения его *внутренней формы* – той исторически сложившейся и закрепившейся образной основы, которая косвенно формирует представление об устойчивой единице и семантике оборота.

Внутренняя форма фразеологизма – это образ или картина ситуации, образованные метафорическим сочетанием слов на фоне своего устойчивого употребления [Виноградов 2009: 184];

В.Н. Телия связывает внутреннюю форму фразеологизма с его мотивацией и ассоциацией [Телия 1986: 12].

А.В. Кунин утверждает, что внутренняя форма устойчивого оборота является результатом исторического развития прототипической ситуации

[Кунин 1996: 72].

Внутренняя форма неразрывно связана с актуальным значением фразеологизма, она обуславливает оценочную составляющую значения, является носителем культурной коннотации фразеологизма [Зимин 2016: 33].

Внутренняя форма позволяет фразеологической единице полноценно проявлять себя в процессе коммуникации, поскольку между денотатом и образной составляющей существует тесная взаимосвязь [Обдуллаев 1996: 29].

Внутренняя форма складывается из особых отношений слов-компонентов: с одной стороны, они являются переосмысленными структурами, а с другой – прототипами реальных номинаций. Например: *сесть в лужу* – ‘кто-то сел в углубление с водой’ (реальная номинация) и *сесть в лужу* – ‘совершить ошибку при посторонних’ (прототип) [Ройзензон 1965: 66].

Внутренняя форма фразеологизма состоит из образного представления метафорического, метонимического или сравнительного типов [Федоров 1980: 15].

Есть мнение, что внутренняя форма устойчивого оборота формируется за счёт ассоциативной связи между значением слов свободного употребления и значением фразеологизма в целом [Диброва 2008: 326].

Внутренняя форма – это образ, который содержит обиходно-эмпирический опыт языкового коллектива. Она является основой семантической мотивации фразеологизма, его культурным следом в виде мифов, архетипов, обычаев, традиций [Телия 1986: 13].

Внутренняя форма порождает семантическую неопределённость ввиду культурной наполняемости [Ковшова 2015: 67], должна учитываться при описании семантических особенностей самого оборота [Баранов, Добровольский 2008: 11], обладает интралингвистической и экстралингвистической природой.

Образная ситуация фразеологизма основывается на культурных

смыслах. Культурная компетентность носителя языка позволяет разворачивать образ фразеологизмов и видеть в нем элементарные смыслы, которые накладываются на общее значение ситуации общения (бытовая речь, публицистика, литературный текст и пр.) [Ковшова 2015: 83], [Бекоева 2019: 117].

Культурные установки представлены очевидным образом в пословицах, но могут быть закодированы и в образах обычных фразеологизмов. Образ фразеологизма, как культурный смысл, раскрывается в контексте.

Культурным установкам, заложенным в образе фразеологизмов, может быть свойственна универсальность. В этой связи в современных работах по фразеологии часто проводятся исследования по сопоставлению фразеологических картин в разных языках [Жуйкова 2015: 119], [Кравцов 2016: 27], [Федуленкова 2018: 21], [Бекоева 2019: 114], [Лысенкова 2020: 11].

Большей частью, культурные установки, отраженные в образе фразеологизма, специфичны, они скрывают себя, они неявны и непонятны для представителей иной культуры.

Внутренняя форма фразеологизма – это семантический троп, проводник между двумя семиотическими системами – культурой и языком. Во внутренней форме зиждутся ценностные смыслы, ключ к ментальности говорящего на этом языке народа. Внутренняя форма опирается на конкретную ситуацию, и при этом достаточно отрывочное понимание образа, чтобы предвосхитить актуальное значение фразеологизма. [Баранов, Добровольский 2008: 17].

Внутренняя форма может трансформироваться в символическое значение за счёт, допустим, библейского источника в роли метафорического основания, например: *нести свой крест* – ‘такова судьба’ (об этом [Чэнь Янь 2011: 265], [Мухтаруллина 2015: 83]).

Отмечается и тот факт, что в рамках «родной» культуры образ может становиться непрозрачным для носителя языка, поскольку стереотипы,

эталоны, установки, ценности со временем меняются. В этой связи обозначается лингвокультурологический подход во фразеологии для рассмотрения различных семиотических систем [Зыкова 2015: 254].

Образная сущность каждого фразеологического оборота транслирует особое понимание мира среди отдельно взятого народа. Образ фразеологизма абстрагирован, является индивидуализированным. Метафорический принцип образа отражает единение фиксированной общности людей относительно понимания конкретной реалии [Баранов, Добровольский 2013: 77], [Волошкина 2009: 69], [Вендина 2001: 35].

В образе фразеологизма исторически заложены характерные черты языкового сознания, закрепляются особые представления о сущности и значимости отражаемого события, создается национально-культурный прецедент в хронотопическом плане [Гак 2010: 67], [Глотова 2019: 92], [Зыкова 2015: 83].

Внутренняя форма в одних фразеологических единицах прозрачна (например, *набираться ума, не из храброго десятка*), а в других – затемнена (например, *молочные реки, семо и овамо*). Иногда внутренняя форма лишена образности (например, *вопросительный знак, кредитный билет*) [Алефиренко 2017: 33], [Зимин 2003: 33], формируя особую группу устойчивых составных номинаций (Н.М. Шанский).

Под внутренней формой подразумевают мотивационную связь между компонентами фразеологизма и значением самого фразеологизма [Савицкий 2006: 208]; между значением и образом существует тесная взаимосвязь [Обдуллаев 1996: 29].

Таким образом, *понятие фразеологизма* заключается в раскрытии его идентифицирующего и мотивирующего оснований, формируемых денотативного и коннотативного значений, реализуемой функциональной нагрузки в языке и речи.

Классифицировать фразеологизмы можно по структурной

особенности, функциональной направленности, семантической обусловленности, стилистической направленности.

Основными *функциями* фразеологизма являются стилистическая, назывная, прагматическая, резюмирующая, кумулятивная.

Типологическая разновидность устойчивых оборотов объясняется разнообразием классификационных критериев – от исторического принципа до структурно-грамматического, – и поэтому выделяют сильно и слабо идиоматические обороты, предложенческие структуры и обороты в форме классического словосочетания, равнозначные и неравнозначные единицы по семантической наполняемости, территориальную иokkaзиональную фразеологию, а также архаизмы и неологизмы в области устойчивых оборотов языка.

Кроме того, важным представляется и *внутренняя форма* фразеологизма, которая характеризует устойчивый оборот, прежде всего, как единицу лингвокультуры.

Внутренняя форма фразеологизма формируется в сознании носителя языка на основе конкретно-образного представления о мире и в дальнейшем служит отправной точкой в разворачивании комплексного исторически сложившегося значения.

1.2. Методы когнитивного исследования во фразеологии

Когнитивная лингвистика призвана изучать связь естественного языка и сознания человека, взаимосвязь языковых средств и категоризации мира [Ярцева 2008: 267].

С точки зрения когнитивной лингвистики, язык является инструментом в познании мира и обеспечивает доступ к системе знаний о мире, отражает человеческий опыт и совокупность индивидуальных и национальных понятий о мире. Более того, в структуре языка отмечена связь между предметами и явлениями материального мира, и эта связь существует

независимо от человека и общества [Серебренников 1988: 23], [Апресян 1995: 45], [Вежбицкая 2001: 35] и др.

Когнитивная лингвистика изучает то, как язык даёт представление о внешнем и внутреннем мире человека, как в языке представлена сущность человека, которая отражает человеческое мировоззрение и духовную силу человеческого существа. И таким образом возникающая система знаний являет собой языковую картину мира [Гумбольдт 1984: 51].

Под языковой картиной мира понимают информацию, закреплённую в средствах разговорных языков [Брутян 1973: 108].

Благодаря когнитивному анализу языковых единиц есть большая вероятность получить сведения о характере жизнедеятельности разных людей [Витгенштейн 2007: 3].

Посредством единиц языка формируются и выражаются мысли, хранятся и организуются знания о мире людей [Болдырев 2004: 19]. Единицы языка отражают мыслительный мир человека [Кубрякова 2004: 12].

Единицы языка рассматриваются с разных точек зрения, в том числе и с позиций когнитивного метода в лингвистике, как, например, во фразеологии.

Наиболее заметно запечатлевается жизнь человека в образных устойчивых выражениях языка [Вежбицкая 2001: 46].

Фразеологический фонд языка выступает источником ценных сведений о культуре и менталитете народа; фразеологизмы отражают мифы, обряды, моральные устои и т.д. [Маслова 2007: 43].

Когнитивный метод во фразеологии связывается с изучением устойчивых оборотов языка как особых микротекстов, в которых образ связан с некоторой социально значимой ситуацией. Посредством когнитивного метода разворачивается объём информации, который кодируется в тексте самого оборота – своеобразный текст в тексте [Телия 1986: 28].

Когнитивное направление во фразеологии позволяет увидеть

фразеологические единицы как репрезентантов обыденного сознания носителя языка. Под обыденным сознанием понимается жизненно-практическая деятельность людей, регулятор человеческого поведения [Гусев, Пукшанский 1994: 8].

В методах когнитивной лингвистики фразеологию принято рассматривать как систему хранения и структуризации образно-устойчивых знаний о мире в подсознании человека [Болдырев 2004: 21], [Кубрякова 2004: 14], [Дружинин 2007], [Демьянков 2007: 606], [Залевская 2001: 543], а сами устойчивые единицы становятся ключом к лингвокультурному декодированию мира [Дронов 2018], [Зыкова 2019].

Выявлено, что объем национального представления о мире закрепляется в единицах номинативного характера – словах и фразеологизмах [Апресян 2006: 33], [Корнилов 2011: 106, 96, 295], [Вахитова 2018], [Черданцева 1995: 86].

Когнитивный метод во фразеологии позволяет узнать, каким образом в национальном сознании выстраиваются и упорядочиваются фразеологические представления о действительности [Стернин 2000: 56].

С помощью методов когнитивной лингвистики изучают фразеологическую картину мира и реальную действительность, которая послужила прототипом образа [Гусельникова 2009], [Вахитова 2018].

Когнитивное изучение фразеологии представляет собой подход, при котором устойчивые обороты организуют и хранят в памяти народа образные знания о мире [Добровольский, Караулов 1992: 23], [Мокиенко 2002: 45], [Кубрякова 2004: 14], [Телия 1986: 35].

Методы когнитивной фразеологии позволяют отобразить разные уровни национальной картины мира (научной, религиозной, политической, художественной и пр.), которые выстраиваются в паремиях, афоризмах, клишированных высказываниях [Мечковская 2008: 456 – 457].

Фразеологическая картина мира представляет собой когнитивное образование, которое содержит различные сведения об устойчивых единицах

языка. Во фразеологизме скрыты собственные когнитивные образования, важные с точки зрения методологии формирования знаний о жизнеукладе отдельно взятой языковой культуры [Мечковская 2008: 14].

Когнитивное изучение фразеологии получило широкое распространение в современных работах по фразеологии, среди них: [Алефиренко 2009], [Баранов, Добровольский 2008], [Корнилов 2011], [Ковшова 2019], [Телия 2012].

Разыскания в современных когнитивных исследованиях по фразеологии сводятся к тому, что авторы очерчивают границы и формируют состав когнитивной фразеологии, определяют её природу, трактуют признаки национально-культурной самостоятельности слов-компонентов оборота и др. [Мечковская 2008: 457].

В когнитивной фразеологии решается вопрос об экстракции элементов национального бытия, изучаются прецедентные феномены [Золотарев 2015: 17], [Захаренко 2000: 46], реконструкция фразеологических концептов [Фесенко 2009: 37], [Карасик, Слышкин 2005: 33], коррелятивное поведение фразеологических концептов на материале языка [Карасик 2005], [Токарев 2003], [Попова, Стернин 2012] и др.

Методы когнитивной фразеологии напрямую связываются с антропоцентрическим взглядом на мир. В частности, такой взгляд проявляется в темпоральном представлении о происходящем [Перцова 1990: 101], [Чугунова 2009: 135]. Время также мыслится как жидкость (фразеологизм *время течет* [Фразеологический словарь 2014: 427]), летающий объект (фразеологизм *время летит* [Фразеологический словарь 2014: 427]), эластичная субстанция (фразеологизм *тянуть время* [Фразеологический словарь 2014: 427]), ценность (фразеологизм *тратить время* [Фразеологический словарь 2014: 428]), живое существо (фразеологизм *время терпит* [Фразеологический словарь 2014: 500]) и пр.

Когнитивные методы показывают, что антропоцентризм явно представлен в любых языковых единицах, которые реконструируют

происходившее или происходящее в человеческой истории посредством общесемиотических либо общекультурных систем [Апресян 1995: 37 – 38].

Когнитивные методы позволяют обнаружить семантические примитивы, ключевые концепты, в результате чего появляется возможность формализованными средствами всесторонне описать единицы языка и культуры. Когнитивные методы – это, прежде всего, последовательность мыслительных процедур, направленных на анализ лексико-семантического и морфолого-синтаксического состава изучаемой структуры с последующим извлечением важных фактов из жизни народа [Вежбицкая 2001: 7].

Благодаря когнитивным методам возникает переосмысление языка, происходит проникновение в национальную культуру. Во многом, это и объясняет тот факт, что подавляющее большинство фразеологизмов не переводится с одного языка на другой, поскольку непереводаемыми оказываются национальный колорит и эстетическая нагрузка [Апресян 2006: 25], [Солодуб 1985: 11], [Солодухо 1989: 23].

Важным в когнитивной фразеологии оказывается то, что устойчивые единицы языка объективируют окружающий мир в коллективном сознании, коррелируют с реальным/ирреальным миром посредством образного основания оборота и, как результат, формируют фразеологическую картину мира [Дуйсекова 2006: 260], [Красных 2002: 11], [Маслова 2007: 34], [Опарина 2015: 23].

Задачами когнитивных методов, применяемых к устойчивым единицам языка, становится обнаружение связей между фразеологической картиной мира и языком, речью, а также культурой народа, поскольку методами когнитивного анализа во фразеологизме позволительно обнаружить скрытые смыслы, не отражаемые на их формально грамматическом, лексическом или фонетическом уровнях [Апресян 1995: 37], [Мечковская 2008: 229].

Когнитивный метод способствует принципиально новому подходу в исследовании устойчивых оборотов. Во главу угла ставится антропоцентрическое начало образа фразеологизмов, а также их

коммуникативное предназначение как единиц вторичной номинации [Телия 1996: 54].

В когнитивном русле, фразеологизм рассматривается как ситуативный микротекст, где собрана в свернутом виде разнородная информация. И в этом смысле устойчивый оборот, как многомерный конструкт, становится достоянием народа, осмысливается как информационный комплекс, является уникальным кодом культуры [Малерович 1997: 12], [Брагина 2004: 34], [Телия 1986: 14], [Ковшова 2015: 34], [Орлова 2018: 6 – 9].

Метод когнитивного представления фразеологизмов рассматривается в трудах А.Б. Феоктистовой. Исследователь, моделируя денотативный аспект значения идиом с опорой на коммуникативный фактор, доказывает имплицитное взаимодействие устойчивого оборота с фоновым знанием об обозначаемом [Феоктистова 1996: 18].

Когнитивное исследование во фразеологии состоит в том, чтобы рассмотреть обозначаемое знание или представление о мире вещей и явлений. Это, прежде всего, моделирование окружающей действительности [Передреева 2018: 121].

Исследования когнитивного плана во фразеологии объединяются общей идеей: рассмотреть многоплановое содержание устойчивых оборотов, которые являют собой блок знаний о реалиях, отраженных в образном основании устойчивой структуры. При этом значение фразеологизма понимается как результат обработки определённых национальных представлений о мире [Ломакина 2019: 7], [Бредис 2019: 36].

Так, на основе когнитивного подхода предлагается моделирование актуального значения идиом [Зимин 2003], описание культурного компонента фразеологизмов [Ковалева 2004: 38], [Мечковская 2008: 24], [Баранов, Добровольский 2013], [Зыкова 2019], построение фразеологического поля различной наполняемости [Баранов, Добровольский 2013: 256], [Алефиренко, Семененко 2009: 344], [Жуков 2006: 400]; выявление лингвокреативного мышления при создании образа ФЕ [Зыкова

2020], [Алефиренко 2017]; определение национальной и межнациональной особенности мира, заложенного в образ фразеологизма [Кривая 2009: 288], [Корнилов 2011: 349], [Телия 1996: 173]; изучение фразеокодов и фразеологгосс [Зеленкина 2001: 15] и т.д.

В концепции когнитивной фразеологии значимая роль отводится образу. Если классическая фразеология традиционно делает акцент, в основном, на лексикографические источники и литературные тексты в качестве основополагающего ресурса для сбора данных о ФЕ, то когнитивистика рассматривает образ фразеологизмов с точки зрения его психологической самостоятельности и национальной индивидуальности в дискурсивном пространстве. Образ фразеологизма, номинируя и квалифицируя, субъективирует ситуацию, является одновременно инструментом языка и речи [Добровольский, Караулов 1992: 7].

Фразеологизм устроен таким образом, что вся имеющаяся в нем информация внеязыкового характера, находится в свернутом, редуцированном виде. В момент актуализации происходит обратный процесс – «когнитивная развертка» (термин, предлагаемый в ряде работ [Телия 1996], [Кабакова 1999], [Кубрякова 1997], [Ковшова 2019] и др.).

Суть когнитивной развёртки фразеологизма состоит в том, что поэтапно («в действии») анонсируются такие типы информации фразеологизма, как денотативный, оценочный, мотивационный, эмотивный, что позволяет увидеть внешнюю референцию к социально-культурному пласту знаний о народе.

Так, в работе [Ковшова 2019: 165] указывается, что когнитивный метод во фразеологии заключается в поэтапном развертывании особого многоблочного информационного текста, заложенного в образное основание устойчивого оборота. Метод позволяет извлекать социокультурные знания, закладываемые и накапливаемые с течением времени в образе фразеологизма.

Например, устойчивые структуры *щи да каша – пища наша, щи – хоть*

портянки полощи. Данные образы пронизаны русским духом, который закончен в характерном (общенациональном) компоненте *щи* (гастрономический код культуры) [Ковшова 2019: 165].

Рассматривая фразеологизмы в когнитивном плане, М.Л. Ковшова также использует метод ретроспекции. В основу положена чувственная память народа, производится учёт архетипических оппозиций, привлекаются коды культуры (зооморфный, костюмный, гастрономический и т.п.), «примешивается» ассоциативный план, возникающий при прочтении образа (например, образ гладкой поверхности коррелирует в сознании с приятным, красивым, подобающим – отсюда фразеологизмы *загладить вину, всё прошло гладко, тишь да гладь да Божья благодать* и др.) [Ковшова 2015: 643].

Когнитивный подход во фразеологии позволяет также увидеть объем восприятия и воспроизведения фразеологизма в жизненной практике этноса, раскрыть регуляторную основу поведения и общения индивидов [Гусев, Пукшанский 1994: 8], [Орлова 2018: 3], [Корнилов 2011: 217].

Например, британский фразеолог Э. Кауи полагает, что анализ устойчивых оборотов, основанный на теории фреймов, представляется одним из видов когнитивного анализа фразеологизмов [Кауи 1998: 40].

Исследователь берёт за основу описания компонентный состав фразеологизмов – знаменательные и незнаменательные элементы, а также метаязыковые формулы-заместители для обозначения действия, результата т.п. Полученная модель отражает частотные образы, их лексическое наполнение и обобщенное значение. Например, кинетическая семантика компонента *give* в английских фразеологизмах *give to the dogs, give the use for a sort time, give a lecture, give the air, give a handle, give one's ears* [Cowie 2000: 123], [Игнатович, Федуленкова 2017: 35].

Когнитивная фразеология решает вопрос о том, что воспринимает говорящий первично: буквальное прочтение оборота (план выражения) или переносное значение оборота (план содержания).

Когнитивное исследование в области устойчивых единиц

характеризуется строгостью мыслительных процедур и описывается метаязыковыми операторами [Карасик, Стернин 2007: 512].

При когнитивном представлении устойчивых оборотов особое место отводится метафоре как результату взаимодействия различных структур образных знаний о реалиях [Баранов, Добровольский 2008: 163].

В методах когнитивного толкования фразеологизмов необходимо проводить следующие базовые семантические операции, которые проявляют себя комплексно: введение / исключение X-а или Y-ка; выдвижение на первый план X-а или Y-ка; изменение X под влиянием Y и наоборот; слияние X-а с Y-ком [Баранов, Добровольский 2008: 73].

Например, в образе фразеологизма *сушить мозги* просматривается идея лишения жидкости (по ассоциации с процессуальным компонентом *сушить*, который оказывает влияние на субстантивный компонент *мозги*), однако эта же семантика не определяется в таком обороте, как *прочистить мозги* (хотя использован тот же субстантивный компонент *мозги*). Трактовка образа такова: с точки зрения медицины, лишение *мозга* жидкости (сушить мозги) приводит к расстройству мышления и положительного эмоционального состояния [Баранов, Добровольский 2008: 74].

Когнитивное толкование образа осложняется наличием обязательных (сопутствующих) фоновых знаний и, вероятно, некоторой субъективностью. Тем не менее подобная когнитивная реконструкция важна, прежде всего, в теоретическом аспекте, поскольку позволяет получить необходимое выводное знание. Данная когнитивная реконструкция образа позволяет говорящему / слушающему домыслить коммуникативное событие или же распознать установку коммуникативного акта [Баранов, Добровольский 2008: 73].

Вполне очевидно, что когнитивное толкование отличается комплексностью и, что немаловажно, субъективностью (разноплановостью), которые позволяют разными способами видеть оборот и получать неодинаковые выводные знания.

В этой связи возникает метод интерференции, оказывающийся сопутствующим когнитивной интерпретации фразеологизма.

Интерференция – это выводное знание с опорой на созданную модель текста от лица говорящего либо слушающего, с учётом интересов и взглядов собеседника, с привлечением установок самого коммуникативного акта [Кубрякова 1997: 34].

Если рассматривать фразеологизм с точки зрения интерференции, то устойчивый оборот представляет собой совокупность когнитивных структур. Семантика устойчивого оборота – это комплексное знание (макрокомпонентное), получаемое в результате экспликации того, что составило внутреннюю форму (образ), исходное сочетание с переосмысленным содержанием [Телия 1996: 142].

Устойчивые единицы языка также рассматриваются в рамках так называемой ассоциативно-вербальной сети, которая уходит от традиционного рассмотрения устойчивых оборотов в плоскостях «язык ↔ текст», «язык ↔ словарь», «язык ↔ речь».

С точки зрения ассоциативно-вербальной связи, фразеологизм – это, прежде всего, не случайная синтагматическая связь элементов, а предопределяемая разными обстоятельствами – и, по преимуществу, мировоззренческими, психологически обусловленными заметными и важными для данного народа фактами истории, экономики, быта и пр. Фразеологизм когнитивно определяется как промежуточная единица между языком и речью [Добровольский, Караулов 1992: 7].

К когнитивным методам описания фразеологизмов относят и систему оценочных средств – аксиологический параметр. Особенно наглядно система оценок просматривается в паремиологическом фонде языка.

Так, паремии обладают цитатным характером, внутрисоциальными закономерностями, притчевым ориентиром, экономной формой передачи мысли [Аникин 1974: 276], [Телия 1996: 73], [Смирницкий 1998: 260].

В этой связи предлагается когнитивный анализ паремий через призму

оценок – количественных, прототипических, целевых (например: *Много голов – много умов; Лучшие меньше, да лучше*). А сама оценка, заложенная в образ, объясняется выбором говорящего и очевидностью самой речевой ситуации [Баранов, Добровольский 2008: 79 – 83], [Байрамова 2016: 73 – 77].

В общем плане когнитивное исследование устойчивых структур основывается на том, что следует делать акцент на образе, обращать особое внимание на контекстное окружение или ситуацию речи. При таком подходе неизбежно актуализируются аспекты языковой семантики оборота и особенности культурной коннотации.

В ходе когнитивного анализа фразеологизмов учитывают пропозиционную составляющую (деятель, реципиент, сирконстант, объект), исследуют денотативный и мотивационный компоненты (экспликация фразеогенеза), занимаются построением метаязыковых формул (участники X и Y), выявляют аксиологические стратегии (по общей шкале «хорошо – плохо») [Баранов, Добровольский 2008: 73].

Кроме того, когнитивная интерпретация устойчивых оборотов предполагает объединение (создание блока) структур по устанавливаемому (по большей части, интуитивному) исследователем признаку (например, рубрики в сборниках пословиц и поговорок по принципу «*Семья*», «*Жизнь*», «*Благополучие*» и пр.), а также обобщение представлений в виде моралистических сентенций (например, *Наши добродетели – наши переряженные пороки*) [Попова, Стернин 2012: 63 – 64].

Предлагается анализировать фразеологизмы и в соответствии с идеализированными образными системами – когнитивными моделями. В этой связи считается, что человек организует свои знания с помощью метафорических отображений (в том числе благодаря вербализации отдельных картин мира), которые формируют ментальное пространство человека [Lakoff 1987: 68, 99].

Например, метафоры *The mind is a brittle object* (букв.: Душа – это хрупкий объект) и *her ego is very fragile* (букв.: её эго очень хрупкое)

базируются на когнитивной модели: тело (и все его составляющие) как сложный механизм (машина). Метафоры сформированы вокруг концепта «МАШИНА», который образно понимается как комплексный механизм с производственной мощностью, работающий в заданных условиях за счёт слаженной работы составляющих самого устройства [Лакофф 2004: 55].

Однако метафора *her ego is very fragile* говорит только о психологической энергии и связана, в первую очередь, с внутренним миром индивида. А метафора *война законов* основана на двух сопряженных моделях: *война как спор* и *закон как правосудие* [Лакофф 2004: 12]. С точки зрения когнитивной модели, также интересна метафора *Life is a journey*, на базе которой появляются такие метафоры как *быть на перепутье*, *разбиться о скалы*, *ни к чему не привести* [Лакофф 2004: 72]. В вышеуказанных примерах основная модель для метафор – ПУТЕШЕСТВИЕ (движение). Однако путешествия бывают разными, как и сами транспортные средства.

Рассуждения о метафорическом мышлении в языке также можно найти в работах экспериментального психолога Дж. Джейнса, который говорил о поведении человека как животного, о первичности реакции на раздражитель, о реакции, которая и предопределяет формирование и закрепление последующего образа (сугубо индивидуального восприятия для отдельно взятой особи), в частности метафорической структуры – абстрактной картины конкретного предмета [Jaynes 1976: 50]. Или, например, другая метафора *Snow blankets the ground* [Jaynes 1976: 57], которая основывается на мнемоническом ряде *снег → одеяло → укутывать → плотный*: такой снег не просто синоптическое явление, а плотный слой, реализующий протекторное действие.

Говоря об образах, интересным и важным является образ кожи (*skin*) в метафорах, касающихся человеческих отношений [Jaynes 1976: 50]. Например, *оставаться на связи (be/stay in touch)* или *быть обидчивым/необидчивым (be thin/thick-skinned)* основаны именно на

тактильной метафоре (то же – об образе *впечатлительный человек (touchy person)*) [Jaynes 1976: 50].

Таким образом, *когнитивный метод во фразеологии* связан с изучением речевого функционирования устойчивых структур, с описанием информационной палитры, формируемой планом выражения и планом содержания ФЕ, с восприятием и воспроизведением происходящего в том мире, в котором существует носитель языка.

В когнитивном ключе фразеологизм рассматривается, прежде всего, как микротекст, многоблочная структура об определённых знаниях из жизнеуклада социума. Структура фразеологизма национально обусловлена, обладает эмоциональной выразительностью в ходе коммуникации и напрямую связана с обыденным сознанием носителя языка.

Учёт буквального значения компонентов устойчивых оборотов и сформированное переносное значение устойчивых оборотов формируют основное направление когнитивных методов во фразеологии.

Выделяют следующие *методы когнитивного анализа* фразеологизмов: *оценочный* (принятие в расчёт важности этических, эстетических и других суждений (А.Н. Баранов, Л.К. Байрамова)), *коммуникативный* (роль говорящего и слушающего в режиме общения (Е.С. Кубрякова), *фреймовый* (создание обобщающего значения оборота (Э. Кауи); *культурологический* (роль национальной культуры в создании образа (М.Л. Ковшова)), *ретроспективный* (учёт исторического фактора, архетипических оппозиций (И.В. Зыкова)), *ассоциативный* (учёт роли фразеологизма как промежуточной единицы который находится между языком и речью (Д.О. Добровольский и Ю.Н. Караулов)), *идеализированных моделей* (учёт ментального пространства, формируемого за счет метафорической образности бытия (Дж. Лакофф)) и др.

Разнообразие методов когнитивного анализа фразеологизмов позволяет не только подробно анализировать оборот в одной научной проекции, а

также применять совокупный подход (учёт возможных методов в рамках одного оборота) для более детального анализа структуры и её актуального значения.

1.3. Концептуализация мира и образ фразеологизма

В когнитивной лингвистике особое внимание уделяется понятию *концепт* как основе языковой семантики [Sweetser 1990: 5] мыслительной системы человека [Джонсон, Лакофф 2004: 11].

Концепт – это продукт умозаключений, мыслительный код культуры [Попова, Стернин 2012: 23]; способ описания ментального объекта при помощи слов [Фрумкина 1992: 12]; коллективный объем знаний об определённой тематической структуре [Бабушкин 2011: 34]; слияние языка народа и опыта человека [Лихачев 1997: 285].

Концепт – лингвистическое явление, заменяющее частные свойства объекта на более общие. Это своеобразная метафорическая идея в мире человеческих отношений [Аскольдов 2010: 34, 45]; многослойный образ, единство поведенческих, культурных и других измерений [Карасик 2005: 45]; набор мыслей в голове индивида [Залевская 2001: 36].

Базовая информация, содержащаяся в *концепте*, считается инвариантной и не зависит от того, в системе какого языка она представлена. Лишь дополнительные (обусловленные для данного народа) сведения, находящиеся на периферии *концепта*, являются уникальными [Брутян 1973: 109 – 110].

Структурное образование о некотором общем знании, представляемом *концептом*, обрамляется национальной характеристикой. Носитель языка не только обладает этим знанием, но и пропускает это знание через собственный внутренний мир [Степанов 2001: 40].

Посредством *концептов* формируется языковая картина мира как вербальное представление и культурная реакция на заметные события в

жизни народа, национальную культуру и систему ценностей [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 11], [Буянова, Коваленко 2013], [Бессонова 2019].

По своей структуре *концепты* бывают простыми (этнокультурная сущность типа СЧАСТЬЕ) и сложными (идеализированная формация типа LIFE IS A JOURNEY) [Lakoff 1987: 268, 283], первичными и вторичными [Слышкин 2004: 5], параметрическими и непараметрическими [Карасик 2005: 89]. Выделяют концепты-представления, концепты-понятия, универсальные и национальные концепты, абстрактные и конкретные [Попова, Стернин 2012: 34 – 35] и др.

Способы выявления состава *концепта* (концептуальное содержание) являются разнообразными, поскольку сам *концепт* может быть разнороден по своей сути, включая как набор ключевых понятий, так и бескрайнее множество смыслов. От выбора лингвистической стратегии зависит качество репрезентативности самого корпуса концепта [Мечковская 2008: 29].

Формирование *концепта* происходит от чувственно-образного восприятия до абстрактных обобщений. Например, собственная собака для ребенка являет собой всех собак на свете и формирует у него универсальный концепт СОБАКА (от конкретного – к обобщенному) [Попова, Стернин 2012: 34].

От простого языкового знака до терминосистемы – любая структура обретает смысл в рамках определённой денотативной ситуации (*концепта*), т.е. упрощенной модели архетипических ассоциаций в пределах социокультурного контекста. В этой связи *концепт* составляет ядро смыслового содержания, например, устойчивых оборотов языка, поскольку суть фразеологизма заключена, прежде всего, в ощущениях, представленных в его образе, а наиболее детальная информация представлена во *фрейме*. В силу этого концептуальный анализ фразеологического образа может стать весомым научным действием в исследованиях устойчивых единиц языка [Алефиренко 2021: 16 – 19].

Описание сущности фразеологизма предполагает построение концептуального представления о нём. Отсюда – *концепт* во фразеологии представляет собой структурированную единицу образно-оценочной картины мира, стереотипную имплицитную ситуацию, ассоциативный интерпретатор общечеловеческого и индивидуального опыта [Алефиренко 2009: 34], [Алефиренко 2021: 24 – 26].

Наиболее обобщенный вариант описания *концепта* предлагается в работе [Попова, Стернин 2012: 34 – 35]. Авторы, представляя концепт РУССКИЙ ЯЗЫК, в частности, на материале фразеологического фонда, последовательно проходят следующие этапы описания: выделение номинативного поля концепта (частотные компоненты-лексемы – язык, слово, речь); описание семантики ключевых компонентов (лексикографические данные – обдуманность, усилие, ограниченность, избыточность); ассоциативная интерпретация компонентов (выделение обобщенных критериев – хороший, плохой, сложный, простой); унифицированная формулировка (коммуникативная обусловленность признака – способен причинить вред, средство для пустых разговоров); выявление категориальной структуры (установление классов, групп, полевой организации и т.п.).

Например, модель построения концепта ДОМ на материале фразеологизмов может выглядеть следующим образом: ДОМ – безопасность (*мой дом – моя крепость; чувствовать себя как дома*) → ДОМ – семья (*жить полным домом*) → ДОМ – сила (*дома и стены помогают*) → ДОМ – ум (*не все дома; варит котелок*) и т.д. [Вальгамова 2007: 29].

Аналогично формируется модель другого концепта: ЛЮБОВЬ – чувства (*покорять сердце, отдать сердце*) → ЛЮБОВЬ – согласие (*душа лежит; души не чают; душа в душу*) → ЛЮБОВЬ – покой (*мир и любовь; миром правит любовь*) и т.д. [Зотова 2015]. Или такая модель: ДЕНЬГИ – могущество (*деньги могут все; были бы деньги и за умного сочтут*) → ДЕНЬГИ – заботы

(*больше денег – больше хлопот*) → ДЕНЬГИ – мера (*встать в копеечку, стоит денег*) и т.д. [Исаева, Майоренко 2005].

Концепты, будучи оперативными единицами мышления, накапливают культурно важные данные о человеке и о мире человека, выражаются, как правило, при помощи метафор [Чулкина 2005: 13], [Малюгина 2007: 3], [Степанова 2010: 30], [Арзамасцева 2014: 15], [Гаврилова 2015: 11], [Почуева 2017: 4] и др. В свою очередь, *метафора* как основное тропическое средство фразеогенеза, формируя образное основание фразеологизма, является средством *концептуализации* языка культуры в устойчивом образе [Телия 1996: 23].

В общих чертах *метафора* – это переносное значение слова. Метафора реализует несколько функций (одна из которых – информативная), создаёт целое высказывание: *книга – корона мудрых; природа – лентяйка; количество слов – качество мышления* [Харченко 1992: 15 – 19].

Метафора не является буквальным сходством. Для каждой метафоры существуют собственная стратегия интерпретации, поскольку всегда учитывается личное видение говорящего. Метафора реализуется в актах высказывания, а само высказывание приобретает статус метафоричности. Метафорическое высказывание строится по образцу ‘S есть P’, где P обладает рядом реляционных (сходных по каким-то параметрам и далёких от истины, непрямых) свойств **R**: R₁, R₂, R₃, R₄ и т.п. В итоге, ‘S есть P, где P трактуется как R₁, R₂, R₃, R₄’. Например, *Мэри – конфетка*: ‘милая, приятная, любезная, привлекательная’ [Серль 1990: 329 – 339].

Метафоры свидетельствуют о концептуальном мировоззрении: *ОБЩЕСТВО – ЭТО ЛИЧНОСТЬ, ПОНИМАНИЕ – ЭТО СХВАТЫВАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ПОСЛАНИЕ, РАЗУМ – ЭТО МАШИНА* [Лакофф 2004: 27, 31, 40, 44, 52].

Благодаря этому *концепт*, как систематизирующая ментальная единица, и *метафора*, как образное языковое средство, участвуют в

формировании *концептуально-метафорического* подхода в изучении устойчивых единиц языка.

Данный подход основывается на одноименной гипотезе – концептуально-метафорической, суть которой заключается в том, что образные единицы языка подвергаются абстрактным способам интерпретации через образно-отвлеченные сущности одного порядка посредством образно-отвлеченных сущностей другого порядка. Например, английский оборот *let the cat out of the bag* (букв.: позволить коту выйти из мешка) – образно-отвлеченная сущность одного порядка – ассоциируется, прежде всего, с вместилищем, где содержится некоторый объект. В этом случае ВМЕСТИЛИЩЕ, образно-отвлеченную сущность другого порядка, следует трактовать как концептуальную сущность, которая формирует образ фразеологизма [Gibbs 1990: 432 – 433].

Изучение фразеологизма, где *метафора* анализируется в процессе *концептуализации* этнического пространства на основе образа устойчивой единицы, представлено в работах [Добровольский 1996], [Жевайкина 2004], [Musolf 2004], [Калашникова 2006: 173], [Будаев 2007: 25], [Сенцов 2015: 802], [Александрова 2015], [Почуева 2017] и др.

Идея *метафоры* известным образом связывается с работой [Лакофф, Джонсон 2004: 104, 244], где метафора рассматривается как понятие когнитивное (экстралингвистическое), как фрагмент этнокультурного сознания; где говорится о метафоре как о непосредственно полученных индивидом знаниях и механизмах их образной (косвенной) вербализации в языке, а также долговременном пребывании этих знаний в мыслях носителя языка.

Так, в качестве примера можно привести *концептуальную* модель БАСТИОН, которая репрезентирует не только военное укрепление, но и государственную власть, финансовое благополучие, а также такие понятия, как авторитарность, долговечность, необходимость, дипломатия, нация и т.п. [Акимцева 2015: 21 – 24].

Приведём другие примеры. Концепт ЗАКОН в английском паремиологическом фонде связывается с такими аксиоматическими действиями: ‘нельзя причинять зло’, ‘нельзя быть неблагодарным’, показывает ‘несправедливость юрисдикции’, ‘обратный эффект от противоправных действий’ и т.п. [Палашевская 2007: 71]: *One law for the rich and another for the poor; Order is Heaven's first law; Laws catch flies, but let hornets go free; Laws go as kings like; Nobody is above the law; One thief robs another; Call a man a thief and he will steal* и др. Или – концепт СОБАКА, представляя ряд устойчивых сочетаний *собачий нюх, собачья радость, собачьи глаза, собачья жизнь*, объективирует верность, ничтожность, преданность, малополезность, наглость [Попова, Стернин 2012: 110].

В научной литературе также известен ряд работ, где рассматривается *концепты* на материале устойчивых единиц языка: концепт ДЕНЬГИ [Милехина 2006, Майоренко, 2004]; концепт ВРЕМЯ [Михеева 2004, Лебедько 2002], концепт ЛЮБОВЬ [Лобкова 2005, Кузнецова 2005], концепт ДОМ [Вальгамова 2007], концепт ВОЙНА [Сизых 2020], концепт РОДИНА [Сандомирская 2001], концепт ПРАВДА [Агиенко 2005], концепт ДОЛГ [Степанова 2009], концепт ОКРУЖАЮЩИЙ МИР [Войтенко 2022], концепт ПОЛИТИКА [Цзясюй] и др.

Известна теория концептуального моделирования значения идиом А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, в которой условно выделяются две части: языковая (описание приемов лингвистического метафорического сочетания, способы порождения вторичной номинации – иными словами, источник возникновения тропа) и неязыковая (кодированная структура данных о ситуации, атрибуты знаний, способ осмысления заявленной сущности – иными словами, целеустановка, результирующий показатель тропа). [Баранов, Добровольский 2013: 45].

Так, на примерах из немецких литературных источников авторы рассматривают концептуальную модель КОНФЛИКТ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ (фразеологизм *die Kuh vom Eis bringen* (букв: снять корову со

льда): наличие коровы – это фактическое присутствие некоторого тела в поле зрения (источник метафоры), с одной стороны, с другой – формирование физической преграды на пути следования (цель метафоры). Или концептуальная модель ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ – ЭТО ПОТЕРЯ САМОКОНТРОЛЯ (фразеологизм *über das Ziel hinausschießen* (букв.: стрельба за пределы цели): стрельба за пределы цели – фактическая допущение промаха во время наводки оружия для поражения объекта, с одной стороны (источник метафоры, языковая часть концептуального моделирования), с другой – проявление слабости (неопытности, неподготовленности), порождение или усугубление конфликта (цель метафоры, неязыковая часть концептуального моделирования) и др. [Баранов, Добровольский 2008: 226, 482, 485].

В рамках концептуальной модели выделяют следующий набор когнитивных операций: обнаружение фреймов, слотов и слотового содержания, например, *уложить на лопатки: фрейм – борьба, слот – результат, содержание слота – победа, поражение, консенсус* [Баранов, Добровольский 2008: 228 – 229, 241 – 242].

Приводится пример тождества ЛЮБОВЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ на материале устойчивых оборотов русского языка *быть на перепутье, зайти далеко, повернуть назад, сойти с пути*: эти фразеологизмы формируют концепт ЛЮБОВЬ за счет наличия прямого денотата (конкретное действие участников – ‘перемещение в пространстве’) и наличия внеязыковой ситуацией (динамика отношений участников – ‘не знать, что делать’, ‘поступить неверно’, ‘начать заново’) [Падучева 2004: 174].

На примерах английских фразеологизмов определяется концептуальная модель ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ТЕАТРАЛЬНАЯ ИГРА: принимая во внимание знаковый характер компонентного состава устойчивых оборотов, например, *the curtain rises* (букв.: занавес поднимается) и *to put the best light on something* (букв.: поставить лучший свет на что-либо), можно говорить о визуальном аспекте восприятия, заложенного в образах. Допустим, движение занавеса в *the curtain rises* семиотически связано с ‘выставлением напоказ’, а

работа осветительной аппаратуры в *to put the best light on something* – со способом подачи информации [Зыкова 2015: 129 – 131].

В своей работе автор, приводя примеры фразеологизмов, доказывает, что концептуальная модель, в частности ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, может создаваться методом лингвокультурологической реконструкции [Зыкова 2015: 111].

Суть метода состоит в выявлении знаковых свойств компонентов устойчивого оборота. С этой целью проводят несколько этапов анализа. На первом этапе устанавливается связь между компонентами и той семиотической областью, которую они представляют (например, *to find one's tongue* (букв.: найти свой язык) – компонент *tongue* демонстрирует область речевых соматизмов ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ), т.е. общение связано с задействованием (движением) органов речи, отсюда – коммуникация (уровень: устная речь) – это, прежде всего, движение (соматическое действие). На втором этапе подтверждается толкование действия (*to find one's tongue* – складывается совокупное и детализированное представление о том, что именно в коммуникации происходит движение – ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ). Далее генерируется общий сценарий вербальной коммуникации, прописываются все ее участники и способы их взаимодействия [там же: 111 – 114].

Общее моделирование концепта ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, опираясь на исследование [Зыкова 2015: 11 – 115], можно представить следующим образом: ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ → КОММУНИКАНТ-ДЕЯТЕЛЬ → КОММУНИКАНТ-РЕЦИПИЕНТ → ЗВУКОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ → ЗВУКОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО → ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ (СЛОВО) → ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ (СМЫСЛ).

Таким образом, *концепт* представляет собой полиструктурную единицу ментального порядка, которая формируется за счёт наслаивания национальных, поведенческих, индивидуальных и коллективных

представлений о мире. *Концепт* становится идеализированным тематическим представлением в результате метафорических умозаключений о социально-политических и культурно-бытовых событиях (З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик).

Концепт вербализируется посредством лингвистического знака и является, как правило, *метафорой*, которая, в свою очередь, рассматривается как прототипическое, но не идентичное средство отражения пространства, в котором пребывает индивид (Дж. Лакофф). Содержание метафоры условное, индивидуальное, соотносимое с мировоззрением говорящего (Дж. Серль). Кроме того, *метафора* является также универсальным средством формирования образа фразеологизмов (В.Н. Телия).

Поэтому *концепт* во фразеологии – это, прежде всего, аккумулированная ассоциативная образно-оценочная (метафорическая) информация, полученная человеком опытным путём и интерпретируемая за счёт фреймов (Н.Ф. Алефиренко).

В этой связи *концепт* трактуется как стереотипный фрагмент этнокультурного сознания, долговременно пребывающий в памяти носителя языка в виде косвенно-номинативных структур и отражающий мыслительный код культуры. Так, во фразеологии при *описании концептуальных моделей* привлекается языковая (общее этимологическое разыскание и языковая архитектоника тропа) и внеязыковая интерпретация (уникальное декодирование тропа и его целевое назначение в речевых практиках), а также используются такие когнитивные понятия, как *фрейм*, *слот*, *слововое содержание* (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский).

1.4. Научно-философское понимание *борьбы* как вынужденного противостояния

Борьба – это общее название противостояния, активный вызов возникшим неблагоприятным факторам. *Борьба* проявляется в форме

биологического столкновения, вооружённых конфликтов, экономической конкуренции, личного соперничества, территориального деления и т.п. Это может быть сражение, состязание или преодоление сопротивления [Малышевский 2004: 9].

Осмысление аспектов *борьбы* начинается в эпоху Древнего мира. Мыслители прошлого, рассуждая о борьбе, пытались определить её сущность, место и роль в формировании социума, характер влияния на фактор успешности и т.д. [Семушкин 1985: 101].

Так, известно название книги древнегреческого философа Протагора «О борьбе» (IV в. до н.э.). Текст был посвящен проблемам аргументации, значению словесной борьбы в ходе дискуссии [Алимов 2016: 114].

Например, древнегреческий философ Эмпедокл в своей поэме «О природе» утверждал, что в мироздании есть два начала – любовь и вражда, которые борются друг с другом, соединяя разнородное и разделяя однородное [Эмпедокл 1985: 51].

Согласно древнегреческому философу Гераклиту, *борьбу* следует понимать всеопределяющим вечным фактором, оправданным состоянием юности мира, законом существования, гармонией противоположностей [Лебедев 1989: 201], [Кессиди 2004: 99 – 102].

Английский философ Т. Гоббс говорит о *борьбе* как о конфликте воли двух различных людей, действия друг против друга, социальной жизни без общей власти, проявлении воли путём решительного сражения, выигрыше сильнейшего. *Борьба* – это ненависть и зависть, порождающие силу и коварство в сражении за почести и положение, а также невозможность разделить одну вещь между собой [Гоббс 1989: 97, 568], [Гоббс 1991: 96 – 97, 289, 329].

Немецкий философ И.Г. Фихте говорит о том, что *борьба* – это обязанность самозащиты, защиты другого и свободы вообще; естественный закон по сохранению здоровья, тела и жизни. А *борьба*, переходящая в войну, – противоправна, но только лишь тогда, когда выходит за рамки

закона [Фихте 2014: 276, 294].

Понятие *борьбы* обширно и многогранно, находится далеко за пределами какой-либо конкретной научной дисциплины [Анцупов 2009: 23, 37]. Поэтому тема *борьбы* оказывается предметом изучения в философии, социологии, экономике, биологии, военном деле, ораторском искусстве, спорте [Берк 2008: 152], [Радаев 2009: 34], [Шахмурадов 2011: 41], [Савченко 2015: 38], [Дробышев 2019: 84], [Омелаенко 2019: 90], [Криницкий, Чеховский 2022: 25] и др.

Более того, в современном мире тема *борьбы* активно обсуждается в социологии, психологии, политологии, конфликтологии [Грудинин 1971: 319], [Тюшкевич 1975: 312], [Киян 1998: 127], [Ефремов 2007: 22], [Попов 2018: 162], [Галиахметов 2012: 123], [Карабулатова, Савчук 2019: 51 – 65] и др.

Необходимо отметить, что особое место тема *борьбы* занимает в блоке военных наук. С этих позиций, *борьба* – это, прежде всего, победа и различные средства, чтобы одержать эту победу. *Борьба* – это также боевой опыт, количество сражений, военный поход, разработанная тактика, стратегическая документация [Воробьёв 2002: 5, 6].

Ещё в древности предпринимаются попытки разработать руководство по достижению победы в борьбе с противником. Так возникает интерес к такому понятию как *тактика борьбы*.

Таким образом, *борьба* – это противостояние внешнему вызову, столкновение интересов, оправданные способы поведения и привлечение особых средств для элиминации, нивелирования происходящего.

1.5. Понятие «ТАКТИКА БОРЬБЫ»

и его символическая составляющая

Тактика (из древнегреческого языка – построение войск) – искусство умело располагать имеющиеся военные силы для достижения намеченной

стратегической цели [Крысин 2009: 645].

Позднее данный термин стал обозначать уровень подготовки личного состава к бою, средства вооружённой борьбы, а также военное искусство в целом [Воробьёв 2002: 23].

В общем плане, *тактика борьбы* непосредственно связывается с различными (уместными / неуместными, разрешенными / запрещенными) приёмами противостояния возникающей или уже возникшей угрозе. Рассуждения о *тактике борьбы* находим в философских рассуждениях Плутарха, Сенеки, Цицерона, Плотина, Августина [Алимов 2016: 113, 114].

Первыми мыслителями, которые раскрывали понятие *тактики борьбы*, становятся древнегреческие софисты. Само софистическое учение позиционировалось как искусство побеждать в речевых состязаниях (ораторское искусство), что напрямую связывается с *тактикой борьбы* [Маковельский 1940 – 1941: 5].

Афинский софист Исократ называл ораторское искусство работой лиц, занимающихся словесным состязанием [Мишулин 1996: 4]. А философ Платон в этой связи говорил о борьбе в ораторском искусстве, о споре в словесных состязаниях: рассуждая, повтори прежнюю схватку, снова улови предыдущую тему [Платон 2016: 326], [Платон 2020: 265].

Софистические приёмы дискуссии непременно были выстроены в духе *тактики* (политической) *борьбы* – выступлений, дебатов, прений, обсуждений и т.п. Например, в качестве *тактики* словесной *борьбы* Аристотель демонстрирует метод подмены тезиса дискуссии: нападать на другую тему из того, что обозначено в разговоре, если не в состоянии говорить на ту тему, которая обсуждается [Аристотель 1978: 541].

В восточной литературе известны классические работы, где также подробно описывается *тактика борьбы*. Например, в известной книге «Искусство войны», автором которой выступил древнекитайский генерал-стратег Сунь-цзы, основу *тактики* милитаристской *борьбы* составляют способы управления врагом и победы врага. К ним относятся: лишить врага

храбрости; измотать его перед атакой; наносить поражение там, где не ждут; распространять для врага дезинформацию о себе; активно задействовать шпионов; предварительно рассчитывать свой шаг; кормиться за счёт противника; обращаться хорошо с солдатами; нарушить союзные связи противника; брать укрепление – самое последнее дело и др. [Сунь-цзы 2001: 233-236].

Известен и другой фундаментальный древнекитайский источник, который содержит иные секреты *тактики борьбы* для достижения благополучного исхода военных действий. Вот некоторые приемы: использовать друга, чтобы победить врага; обмануть можно один раз; необходимо добиться доверия противника; жертвовать слабой позицией, чтобы укрепить сильную; практиковать пробное наступление и видеть реакцию на это наступление; внушить врагу глубокий страх; с мудрым главарём можно совладать, управляя его чувствами и др. [Тридцать шесть стратагем 2000: 43, 57, 61, 71, 159].

В целом китайская *тактика борьбы* обладает практико-ориентированным подходом с демонстрацией конкретных способов решения проблем [Клейменкин 2019: 62 – 63].

Анализирование *тактики борьбы* просматривается также в древнегреческой мысли (Геродот, Фукидид), однако она носит, в большой степени, описательный характер цепочки военных событий [Соболевский 1955: 69 – 100], [Попов 2009: 16].

Вместе с тем Ксенофонт, говоря о *тактике борьбы*, философствует, модифицируя методы ведения боя в напутственные слова отца – сыну: необходимо поступать в битве сообразно ситуации; истинный полководец трудится на глазах своих воинов; после каждого боя воину требуется соответствующая награда; в военном искусстве славится всё новое; войско без припасов утрачивает связь с полководцем и т.д. [Ксенофонт 1976: 27 – 35].

Первой специализированной военно-теоретической литературой, в

которой начинает освещаться *тактика борьбы*, следует считать работы древнегреческих (Каллий, Полибий, Арриан) и древнеримских (Асклепиодот, Элиан, Вегеций) деятелей [Ачкасов 2020: 12 – 16].

В Средние века и Новой истории вопросами *тактики борьбы* занимался нидерландский мыслитель Г. Гроций. Говоря о неизбежности противостояния на мировой политической арене, мыслитель призывает придерживаться правовой *тактики борьбы* – соблюдать добросовестность, которая дает надежду на мир [Гроций 1994: 50].

Например, в марксистской теории одной из ключевых *тактик социальной борьбы* является принцип коммунального видения ситуации. Именно такой подход позволяет укрепить равенство и создать нерасчленимую систему [Маркс 1955: 465, 467].

В наши дни *тактика борьбы* рассматривается в работах следующих ученых: в военном аспекте – [Грудинин 1971], [Тюшкевич 1975]; в аспекте политики, экономики, идеологии – [Попов 2018]; в аспекте конфликтологии – [Киян 1998], [Ефремов 2007], [Галиахметов 2012]; в аспекте фразеологической картины мира – [Лупанова 2018], [Скачкова 2019: 13] и др.

Вопросами *тактики борьбы* занимались французский маршал А.Тюренн, австрийский генерал Р. Монтекукколи, швейцарский военный деятель Г. Жомини, прусский военачальник К. Клаузевиц и др.

К. Клаузевиц становится знаковой фигурой в теории военной науки. В этой связи ряд высказываний о *тактике борьбы* можно видеть в работах данного военачальника, например: вводить войска в бой нужно постепенно; нужно отрезать пути отступления для неприятеля; за тяжёлой артиллерией должна следовать лёгкая пехота; местность является важным фактором усиления флангов; слабые государства не ведут завоевательных войн и др. [Клаузевиц 2009: 167, 173, 177, 182, 191].

В русской военной традиции известными военачальниками по вопросам *тактики борьбы* являются А. Суворов, М. Кутузов, Ф. Ушаков, П. Нахимов, Г. Жуков, К. Рокоссовский и др.

Современная *тактика борьбы* условно разделяется на общую, видовую, родовую и специализированную. Каждый способ борьбы с неприятелем направлен на реализацию определённой стратегической задачи в рамках одной общей задачи [Бувальцев 2021: 30 – 37], [Воробьев 2002: 23 – 29], [Байрамуков 2017: 4] и др.

Так, современное военное искусство рассматривает *тактику борьбы* как основную форму действий войск в целях уничтожения противника. Тактика борьбы характеризуется организованностью, согласованностью, темпоральной ограниченностью [Байрамуков 2017: 79, 81]. Обобщая данный факт, отметим, что *тактика борьбы* как концептуальная модель также обладает хронотопическим и коэксистенциальным содержанием.

Хронотоп (хронос + топос) тактики боя зависит, прежде всего, от естественно созданных независимо от участника события условий (места, топоса) реализации противостояния (в этой связи понятие *естественные препятствия* – участки территории, вызывающие затруднения в ходе реализации боевых действий: водная поверхность, неровность земной коры, воздушное пространство) [Краткий словарь оперативно-тактических и общевойсковых слов (терминов) 1958: 111], [Тактика подразделений ПВО СВ 2023: 5 – 7, 11]. Эти условия, как видно, ориентированы на *воду, землю и воздух* либо от искусственно созданных условий, зависящих от участников событий [Карагодин 1989: 122] (ср. понятие *искусственные препятствия* – специально сконструированные объекты для затруднения манёвра противника [Плехов 1988: 98]).

Хронотоп также подразумевает глубину и ширину в многомерном пространстве с обязательным учётом динамичности и манёвренности во временном континууме (хронос). Поэтому неотъемлемой частью тактики борьбы является и временной фактор [Рудкевич 2023: 224 – 226]. В этом плане очевидной становится борьба на *опережение* событий либо *отставание* в общем режиме боевых действий. Бывает и ситуация, когда комбатанты *единовременно* (заранее проявив готовность) принимают

активное симультанное участие в событиях [Воробьев 2008: 62 – 69].

Коэксистенциальность тактики борьбы видится, прежде всего, в общих способах военных действий – проявлении статической / динамической силы при *наступлении, обороне, отступлении*.

Так, в военной литературе *наступление* трактуется как вид боевых действий, который приводит к достижению победы над противником [Воробьев 2002: 365]. *Оборона* видится в отражении силы наступающего противника, сохранении занимаемых позиций [Кожин 1975: 48 – 58]. *Отступление* видится как оставление войсками занимаемых рубежей (районов) и их отвод на новые рубежи (в районы) в глубине своей территории в целях создания новой группировки сил и средств для последующих военных действий [Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов) 1958: 456].

В искомом словосочетании *тактика борьбы* очевидной оказывается семантика агрессии (как, допустим, в терминах этого же ассоциативного ряда: «атака», «оборона», «разгром» и т.п.), которая, несомненно, референта милитаристскому настрою [Жирова 2016: 57 – 88]. В этой связи возникает иное аспектуальное содержание – идея *доминирования и подчинения* в ходе борьбы, а также тактика соблюдения *нейтралитета* (об этом, например, [Клаузевиц 2009: 50, 69, 151]: война – это вооруженный нейтралитет; на войне нет ничего важнее подчинения; война зависит от превосходства над противником).

Заметный интерес к *тактике борьбы* проявляется в спортивных состязаниях, геополитике и других видах человеческой деятельности – об этом работы [Шишкин 1992: 15 – 34], [Камалов 2012: 93 – 98], [Комарова 2012], [Зигидуллина 2016], [Чистякова 2017: 6 – 11], [Керимова 2021], и др.

Что касается исследований по вопросам *тактики борьбы* в лингвистической литературе, то следует назвать работу о заметной роли военной лексики на страницах произведений о Великой Отечественной войне [Демидович 2015], о литературной борьбе за российский имидж в контексте

внутринациональной идеологической полемики [Орехов 2017], о борьбе с русской ментальностью с помощью социолингвистического программирования [Теркулов 2020] и др.

Тактика борьбы может быть исследована на предмет концептуального содержания.

Так, создаётся группировка слов, обозначающая характер боевых действий, способы и приёмы ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий, сами военные действия: *прорыв, форсирование, отступление, штурм, оборона, десант, залп, перепалка, разведка, дозор, заслон, торпедировать, окружить, распатронить, ополчаться* и т.п. [Брысина 1993: 40 – 42]. Кроме того, представляется возможным интерпретировать символическое значение в специальных предметах, которые применяются в бою (*меч, щит, копьё, стрела, колесница* и т.д. [Вовк 2006: 378 – 413]), и в результате концептуальное проектирование *тактики борьбы* может граничить с такими архетипическими противопоставлениями как, как *сильный – слабый, добро – зло, война – мир, жизнь – смерть, свой – чужой, победа – поражение* и т.п. На материале тематически систематизированных устойчивых единиц называются метафорические факторы-сигналы, которые являются благоприятными для проведения успешного сражения: *быстрое реагирование, боевая готовность, воинский дух, боевой раскрас* [Федотова 2022: 115 – 117] и др.

В подобных аккумулятивных рядах наблюдаем символическое содержание знака. Знаки-символы обладают сакральным свойством, являются образцом жизнеуклада, демонстрируют пестроту мира [Ладенко 1987:17]. Символы аппроксимативны, аллегоричны, являются индикаторами других объектов [Лосев 1982: 411]. Символический перенос – это более высокий уровень абстракции знака [Молчкова 2013].

Элементы *тактики борьбы* могут проявиться и в рамках невербальной коммуникации. Например, известный символ – жест из одновременно поднятых кверху среднего и указательного пальцев руки в виде латинской

литеры «V» (Victory, Виктория, Победа). При оформлении жеста очень важно положение ладони: если ладонь повернута к собеседнику, то это означает намерение говорящего сопротивляться для того, чтобы одержать верх (жест появился в годы Второй мировой войны на оккупированной фашистами части территории Западной Европы). Другая ситуация – ладонь повернута к говорящему, что транслирует угрозу собеседнику от лица говорящего (жест появился во время Столетней войны – имитация стрельбы из лука). В современном прочтении данный жест лишен милитаристской коннотации [Фоли 1997: 99 – 102]. Невербальная коммуникация, например, в военной разведке содержит ряд жестов, при помощи которых сотрудник ориентируется в создавшихся условиях, получает приказы из штаба, передаёт информацию внутри подразделения и т.п. [Ардашев 2015: 44].

Таким образом, *тактика борьбы* – это приемы противостояния неблагоприятным факторам с применением различных средств, умелое использование технических, физических, волевых и иных возможностей с учетом особенностей противника и конкретно сложившейся ситуации в целях достижения победы (Ю.Б. Байрамуков).

Тактика борьбы представлена в различных отраслях деятельности человека – спорт, экономика, политика, социология, конфликтология, ораторское искусство и др. Наиболее подробно *тактика борьбы* изложена в трудах по военному делу.

Тактика борьбы связывается с применением практико-ориентированных приёмов решения проблем: оглашение цепочки событий (Геродот), произнесение напутственного слова (Ксенофонт), стратегические высказывания (К. Клаузевиц), способы управления врагом (Сунь-цзы), наследие прославленных полководцев (А. Суворов, М. Кутузов, П. Нахимов) и др. В этой связи вопросы китайского военного опыта ведения борьбы (Трактат о Тридцати шести стратагемах) представляются наиболее благоприятными в построении одноимённой концептуальной модели.

Понятие ТАКТИКА БОРЬБЫ исходит, во-первых, из временного (длительность и изменяемость событий) и пространственного (место реализации событий) ориентиров (М.Ф. Карагодин, И.Н. Воробьев, Е.Ю. Рудкевич), организуя, тем самым, *хромотопическое содержание*, и, во-вторых, из описания самого способа ведения боя и достижения фактического результата противостояния, формируя, в свою очередь, *коэксистенциональное* (симбиотическое, взаимовыгодное) *содержание*.

Понятие ТАКТИКА БОРЬБЫ символично, обладает вербальными и невербальными средствами выражения, зиждется на архетипических противопоставлениях *сильный – слабый, добро – зло, война – мир, жизнь – смерть* и др.

Тактика борьбы реализуется в *наступлении, обороне, отступлении* и референта идее доминирования, подчинения либо сохранения нейтралитета в ходе борьбы, умении подстраиваться, маневрировать. (К. Клаузевиц).

Выводы

Таким образом, термин *фразеологизм* связывается с общим представлением всех устойчивых единиц языка реализовывать образную номинативно-квалифицирующую функцию. Другие названия устойчивых единиц (*идиома, фразама, сочетание, выражение, поговорка* и т.д.) являются специфицирующими, но не меняющими конституциональные признаки самого фразеологизма.

Разнообразные классификационные критерии обуславливают квалификационную многоликость фразеологизма как единицы языка, среди них: *степень семантической слитности* (Н.М. Шанский), *стилевая принадлежность* (В.В. Виноградов), *структурно-грамматическая организация* (А.И. Молотков), *этимологический принцип* (В.Л. Архангельский), *межъязыковая интерференция* (Э.М. Солодухо) и др.

Функциональная интенция фразеологизма заключена в *экспрессивной*,

знаковой, коммуникативной, сигнификативной, обобщающей сферах.

Необычный уровень фразеологизма – его значение, которое складывается из совокупной информации, набора данных, формируемых особым сочетанием компонентов (В.Н. Телия).

Значение фразеологизма связано с *внутренней формой* оборота, которая трактуется как семиотическая система в культурном поле этноса, чувственно-наглядное представление окружающего мира народом в кодах культуры (М.Л. Ковшова).

Фразеологизм рассматривается при помощи *когнитивных методов анализа*, при этом в результате эмоционального наложения буквального и переносного значений образа формируется многогранный национально-культурный знак, в котором отражено сознание носителя языка (М.Л. Ковшова, И.В. Зыкова). В основу образного основания фразеологизма, как правило, положена *метафора* (В.Н. Телия).

Метафора, не являющаяся точным сходством с представляющей её номинацией, полноценно реализуется в рамках высказывания (Дж. Лакофф). Метафорическое высказывание, содержащее некоторое имплицитное свойство, обладает особым субъект-предикатным устройством: ‘S есть P, где P есть R₁, R₂, R₃, R₄’ (Дж. Серль).

Метафора тесным образом связана с ассоциативной образно-оценочной базой данных об окружающем мире (Н.Ф. Алефиренко), формируя, в свою очередь, концептуальное видение жизнеуклада – *концептуальную модель* как креативный фрагмент формального описания различных культурных знаний о предмете речи посредством *фрейма, слотов и слотового содержания* (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский). В этой связи сам *концепт* трактуется как идеализированное представление о национальных событиях прошлого, в которых развивается этнос (З.Д. Попова, И.А. Стернин).

Понятие *ТАКТИКА БОРЬБЫ* представляет собой полиструктурную единицу ментального порядка, которая формируются за счёт наслаивания национальных, профессиональных, поведенческих, индивидуальных и

коллективных представлений о данном понятии. Древнекитайская философия видит *ТАКТИКУ БОРЬБЫ* в механизмах управления врагом, чтобы победить его (Сунь-цзы), а в древнегреческой философии собственно *борьбу* сравнивают с вечным противостоянием любви и ненависти за разделение либо соединение бытия (Эмпедокл). Становясь объектом исследования в различных отраслях деятельности человека, и, прежде всего, в военной, *тактика борьбы* состоит в применении средств регулирования поведения противника за счет технических, волевых и стратегических действий противоборствующей стороны с учетом сложившейся ситуации (Ю.Б. Байрамуков).

В полевой структуре понятие *ТАКТИКА БОРЬБЫ* принимаются во внимание *хронотипическое содержание*: пространственный фактор – земля, вода, воздух – (М.Ф. Карагодин) и временной фактор – опережение, отставание, единовременность (И.Н. Воробьев, Е.Ю. Рудкевич). Также учитывается и *коэкзистенциональное содержание* (симбиоз, взаимовыгода), демонстрирующее тактические приемы противодействия – наступление, оборона, отступление (А.Н. Кожин). Кроме того, в *коэкзистенциональном* содержании выделяется поведенческая модель, формирующая принципиальные установки участников противостояния, их манёвренность, – доминирование, подчинение, нейтралитет (К. Клаузевиц).

ГЛАВА 2.

СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ТАКТИКА БОРЬБЫ» В ХРОНОТОПИЧЕСКОМ И КОЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

2.1. Онтологический статус концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* в устойчивом сочетании

Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* – совокупное название когниций, представленных простыми двусоставными нераспространёнными предложениями (синтаксическая схема N_1 (именное подлежащее) – N_2 (именное сказуемое)) ассертивного характера с левоположенной иницирующей (базовой) частью (субъект высказывания, тема) и правоположенной результирующей (экспликативной) частью (предикат высказывания, рема). Внутри сегментов размещается прономинальный компонент-коннектор *это*, в семантическом плане свидетельствующий о смысловой тождественности противопоставляемых частей высказывания, их неразрывной знаковой сущности. Компонентный состав иницирующей части концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* в устойчивом обороте константен, регулярно формирует образ, связанный с владением ситуацией.

С другой стороны, компонентный состав результирующей части переменен, вариабельность зависит от наличия в правоположенной части иной (разъяснительной) сентенции с особым логико-психологическим аргументом, затрагивающим хромотопический или коэкзистенциальный объем знаний о стратегии агента. Хромотопический аргумент формирует тождества: *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР*, которое категоризирует такие подвиды темпоральной релевантности, как *опережение, отставание, одновременность*, и *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР*, которое категоризирует подвиды локативной релевантности: *земля, вода, воздух*. Говоря о коэкзистенциальном

аргументе, отметим, что данный тип аргумента формирует две сентенции: концептуальное тождество *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ* и его диспозитивность (манёвренность, умение подстраиваться), представленную как *наступление, оборона, отступление*, а также тождество *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ* и его симбиотическую или бихевиористскую (интерактивную) релевантность: *подчинение, нейтралитет, доминирование*.

С точки зрения денотативного содержания, части тождества проявляют семантическую статичность: левоположенные компоненты транслирует метафорическое ‘*умение*’, тогда как правоположенные – метафорическое ‘*условие*’. В коннотативном плане концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* наблюдается различие. Так, субъект высказывания (левоположенная часть) реализует ‘способ деятельности’, тогда как предикат ориентируется, в большей мере, на семантику ‘*сложившаяся ситуация*’. Обе части формируют субъект (S) - предикатную (P) структуру, очевидную тема-рематическую последовательность данных ‘S – это есть P₁, P₂, P₃, P₄’ (предикативную вариацию P с подстрочным индексом 1, 2, 3, 4 выделяем, исходя из условий истинности метафоры в теории Дж. Серля), которая, тем не менее, расценивается как эквиполентная биполярная сентенция. В рамках устойчивых единиц языка концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* посредством соответствующих компонентов, а также семантики оборота очевидно указывает на: *время* (опережение, отставание, одновременность); *пространство* (земля, вода, воздух); *ведение боя* (наступление, оборона, отступление); *стиль общения* (доминирование, подчинение, нейтралитет).

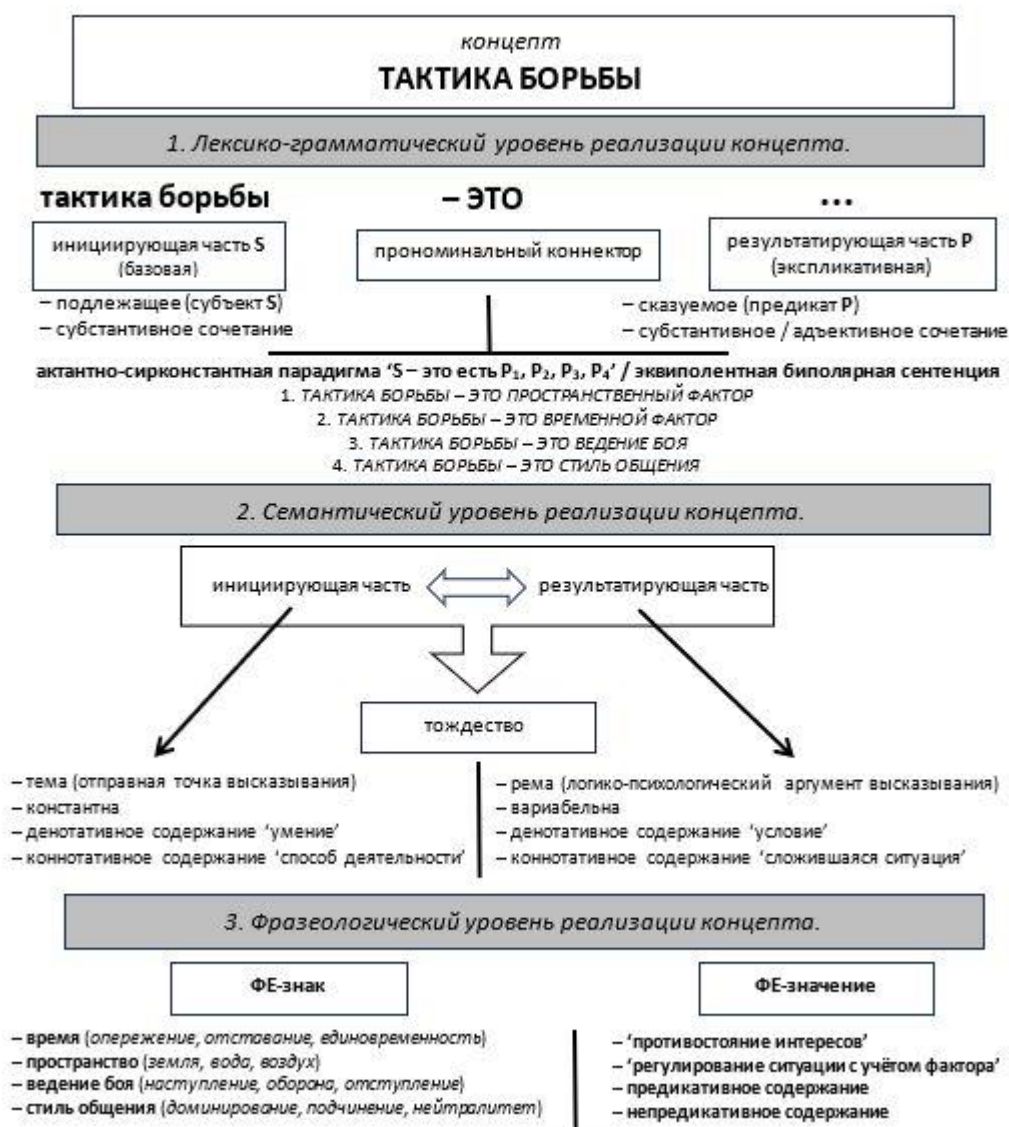
Данные компоненты рассматриваются в ряду *первостепенных* (например, ФЕ *быть на стрёме* – фактор обороны, опережения во времени). Однако есть случаи и *второстепенной* (смешанной, пограничной) релевантности (типа ФЕ *запахло жареным*), когда возможно выстраивание иного мнемонического ряда (*запах→воздух→ветер*), соотносимого, по всей вероятности, с пространственным, а не временным фактором. Случаи *второстепенной* релевантности нами не рассматриваются как базовые в

обозначаемой разновидности концепта, а их упоминание идёт в качестве дополнительной иллюстрации. И, возвращаясь к ФЕ *запахло жареным*, стоит, тем не менее, констатировать первостепенный временной (а не пространственный) фактор за счёт акцентуации грамматического значения прошедшего времени в связи с настоящим (перфект).

Кроме того, значение фразеологического знака, функционирующего в концептуальном поле *ТАКТИКА БОРЬБЫ*, включает следующую базовую информацию: ‘противостояние интересов’, ‘регулирование ситуации с учётом фактора’, предикативное и непредикативное содержание знака. Сказанное изобразим графически:

Схема 1.

Уровни реализации концепта ТАКТИКА БОРЬБЫ

Немаловажными остаются признаки релевантности (релеванта), по которым происходит соотнесение фразеологизма с концептом *ТАКТИКА БОРЬБЫ*. Выделяем их на основе критерия степени семантической слитности (Н.М. Шанский) и с целью терминологического удобства в рамках настоящего исследования даём собственное номенклатурное название: *прямо-мотивированные ФЕ-конструкты* (фразеологическое сочетание, фразеологическое выражение), *прямо-мотивированные ФЕ-конструкты* (фразеологическое единство), *безотносительно-мотивированные ФЕ-конструкты* (фразеологическое сращение).

1. *Релевантность первого порядка* опирается на план выражения фразеологизма, при этом компоненты устойчивого оборота транслируют прототипическую ситуацию (прямо-мотивированные ФЕ-конструкты, первообраз, реально существующее стратегическое военное действие) с коэкзистенциальным или хронотопическим объемом знаний. Сочетание таких прямо-номинативных компонентов непосредственно передаёт фактически реализуемый вид *наступления, обороны, отступления, подчинения, доминирования, нейтралитета*, коррелирует со значением искомого концепта – ‘регулирование ситуации в свете противостояния’. К подобным оборотам относим структуры типа *брать на бордаж, поднять знамя, арканом не затащишь, бросать оружие* и т.д.

2. *Релевантность второго порядка* также опирается на план выражения фразеологизма, при этом устойчивый оборот содержит компоненты, которые проявляют ассоциативно-смысловую связь с коэкзистенциальным или хронотопическим объемом знаний (косвенно-мотивированные ФЕ-конструкты), например: *земля* – яма, твёрдый, рыть, кубарем; *вода* – жидкость, мокрый, пить, обильно; *воздух* – запах, ветряный, летать, высоко и т.п. Совокупное значение таких косвенно-номинативных компонентов коррелирует со значением искомого концепта – ‘регулирование ситуации в свете противостояния’. К подобным оборотам относим ФЕ типа *залечь на дно, плыть по течению, свинцовый дождь* и т.д.

3. *Релевантность третьего порядка* опирается исключительно на план содержания. Компоненты образа передают хронотопический или коэкзистенциальный объем знаний, но не проявляют внешнюю (видимую) связь со значением искомого концепта – ‘регулирование ситуации в свете противостояния’. Степень идиоматичности таких структур высока (безотносительно-мотивированные ФЕ-конструкты). К подобным оборотам относим ФЕ типа *выметать метлой, умыть руки, прижать к стене, пустить слезу, лечь на землю* и т.д.

Следует полагать, что раскрытию детальной сущности концептов на материале фразеологических единиц способствует создание фреймо-слотовой базы данных (как, например в [Баранов, Добровольский 2008: 227 – 229]).

На материале концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* говорим о трех когнитивных составляющих: *фрейм* (целостный информативный блок), *слот* (базовые источники, детализирующие фрейм), *дескриптор* (он же: *содержание слота* – в терминологии [Баранов, Добровольский 2008: 227 – 229], данные конкретной ситуации). Эти термины будут использованы в работе.

Таким образом, когнитивная сущность концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизмов формируется четырьмя тождествами, формирующими ядерно-периферийную семантику, двумя фреймами, четырьмя слотами и двенадцатью дескрипторами. Сказанное представим графически:

Таблица 1.
Структура концепта ТАКТИКА БОРЬБЫ
на материале фразеологизмов

концепт
ТАКТИКА БОРЬБЫ

1	2	3	4	5
ТОЖДЕСТВО	РЕЛЕВАНТ	ФРЕЙМ	СЛОТ	ДЕСКРИПТОР
ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР (крайняя периферия)	геосферность	хронотопический	локативный	земля
ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР (дальняя периферия)	дуративность		темпоральный	вода
ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ (ближняя периферия)	манёвренность	коэкзистенциальный	диспозитивный	воздух
ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ (ядро)	симбиотичность		интерактивный	опережение
				отставание
				единовременность
				наступление
				оборона
				отступление
				доминирование
				подчинение
				нейтралитет

Степень релевантности (как и самого релеванта) концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* и устойчивого оборота может определяться как при автономном рассмотрении фразеологизма, так и при рассмотрении фразеологизма в рамках речевого высказывания, например: 1. Не выпуская меча из рук, экскурсовод рассказал о героическом прошлом народа – свободное сочетание. 2. Не выпуская меча из рук войско с нетерпением ждало прихода неприятеля – устойчивое сочетание. Для структуры (2) характерна релевантность первого порядка. Лексикографически определяется хронотопический фрейм (дуративный релевант) и его темпоральный слот, дескриптором ситуации выступает *единовременность*, а контекстуально может актуализироваться слотовый дескриптор *опережение* (войско уже ждёт прихода и уже готово к действиям – перфектная семантика). В речевой ситуации также обозначается слотовый дескриптор *земля* (как пространственный фактор (геосферный релевант) – из контекста: *войско ждёт прихода* – обычно на земле). Что касается коэкзистенциального объема знания, то данный фрейм представлен стратегическим (диспозитивным) слотом – *оборона* (способ ведения боя), а в рамках контекста прослеживается интерактивность – *доминирование* (стиль общения – усилительный элемент образа действия *с нетерпением*).

В любом случае при соотнесении плана выражения и плана содержания оборота с целью установления релевантности ФЕ и концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ*, исходим из следующих базовый суждений, уже приводимых в пунктах 1.4 и 1.5: *борьба* – это вечное разделение либо соединение сущего (древнегреческий философ Эмпедокл), а *тактика борьбы* – приёмы управления врагом (древнекитайский философа Сунь-цзы).

Далее на примере устойчивых единиц языка, в образном основании которых прослеживается разная степень релевантности метафорического комплекса ФЕ и заявленного денотативного объема искомой сентенции, рассмотрим периферийную разновидность концептуального поля «*ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО*», которая формируется за счёт развития (надстраивания) базового сочетания *ТАКТИКА БОРЬБЫ* (левоположенным утверждением) логико-обоснованным правоположенным утверждением, в результате чего образуются четыре тождества, формирующие ядерно-периферийную семантику концепта: 1. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР*. 2. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР*. 3. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ*. 4. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ*.

2.2.

Тождество *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР*

как крайнее периферийное значение ‘геосферность’

в семиотическом наполнении концепта

Тождество *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР* является эквивалентной биполярной сентенцией, на материале фразеологических единиц представляет собой разновидность хронотопического фрейма о средствах регулирования поведения противника с учетом геосферической модели бытия.

Стоит отметить, что концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* нами рассматривается, прежде всего, с точки зрения военного дела, поэтому привычное

натурфилософское воззрение при конструировании метафоры претерпевает некоторое преобразование. Так, базовые природные (геосферные) стихии *огонь, земля, воздух и вода* в своем составе утрачивают процесс горения (*огонь*), поскольку в номенклатуре военных формирований войск значатся наземные, воздушные и водные группировки. В этой связи, компонентный состав рассматриваемых нами оборотов проявляет первичную релевантность по отношению к таким локативным дескрипторам, как *земля, вода, воздух*. Стихия *огня*, как дескриптор локативного фрейма, нами не рассматривается ввиду отсутствия специализированных родов войск и самого проведения военных действий в данной геосферной оболочке.

Однако фиксируются обороты с компонентом *огонь*, который проявляет вторичную релевантность к стихии. В большинстве случаев, мы соотносим данный образ с лексемой *стрельба* и трактуем именно с данной позиции и сам образ фразеологизма, как, например, *вызвать огонь на себя* – ‘осознанно (намеренно) отвлекать (вводить в заблуждение) противника и, тем самым, подвергаться атаке с вражеской стороны’.

Некоторые образы показывают комбинаторные проявления *огненной стихии* и других сопутствующих обстоятельств. В данном случае компонент *огонь* мы рассматриваем, в большей мере, как термический фрейм (не включаемый в общую когнитивную структуру концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ*), а не пространственный (локативный) фрейм, например: *в огне не горит, в воде не тонет* (температурный фактор + пространственный фактор) – ‘об умении постоять за себя’.

Борьба, происходящая в воздухе, очевидно изображена в образе следующего русского фразеологизма – *борьба на открытом воздухе* ‘борьба вне помещения’ [Федоров 2008: 85].

Пространственная открытость, упомянутая в обороте, имеет связь с необходимостью бороться на неограниченной территории для достижения поставленной цели – одержать победу. Используя навыки ведения открытого

боя, вероятность победить (например, фразеологизм *взять верх* [Молотков 1987: 43]) заметно возрастает. Иначе говоря, при обороне *борьба на открытом воздухе* может стать знаком скорого уничтожения противника, поэтому, в стратегическом плане ставится задача по перемещению собственных позиций, чтобы бой обрел более закрытый (удачный для отражения атаки) характер.

Тот образ, который создается при формировании плана выражения фразеологизма, сочетает в себе одновременное преимущество и недостаток в процессе борьбы между двумя сторонами.

Открытое пространство для военной тематики – возможность увидеть врага на большом расстоянии, в таком случае формируются тактические наработки по быстрому обнаружению врага. Кроме того, вероятность осуществления атаки противника с разных флангов (в том числе и с высоты) возрастает. К результату этой части можно отнести высокую вероятность одерживания победы, например: «*После нескольких протяженных боев их борьба перенеслась в полевые территории, на открытый воздух*» [Батюшкин 2008: 309].

Несмотря на описанное преимущество, существует обратный эффект, так как не только вражеская дислокация находится *как на ладони*, но и собственные боевые подразделения. Командиру следует четко понимать: какие основные тактические шаги нужно предпринять для того, чтобы минимизировать условную опасность при открытом ведении боя (*на открытом воздухе*).

Один из распространенных способов – маскировка, которая применяется во многих боевых действиях, описывается во многих военных пособиях [Мойсеенко 2019: 48, 253]. При использовании приемов по маскировке открытое пространство не является недостатком для собственных войск. Напротив, учитывая открытую местность, используя навыки по обороне, можно найти свои слабые стороны (фланги). Другими словами, при атаке или обороне на открытой местности необходимо исключить возможность

применения преимуществ со стороны врага, например: «*При борьбе на открытом воздухе приказываю выследить возможные атаки противника для собственной успешной атаки*» [Батюшкин 2008: 214].

Открытое воздушное пространство в войне – не теряющая актуальности проблема, так как в воздухе тяжелее всего создать преимущество перед врагом. Открытость, как главная идея *борьбы на открытом воздухе*, уравнивает шансы на успех у обеих сторон, и только профессиональные качества личного состава (и по отдельности каждого бойца) формируют правильные действия в существующих непростых условиях.

Воздух – активная (свободная) жизненная стихия, среда для поддержания жизни и реализации психофизиологических потребностей (дыхание, речь). Воздух – это также отличное от земного пространства, где земля – это среда формирования и процветания жизни [Керлот 1994: 121].

Символизм свободы, несомненно, связан с определением *воздуха*. В воздухе любое тело обретает легкость, во время полета не существует препятствий. Свободными в этом случае становятся не только пространство, но и человеческие мысли (к вопросу об антропоцентричности воздуха). Но и окрыленное свободой живое существо должно знать о приземленных потребностях (мораль, совесть) [Керлот 1994: 39].

Существует компонентная модификация рассматриваемого образа фразеологизма – *борьба на вольном воздухе* [Федоров 2008: 85]. Адъективный компонент вольный подтверждает мысль о свободном материальном пространстве. Воля, как источник мыслей, морали человека, способен освежить память, в то же время понять, кем является человек по своим убеждениям и страхам – данные факты необходимы для ведения боя.

Вольный воздух передает состояние *независимого* человека: свободного, без переживаний, вольного идти туда, куда вздумается. Воля, как свобода выбора, прежде всего, отправляет человека к стремлению не зависеть от собственных проблем. Поэтому образ *вольный человек* ассоциируется с тем человеком, который без желания справляется с появившимися трудностями.

Хаотичность движения воздуха, его энтропийный характер, не дает гарантий по будущей траектории его движения, скорости и силе. Свобода воздуха в таком случае – это не зависит от наложенных препятствий на пути.

Фразеологизмы *борьба на открытом воздухе* и *борьба на вольном воздухе* сочетают в себе свободу (выбора, исхода). В боевых действиях открытость не всегда равна положительному исходу. Образ воздуха, как пространства, где проходит бой, отражает состояния не только природы вокруг, но и всеобщее состояние воинствующих сторон. Воздух – это состояние природы в тот момент, когда активно неудержимое стремление к победе, либо, наоборот, спокойствие (штиль).

Рассмотрим фразеологическую единицу *убираться на все четыре ветра* ‘убираться куда угодно’ [Молотков 1968: 62] – затрагивает аспект отступления для собственной безопасности, при этом не указывается конкретная точка в пространстве.

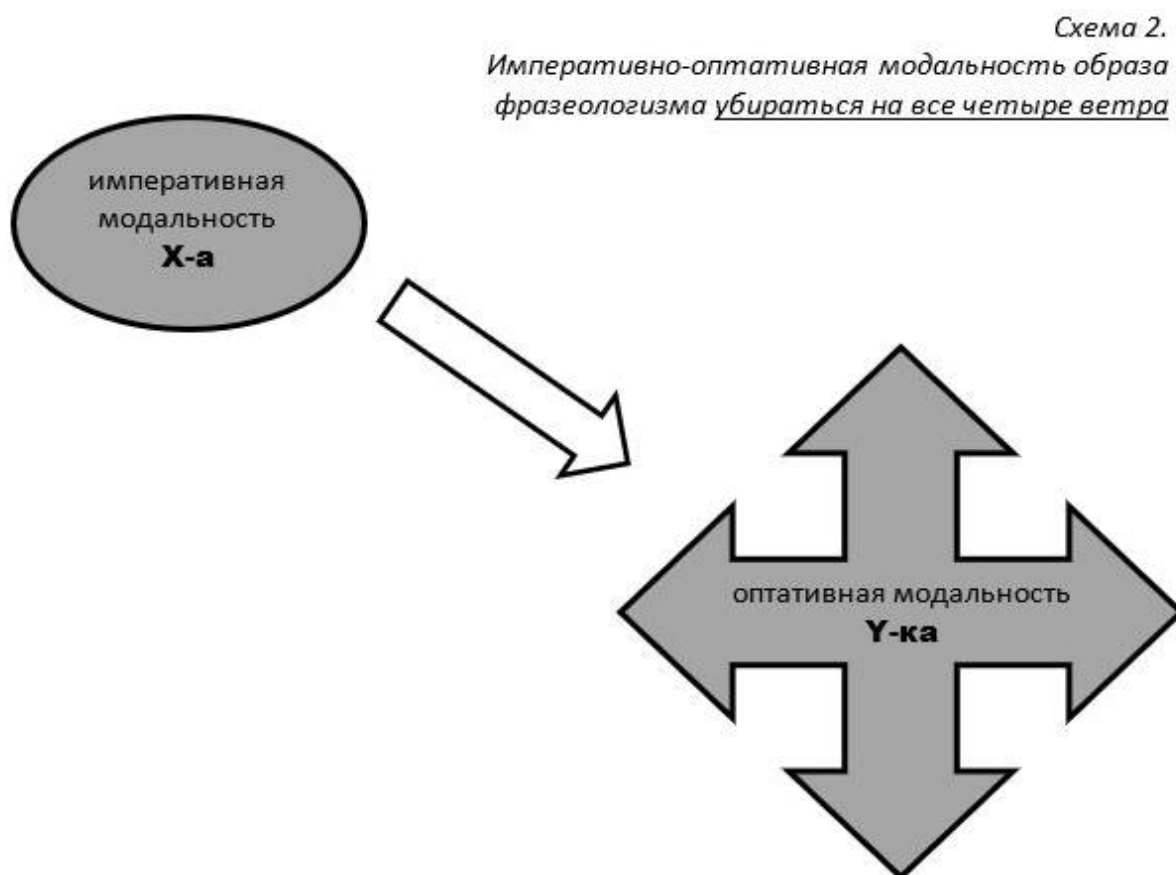
В образе, тем не менее, метафорически фиксируется направление движения – *четыре ветра* (вероятнее всего, происходит упоминание сторон света: север, юг, запад, восток), – главные пространственные направления.

В образе фразеологизма заложена оптативность: вектор движения определяется действующим лицом по собственному усмотрению в проекции север – юг – запад – восток. Скажем: «*Убирайся на все четыре ветра! Чтобы больше я тебя не видел!*» – пример того, когда задачей отступающего является ‘больше не показаться на глаза’, а отступательный маневр должен определяться самостоятельно.

В обороте присутствует семантическая двойственность: 1) ‘Х отдаёт приказ Y-ку больше не показываться в поле зрения’ 2) ‘Y, получив команду от X-а не показываться в поле зрения, отступает’. Нас интересует второе (2) прочтение образа оборота – императивно-оптативная модальность действующих лиц.

В военной тематике момент отступления – главный с точки зрения защиты и свободы. В описываемом фразеологизме делается акцент на четкой

команде X-а (императивная модальность) об ускоренном отступлении Y-ка, но без четкой информации о выборе направления, что может послужить причиной беспорядочного движения Y-ка (оптативная модальность). Изобразим сказанное графически:

Например: *«Сержант, убирайся на все четыре ветра! Главное – добеги до ближайшего населенного пункта»* – смена пребывания личного состава подразделения на безопасную с целью возможного подкрепления [Мойсеенко 2019: 110].

В сложных ситуациях психология человека может предпринять хаотичное отступление в силу страха оказаться в плену или разгромленным. В таких случаях отступление затрагивает движение во все четыре стороны света (убираться на все четыре ветра), создавая энтропию движения. *«Войско Донское царскому величеству подлежит, и я, атаман, со всей старшиною ему подложим и вершим по его указу. А кто хошь – на четыре ветра ступай, хоть с нечистым деритесь»* [Злобин 1986: 15].

Согласно древним сказаниям, символика *ветра* связывается с подвижностью дыхания природы. Ветрам приписывали злой характер в Древнем Египте и Греции. [Керлот 1994: 111]. Ветер – признак существующей жизни на Земле, космическое начало, способы управления пространством. Кроме того, ветер ассоциируется с непредсказуемостью, нестабильностью, изменчивостью [Трессидер 1999: 39, 40].

В современной речи более частотным оказывается форма фразеологизма *убираться (идти) на все четыре стороны* [Молотков 1987: 458]. Как и в случае с *убираться на все четыре ветра*, образ связан с дестабилизацией положения, вызванной влиянием извне. Оборот сформирован на основе мифологической мотивации, где *ветер (сторона)* упоминается в качестве соиздания движения и поддержания жизни.

Структура *убираться (идти) на все четыре стороны* является проявлением фактора передвижения по планете. В донаучный период считалось, что Земля плоская, а движение Солнца по видимой траектории от одного участка Земли к другому и определяло стороны света – север, юг, запад, восток (навигационный критерий).

В английской фразеологии тема борьбы, происходящей в воздушном пространстве, не менее значительна и важна. В качестве подтверждения оборот *be in the air* (букв.: быть в воздухе) в значении ‘быть незащищенным с флангов’ [Кунин 1984: 35].

Воздух, как потенциальная среда, в которой происходят боевые действия, обретает стратегическое значение. Определенные погодные и природные условия вынуждают командиров приспосабливаться к реалии. В военной литературе особая роль отводится тем условиям погодного и природного характеров, которая существует при составлении тактических выкладок по формированию и защите флангов, а также их грамотному использованию [Батюшкин 2008: 209, 298].

Тема обороны в воздушной среде (защита флангов) отмечается в устойчивом выражении *добро должно быть с кулаками* [Серов 2005: 170].

Оно показывает необходимость уметь сопротивляться злу. Компонент-соматизм *кулак* формирует представление о пространстве, где происходит сопротивление, – это, как правило, воздушная среда (в военном деле – рукопашный бой). В этой связи фразеологизм *после боя кулаками не машут* ‘об упущенной возможности демонстрации сопротивления’ [Жуков 2000: 262]. Трактовка образа такова: борьба на воздухе – мах кулаками – проявления того, как милосердие, подвергаясь негативному влиянию со стороны, вынуждено отстаивать свои позиции, чтобы не переходить на сторону людей с недобрыми помыслами или не подвергнуться негативным воздействиям извне.

Разумеется, что незащищенные фланги должны оказывать сопротивление вне зависимости от степени незащищенности. Поэтому тактические выкладки по обороне фланговых позиций сродни манифестации маха кулаками, готовностью обороняться.

Фланги, как одни из самых уязвимых частей положения войска, являются мишенью для противника, который всегда стремится атаковать именно со стороны. Английский оборот *in the air* (т.е. подвешенный, незащищенный, видимый для противника) используется в русле обращения внимания на состояние фланговых позиций, например: «*England, undefended in the air, might be cut off by a fresh war*» [Интернет-ресурс 5].

Метафорический образ фланга во фразеологизме *be in the air* реализует не только военную направленность. В повседневной речи устойчивая фраза может обладать другим значением – ‘распространение идеи, настроения (мысль в воздухе)’ [Лубенская 2013: 62], например: «*Thoughts of the revolution were in the air*» [Burghardt 1957: 177].

Английский образ *in the air* также может реализовывать представление о неопределенном будущем, неизвестности. «*Keeping Wilmot in the air he had almost forgotten the action*» [Интернет-ресурс 5].

В образе *in the air* воплощается нестабильная среда для осознания бытия и поведенческих принципов, *в воздухе* труднее найти решение поставленной

задачи. В такой среде не существует препятствий (воздушная среда безгранична), в такой среде появляются и исчезают разные пути решения, и это происходит до тех пор, пока человек пребывает *in the air*, а когда нахождение (витание) в воздухе завершается, то на смену приходят конкретные действия.

Несколько иная мысль заключена в намеренном длительном пребывании *in the air* как символ прекращения борьбы, отступления от необходимых действий, осознанное отвержение происходящего, пребывание там, где только надуманные образы будут безмятежными, например: «*Barratt was right up in the air about it.*» [Snow 2010: 48].

Образ *in the air* может трактоваться как преднамеренное самоустранение, обманный уход от действительности (например, в русском языке – *петь лазаря* [Молотков 1987: 319]). Возможным примером такой интерпретации может являться следующее предложение: «*Being in the air he wasn't under suspect in the loss of the money.*»

В военном дискурсе фразеологический оборот *be in the air* предписывает наличие неопределенности в будущих действиях ввиду собственного страха. Является распространенной фразой в военной сфере со значением 'оказаться с незащищенными фланговыми позициями' [Мойсеенко 2019: 213].

Ещё одна стихия, в которой происходит борьба, – водная. Водная стихия (наряду с воздушной) как пространство для противостояния уступает земной поверхности по интенсивности распространения и ведения боя. Однако и водная среда может стать территорией конфронтации.

До настоящего момента описывалось и затрагивалось то, что происходило в самой водной среде. Однако в границах «боевые действия в водном пространстве» можно обозначить и тот факт, что *вода* – это средство нанесения вреда в ходе воздействия. Другими словами, водная стихия реализует инструментальную семантику, а не только пространственную.

Упоминание *воды* в ином статусе, как, например, в роли трасологического проявления жидкости на поверхности (след), отражается в

следующей русскоязычной фразеологической единице – *мокрое место останется* ‘угроза полного уничтожения’ [Федоров 2008: 369].

Как упоминалось ранее, оборот включает в себя водную стихию не как гидросферный маркер, в которой происходит необходимая борьба. Напротив, водная среда может и не быть непосредственно связана с водой. *Вода*, как компонент, обретает другой смысл, который формирует всеобщее настроение в обеих сторонах конфликта.

В семантике образа фразеологизма закладывается явная и прямая угроза лицу. В ходе борьбы (включая условия боевых действий) для каждой стороны важно то, чтобы противник был поражен. Адъективный компонент *мокрый* формирует значительную степень ненависти к противоположной стороне. Интенсивность проявления влажности на поверхности (*мокрое место*) является катализатором результата противостояния.

Проводя аналогию со всеми словесными компонентами оборота, стоит сказать о том, что подразумевается под семантикой *влажности* в компоненте *мокрый*. В общем плане вооруженная борьба в большинстве случаев включает в себя кровопролитие, и кровь, как жидкость, является транслятором *мокрого места*, которое упоминается в описываемой фразеологической единице.

Кровь – жидкость красного цвета в организме [Ушаков 2014: 256], которая, как представляется, имеет связь с водной стихией. В упоминаемом лексикографическом источнике встречаем другое значение (переносное) – ‘убийство’. Именно данное значение реализуется в образе оборота.

Например, в русском фразеологическом фонде существует такая единица – *жажда крови* [Федоров 2008: 325], имеющая прямую отсылку к стремлению добиться состояния упомянутого выше фразеологического образа *мокрое место* после осуществления борьбы. С психологической точки зрения, подавляющее большинство людей, будучи от природы плотоядными, не способны равнодушно смотреть на кровь. Однако, те люди, кто является участником боевого процесса, должны преодолеть эту перцептивную эмоцию

как сопутствующий элемент в профессии. Следующий этап – когда человек переходит эту грань и обретает невосприимчивость к *крови*.

Полное физическое уничтожение врага, а также его имущества является главной задачей борьбы. Поэтому при применении большой силы против вражеских позиций и при помощи эффекта неожиданности можно достичь быстрого и эффективного уничтожения – *не оставить мокрого места*.

Словосочетание *мокрое место* можно отнести к терминальной фазе борьбы с полным доминированием одной из сторон. При этом тот, кто одержал победу в схватке, был беспощаден к противнику из соображения гарантий собственной безопасности и сохранности. Например: «*Я вот свистну своим хлопцам, и от вас, в случае чего, мокрое место останется*» [Вершигора 1948: 31].

Фразеологический словарь демонстрирует и архаичную модификацию оборота *мокрое место останется*. То же значение к более современному обороту передалось от другой единицы *мокренько будет* ‘будет уничтожен’ [Федоров 2008: 377]: в процессуальном компоненте *будет* сохраняется грамматическое значение будущего времени – прямая референция к предстоящей угрозе, адвербиальный компонент *мокренько* – отсылка к состоянию *мокрого места*, гарантирующего тотальное физическое уничтожение.

Оборот *мокренько будет* чаще употребляется не в контексте убийственной борьбы, а в семантике рукоприкладства, нанесения травмы противнику. Выражение может иметь представление об убийстве только в случае заведомого замалчивания цели применять оружие. Кроме того, такое образное сочетание звучит архаично, а формируемая диминутивная семантика посредством суффиксальной морфемы *-еньк-* придает неподобающую агрессивному действию коннотативную (уменьшительно-ласкательную) семантику.

Рассмотрим английский оборот *would go through fire and water* (букв.: прошёл через огонь и воду) в значении ‘рисковать ради чего-либо’

[Лубенская 2013: 376].

В структуре наблюдается сочетание двух стихий – *огня* и *воды*. Как правило, несколько природных стихий в выражениях объединяются крайне редко. В данном случае уникальность возникшего образа заключается в усилении поставленной боевой задачи. Несмотря на то, что *огонь* и *вода* имеют разную смысловую нагрузку и связь с природными процессами, интерпретация образа оборота является несложным.

Преодоление водной стихии является трудной задачей. Учитывая мифологическое знание о равенстве стихий *огня* и *воды* (по своим могущественным характеристикам), *огонь*, как минимум, усиливает сущность проблемы, термический показатель дает превосходство над всеми проблемами – такую ситуацию определенно можно назвать *прошел огонь и воду*. Следовательно, оборот рассказывает о мужественном человеке, который способен решить не одну, а несколько трудностей.

Стоит обратить внимание на связь с военной тематикой. В боевой среде солдаты способны *пройти через огонь и воду* – это, прежде всего, внутренние волевые и внешние силовые характеристики, которые являются ценными. Вражескую огневую позицию (*огонь* в этом случае – артиллерийские пули и снаряды) можно соотнести к огневой стихии, огромная армия солдат – водная стихия (исходим от того, что солдаты в борьбе за победу форсируют водную преграду). Преодолев оба наиважнейших препятствия, победа над врагом считается преодолением *огня* и *воды*.

Огневая составляющая вражеских позиций – более могущественное препятствие, чем водная. Ввиду возможностей подавить силы противника, оружие (которое является источником *огня* и искусственно созданной силой) имеет превосходство над естественными силами солдат. Поэтому в обороте замечается определенный порядок следования компонентов, имеющий конкретное объяснение выбора. Это можно объяснить важностью подавления оружейных запасов противника на начальном этапе.

Оборот образно описывает действия волевого человека, преодолевшего

достаточно препятствий. Выражение *прошел огонь и воду* – процесс преодоления собственных трудностей, который выпали на долю. Также это противостояние (образ борьбы) с тяжелыми препятствиями, которые уже не являются устрашающими. Кроме того, оборот демонстрирует опытную составляющую самого человека, который, возможно, уже знает о том, как преодолеть поставленные задачи.

В английском образе факультативно используется модальный глагольный компонент *would*, что в буквальном переводе означает ‘было бы’. Наличие компонента определяет будущее время следующего после него процессуального компонента *go*. Такое глагольное сочетание *would go* формируют семантику сослагательного наклонения – предположительности, но с некоторой долей привнесения сомнения в возможность проведения самой борьбы. Из этого следует, что английская структура привносит оттенок потенциальности действия по отношению к русской структуре.

Устойчивое выражение *идти через огонь и воду* [Федоров 2008: 432] рассказывает о самоотверженности действий и поступков, при этом происходит приношение в жертву себя, если при этом не удастся преодолеть эти две природные стихии. Пример из литературы: «*Вся громада пошла бы в огонь и в воду <...> на величайшее героичество*» [Толстой 1979: 309]. В этом примере наблюдается факт нарушения (преодоления) своих устоев для достижения новых целей.

Продолжая тему упоминания водной стихии в контексте борьбы, следует добавить о разных проявлениях воды. В таких оборотах *вода* является особым знаком для предоставления информации о состоянии или обстоятельствах. В этой связи рассмотрим немецкий оборот *in der Versenkung verschwunden sein* (букв.: исчезнуть в потоплении) в переносном значении ‘в ходе борьбы прекратить существование без подобающего уважения’ [Бинович 1995: 690].

Оборот реализует семантику борьбы, точнее одной из этапов борьбы – отступление. Формально, отступление – это процесс спасения (в случае

превосходства противника) оставшихся собственных сил и ресурсов. Если не применить процесс отступления в нужный и важный момент, произойдет тотальный разгром. При таком процессе (отступлении) не так важна позиция противника, сколько степень превосходства противника.

Не менее интересным оказывается факт: кто изначально до проявления активной части борьбы был сильнее – нападающая сторона или обороняющаяся. Нередко в мировой истории встречаются случаи, когда более могущественное войско терпит поражение, и в результате такого поражения оставшиеся боевые единицы спасаются бегством. Результат борьбы – не только сам факт проигрыша, но и коннотативная семантика того самого беславия *in der Versenkung verschwunden sein*. Примеры из истории: поражение непобедимого Вермахта во Второй Мировой войне 1945 года или разгром армии Наполеона в Отечественной войне 1812 года.

Бесславию – отсутствие боевой известности, которое проявляется негативными действиями для собственного имиджа. Другими словами, есть негативный исход любого события (в том числе военного). Использование в образе адъективного компонента *бесславный* резко занижает репутацию всей армии с точки зрения их дальнейшего уважения и востребованности.

В аспекте деривации, компонент *бесславный* содержит приставочную морфему *бес-* (с контрадикторной семантикой ‘отсутствие чего-либо’) и присоединяется к корневой морфеме *-славн-* (*ый*) со значением ‘знаменитый’ [Ушаков 2014: 628].

Одной из причин формирования *беславия* в культуре относительно того, кто предпринимает попытку отступления, является проявление трусости (стыда). Угрызение совести у тех, кто решает отступить, формирует понимание о большой вероятности возникновения в будущем неприятных последствий в виду нарушения моральных устоев в социуме. И обычно такое чувство (трусость, угрызение совести) может сохраняться долгое время, что и мотивирует на продолжение борьбы. Чувство стыда, которое может явиться причиной беславия, появляется и после борьбы: оно

определяется частым упоминанием прошлых событий.

Субстантивный компонент *der Versenkung* (букв.: погружение) формирует в обороте ощущение тревоги для тех солдат, кто отступает. Данный образ символизирует риски в ходе необходимости самого отступления. Метафоризация ситуации заключается в том, что события разворачиваются в водной стихии, действующие лица полностью погружаются в воду, возникает их уязвимость и, как результат, разгромное поражение. В таком случае говорят *пойти ко дну* ‘терпеть неудачу’ [Тихонов 2007: 335].

Например, компонент *дно* в структуре *пойти ко дну* может быть рассмотрен и как проявления пространственного фактора земли – ‘почва, грунт’. Фразеологический оборот *in der Versenkung verschwunden sein* описывает критическую ситуацию, при которой еще возможно применить отступательный манёвр, несмотря на бесславный характер самого поведения. Но здесь происходит учёт главного фактора – сохранение боевой единицы, проявление человечности (что крайне необходимо) в критической ситуации.

Немецкий образ *in der Versenkung verschwunden sein* повествует об отступательной борьбе. В этой связи русское сочетание *бесславно исчезнуть* [Александрова 2001: 348] может выступить межъязыковым синонимом.

Приведем другие примеры концептуального тождества **ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР**: *поле чести* ‘место сражения’ [Федоров 2008: 497]; *волчья яма* ‘углубление в земле с вбитыми на дне острыми кольями)’ [Федоров 2008: 770]; *царица полей* ‘пехота во время боя’ [Федоров 2008: 733]; *готов хоть в воду* ‘высокая степень отваги’ [Федоров 2008: 84]; *море по колено* ‘отсутствие какой-либо эмоциональной преграды’ [Федоров 2008: 379]; *лучше в реку* ‘единственный способы отчаянного решения проблемы’ [Федоров 2008: 573]; *поднимать на воздух* ‘взрывать что-либо’ [Федоров 2008: 484, 497]; англ. *go to earth* (букв.: идти на землю) ‘укрыться’ [Кунин 1984: 235]; англ. *no man’s land* (букв.: ничейная земля) ‘нейтральная зона в ходе противостояния’ [Кунин 1984: 435]; англ. *between*

the devil and the deep blue sea (букв.: между дьяволом и глубоким синим морем) ‘между разными обстоятельствами’ [Лубенская 2013: 331]; англ. *go over the hill* (букв.: идти за холм) ‘дезертировать’ [Кунин 1984: 386]; немец. *dicke Luft* (букв.: густой воздух) ‘интенсивный артиллерийский огонь’ [Бинович 1995: 414]; нем. *j-m das Wasser abgraben* (букв.: копать воду кому-либо) ‘сильно вредить кому-либо’ [Бинович 1995: 705]; немец. *in die Luft fliegen* (букв.: взлететь на воздух) ‘исчезать в результате взрыва’ [Бинович 1995: 413] и др.

Таким образом, тождество **ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР** на материале фразеологических единиц устанавливает семиотическую локализацию событий, их территориальную обусловленность в общей системе резиденциональности и реализуются посредством таких смыслообразующих элементов, как *земля, вода, воздух*. Данная сентенция является наименее частотной (7%) среди набора других составленных тождеств и формирует крайнюю периферию концепта. Как правило, пространственный фактор тактики борьбы – это, прежде всего, геосферные проявления на *земной* поверхности (67% от общего числа обнаруженных ФЕ). Нетипичным для пространственного фактора борьбы является гидросферные проявления (или *вода* – 11% от общего числа обнаруженных ФЕ).

2.3.

**Тождество *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР*
как дальнейшее периферийное значение ‘*дуративность*’
в семиотическом наполнении концепта**

Тождество ***ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР*** является эквиполентной биполярной сентенцией, на материале фразеологических единиц представляет собой разновидность хронотопического фрейма о средствах регулирования поведения противника с учетом строго

установленной последовательности, а также общей длительности (дуративности) или координированности этапов события и той позиции, которую действующие лица занимают в данной цепи, ориентируясь на заданную (нулевую) точку отчета событий, далее следующих поочередно, или темпоральный слот. В лексико-семантическом ключе компонентный состав подобных оборотов проявляет первостепенную релевантность по отношению к таким дескрипторам, как *опережение*, *отставание*, *единовременность*.

Так, рассмотрим фразеологическую единицу, которая формирует группы оборотов, транслирующих семантику обороны (разновидность тактики борьбы), – *быть во всеоружии*: имеет связанное с оборонительными действиями в военном деле и передает значение ‘быть подготовленным’ [Федоров 2008: 100]. Очевиден темпоральный фактор опережения.

В обороте очевидна транспарентность плана содержания, которая подходит под известную классификацию устойчивых структур – «фразеологическое сочетание» (Н.М. Шанский).

В компонентном составе оборота используется десемантизированная лексема *всеоружие*, которая в свободном употреблении передаёт следующее значение: ‘совершенство подготовки солдата для обороны позиции от противника’ [Даль 2003: 132].

В современных лексикографических источниках данная лексема обозначается пометками «архаичное» и «книжное» (например: только в выражении: во всеоружии (книжн.) – 1) в полном вооружении (устар.)) [Кузнецов 2000: 159].

Коннотативный потенциал компонента *всеоружие* раскрывается носителем языка в определённо заданной ситуации общения и может быть от фактического средства борьбы (пушка, пистолет) до психологической (безразличие, смех) и вербальной готовности (аргумент, меткое слово) отразить атаку неприятеля.

Кроме того, *всеоружие* – это высокая степень мобилизованности: все отражательные инструменты находятся в полном рабочем состоянии и в непосредственной близости ('пространственный показатель'). Не возникает даже и мысли о неготовности того или иного орудия, предполагается, что каждая уже подготовленная ('временной показатель') единица работает исправно. Например: *«Автомат, пистолет, бронежилет, штык-нож – солдат считается подготовленным к бою, так сказать, во всеоружии.»* [Мокиенко 2008: 115]

Но в русской лексической норме *всеоружием* может быть не только физический предмет (оружие как единица техники, например). Также это выражение можно рассматривать как 'обладание чем-либо в совершенстве' [Кузнецов 2000: 159].

Рассмотрим такой случай. Для подавления атаки вблизи с противником необходимо иметь навыки рукопашного боя, быть готовым к схватке. Владая навыками рукопашного боя, обороняющийся солдат применяет все способы ведения боя, особенно при ограниченных условиях (в ситуации, когда видимость приближается к нулевой). Не только этот вид применения силы является преимуществом для нахождения во *всеоружии*, но и многие другие. Высоко ценятся такие заранее отработанные навыки, как ориентирование на местности и его грамотное использование, обманные действия для обороны, владение языком врага (для разведывательных действий и получения важной информации).

Эти и многие другие навыки формируют компетенции солдата (либо всего подразделения в целом) для использования всех действий. Например: *«Солдат во всеоружии только тогда, когда он полон не только средствами защиты, но и полон всеми навыками оборонительных действий»* [Мокиенко 2008: 110].

В данной ситуации фразеологизм *быть во всеоружии* вторит поговорке *на войне все средства хороши* [Кунин 1984: 471]. Этот фразеологизм также упоминается в английском языке в аналогичной англоязычной поговорке *all*

is fair in love and war (букв.: всё можно в любви и на войне) – или в русском языке: *цель оправдывает средства* [Кунин 1984: 471].

Итак, *всеоружие* – это физическая подготовка солдата, его полная комплектация оружия и техники, а также и моральная (психологическая) составляющая готовности. Солдат должен быть крепким и твердым духом. Крепость и твердость духа формирует моральную сплоченность солдат в обороне, совместную военную координацию. Например: «Для подавления противника нужно быть во всеоружии – быть духовно сильным бойцом.» [Шапталов 2020: 6]. Или другой пример: «Я встречу врага во всеоружии, я готов!» [Шапталов 2020: 6].

Как видно, моральная (психологическая) готовность к бою очевидно также просматривается в семантике оборота *быть во всеоружии*.

Примером поражения войск, которые не были *во всеоружии* (= не были едины духом), может стать советско-финская война 1939 – 1940 годы [Интернет-ресурс 23]. Хорошо подготовленные советские войска были в подавляющем техническом превосходстве. Однако именно небольшое финское войско было *во всеоружии*: оно хорошо применяло коллективное ведение боя в лесной местности, умело пользовалось холодным временем года на данной территории для подавления настроения русских бойцов, преимущественно набранных из других областей с умеренным климатом (по сравнению со скандинавским).

В морфологическом плане, *всеоружие* – это соединение определительного местоимения *все* и нарицательного существительного *оружие*. Главная символика *оружия* – это ‘власть’ [Трессидер 1999: 259]. А *всеоружие* – значит ‘вся власть’.

Еще с древних времен *оружие* символизировано разрушение. Также герои сказаний, сказок и былин обладали каким-то из видов оружия (т.е. обладали некоторой властью). С точки зрения целевого использования оружия, оно применялось для достижения справедливости и правосудия. В настоящее время полностью подготовленный вооруженный человек

психологически (и для себя, и для других) обладает определенной властью. Например: «*Солдат во всеоружии обладает властью, и такой солдат способен к принятию любой атаки противника*» [Линдсей 2012: 6].

С другой стороны, символизм *оружия* заключался в проявлении силы воли человека (не только при атаке, но и при обороне) [Херлот 1994: 368]. Ведь герой не будет проявлять максимальную волю к победе, если не будет соответствующего оружия в руках. Оружие (любое: физическое, техническое, психологическое, вербальное) дает внутреннее спокойствие. И чем больше единиц и видов оружия, тем сильнее проявляются волевые качества обороняющихся.

Также в словаре символов говорится об оружии как показателе освобождения от кого-либо, чего-либо [Трессидер 1999: 259]. Например: «*Чтобы освободить и защитить территорию, занятую врагами, нужно подготовиться, быть во всеоружии*» [Даллес 2004: 8].

В сельскохозяйственной сфере данный оборот может означать следующее: ‘подготовиться к защите от природных явлений’. Например: «*К осени наш посёлок должен подойти во всеоружии.*» [Суворова 2021: 13].

В общем плане фразеологизм *быть во всеоружии* показал широкую сферу употребления, однако во всех случаях оборот реализует значение ‘быть максимально подготовленным к чему-либо’.

В данной тематической группе фразеологизмов о нападении рассмотрим английский фразеологический оборот *fly to arms* (букв: лететь к войне) в значении ‘готовиться к войне’ [Кунин 1984: 288].

В отличие от предыдущего примера, здесь не идет речи о возобновляемом вооруженном конфликте: вероятно, фразеологизм используется, когда идет подготовка к наступлению или атаке, проверка оружия на предмет рабочего состояния, его годности.

Интересным представляется процессуальный компонент *fly* (лететь): рапидный вектор движения, поспешность реализуемого действия, один, к слову, из самых быстрых способов перемещения в пространственно-

временном континууме (наряду с *ползать, идти, бежать, скакать* и пр.). Коннотативный аспект акселерации, по-видимому, обусловлен необходимостью передачи образом незамедлительной (поспешной) атаки или контратаки противника.

Рассмотрим другой фразеологизм *to adopt a position* (букв.: занимать боевую позицию), а также *raise your guard* (букв.: поднять свою защиту) [Cowie 2004: 131] и *take a stand* (букв.: взять позицию) [Ammer 1997: 103] в контексте наступления является также синонимом рассмотренным ранее в связи с тем, что употребляется в значении ‘начала боевых действий, войны’ и является командой-приказом в военном деле [Боевой устав 2019: 232].

Более агрессивное действие описывает фразеологизм *cut each other's throats* (буквально: резать друг к другу глотки) в контексте ужесточенной борьбы – сражение друг против друга [Кунин 1984: 757]. В русской фразеологической картине мира данный оборот выступает эквивалентом *вцепиться в глотку, наступать на горло, взять за глотку* [Тихонов 2003: 108] – фактор единовременности.

Есть скрытый мотивационный фактор, который толкает субъект метафорически вцепиться в глотку объекта. Провокационная составляющая и свирепость, проявляющаяся в анималистической подоплеке (*вцепиться в горло жертвы* – типичные действия хищников во время охоты), придают фразеологическому образу статус высокой степени агрессии.

В мирное, отличное от военного, время рассматриваемая фразеологическая единица, как представляется, используется как маркёр злодеяния, в отличие, скажем от ранее рассмотренного фразеологизма *dug up the hatchet*, который предусматривает возвращение состояния конфликта на прежний уровень.

Делая акцент на видоизменении поверхности земли, а также на действиях, связанных с землей, проанализируем следующую фразеологическую единицу – *копать яму* ‘причинять неприятности’ [Федоров 2008: 311]: инфинитив с семантикой опережения во времени.

Яма – ‘сформированное углубление в земле’ [Ушаков 2014: 797].

В тактике ведения борьбы *ловчие ямы* (как вырытое в земле углубление) существует достаточно давно – около шести тысяч лет [Интернет-ресурс 8].

Действие по созданию углубления обусловлено попыткой быть неожиданным для другого лица, застав неприятеля врасплох (темпоральный фактор опережения событий). Неожиданность скрыта в *земле* – в этом случае априорное представление стабильности (темпоральный фактор опережения), благополучия, покровительства [Трессидер 1999: 110] оказывается ложным: выкопанная яма, замаскированная от неприятеля, остается незамеченной ввиду того, что проявление несвойственной функции (быть ловушкой) ставится полной неожиданностью для подвергаемого воздействию объекта. Именно внезапность, неожиданность и несвойственность – те факторы, которые и повергают неприятеля в состояние бездействия (физического / морального) или полного поражения.

Прямое значение сочетания *копать яму* – причинение неудобств в движении противника путем формирования изменения рельефа. В военном деле это сделано для ретардации войска или единиц техники по заданной траектории. Ямой в таком случае называют траншею. *Копать яму* – это однозначное замедление действий врага и создания дополнительного времени по отступлению или обороне. При таких обстоятельствах военный командир, отдающий указание, может сказать следующее: «*Копаем ямы два на три метра, чтобы ни один танк не смог форсировать линию фронта*» [Исаев 2007: 402].

Глагольный компонент, *копать*, в свободном употреблении передающий значение ‘создавать углубления в земле’ [Ушаков 2014: 607] описывает процесс создания трудностей для другого лица. *Лопата*, как инструмент для рытья ямы, делает из него орудие по причинению вреда другому. Ассоциативный ряд, образуемый десемантизированными лексемами *лопата + копать + яма*, демонстрирует процесс причинения неприятности. *Бить копытом* – действие на опережение события.

Стоит отметить, что слово *копыто* имеет родственную связь с глаголом *копать*. Копыто само по себе может явиться средством по созданию ямы с небольшим углублением [Фасмер 2007, т.2: 320]. Вероятно, что образ устойчивого сочетания *бить копытом* как проявление анималистической метафоры со значением ‘сопротивляться’ [Федоров 2008: 24] связывается, вероятнее всего, с созданием углубления на ровной поверхности (от удара копыт по земле), а также самого поведения лошади, препятствующей равномерному движению.

Компонент *копыто* встречается и во фразеологизме *отбросить копыта* [Федоров 2008: 441], однако значение связано с окончанием существования организма (прекращение тактики борьбы за выживание). Думается, что образ в одинаковой мере связывается с невозможностью делать углубление в земле, чинить препятствия.

В русской фразеологии существует компонентная модификация рассматриваемого устойчивого выражения – *рыть яму* [Мокиенко 2007: 773] в значении ‘тайного причинения вреда’. Таинственность причинения неприятности, которая заключена в значении фразеологизма, вероятно, связана с негативным посылом ввиду желания скрыть сам процесс: человек, роющий яму, хочет оставаться незамеченным. В такой ситуации чувствуется враждебный настрой действующего лица, а также предосудительность этого действия, например: «*Она своими руками выроет яму взаимоотношений между ними*».

Согласно [Ушаков 2014: 607], в значении глагольного компонента ФЕ *рыть* может закладываться темпоральный оттенок ‘копать в ускоренном темпе’. Такая коннотация формирует необходимость причинить неприятности противнику за ограниченный временной промежуток, пока противоборствующая сторона не достигла позиций боя. В таком случае наблюдается разбрасывание земли по сторонам: ассоциация с хаотичным действием, спешностью. Тематика противоборства в образе *рыть яму* может обрести противоположный эффект – *не рой другому яму, сам в нее попадешь*

[Мокиенко 2007: 773]: отражение опережающего другие события действия, направленного против кого-либо, эффект бумеранга, рикошет. Примеры находим в русской литературе «*Плакаться не на кого, не рой другому яму*» [Островский 2016: 34] и Ветхом Завете «*Кто роет яму, тот упадет в нее*» [Ветхий Завет 2004: 26:27]. Концепт ТАКТИКА БОРЬБЫ представлен в следующем выводе: не следует допускать злобные деяния (прием воздействия) по отношению к кому-либо, поскольку данная тактика может быть применена в реверсном режиме.

Существует и количественная модификация оборота – *копать под кого-то* [Мокиенко 2007: 773], при этом компонент *яма* является факультативным. В данной структуре оказывается акцентным само негативное действие (настроение, расположение) со стороны, в то время как *яма* как непосредственный инструмент негативного воздействия (ловушка) отходит на второй план.

Рассмотрим фразеологизм (*в воздухе*) *пахнет порохом* ‘близится война’ [Федоров 2008: 457]: тактика борьбы усматривается в предвидении.

Образ устойчивого оборота связан с военным делом, во время которого описывается процесс начала боевых действий. Ситуация, заложенная в образ, тесно связывает обе воинствующие стороны: *запахло порохом* (с вариативной группой компонентов *в воздухе*) – знак начала наступления одной из сторон конфликта (опережающий темпоральный фактор), либо некий намекающий маневр о готовности нападения неприятеля.

В то время, как (*в воздухе*) *пахнет порохом*, солдаты должны быть *во всеоружии*, что свидетельствует о полной боевой готовности атаковать противника, или, другими словами, начать бой. *В воздухе запахло порохом* – война стала неизбежным событием.

Использование компонента *порох* в анализируемом выражении создает образную картину вооруженного боя (с применением огнестрельного оружия), который назревает в ближайшем будущем. Полагаем, что компонент *порох* во фразе добавляет архаичности образу ввиду того, что в

настоящее время *порох* в качестве сопутствующего элемента оружия называется *зарядом*.

Порох применялся с древних времен. Уже тогда, применив в одном месте орудие с пороховым зарядом, в другом месте, вне боевого, уже могли знать об использовании – по запаху, распространяемому потоками воздуха.

Запах пороха в воздухе – инициация войны, близость опасности, необходимость поиска укрытия или вступление в контратаку. Обычно, не только почувствовав запах в воздухе, можно убедиться о начале боя. Сочетание грохота снарядов и дыма после применения порохового орудия подтверждает неминуемую опасность.

С изобретением бездымного пороха утратилось прежнее восприятие химического соединения. В результате контролирования горения, бездымный порошок не так очевидно воспринимается рецепторами человеческого организма. Однако и ослабление запаха пороха также может символизировать о скором наступлении врага и начале военных действий. Грядущая опасность метафорически связана с физическим ощущением, который будет понятным всем действующим лицам без исключения. Например: «*Возник запах пороха в воздухе – батальон приближается к высоте*» – фактор единовременности.

В данном случае можно говорить о существовании синонимической конструкции *запахло жареным* – ‘о грозящей опасности’ [Федоров 2008: 457]. Активная фаза использования пороха (в подожженном виде) уже задает кульминацию – начался бой (темпоральный фактор отставания). Это знак, демонстрирующий готовность к нападению одной из сторон, а также отправление сигнала врагу о необходимой готовности к натиску, например: «*Дело запахло жареным!*» – произнес солдат, глядя в бинокль на позиции врага» [Интернет-ресурс 13].

В образной структуре обоих оборотов (*запахло жареным, пахнет порохом*) возникает антропоцентрическая (профессиональная) референция к обонятельным рецепторам человека. На первый взгляд, чувство обоняния не

применяется в боевых и военных действиях: умение чувствовать запахи не является главным преимуществом в победе над врагом. С другой стороны, при еще не возникшей войне, корректно интерпретировать знак (чуять порох) начала боя – дело профессиональное.

Проводя аналогию с другими рецепторами человека (зрение, слух, осязание), можно говорить о строгой локализации восприятия окружающего мира. Так, слух воспринимает звук (например, от сработавшего орудия) на расстоянии 5 км, а зрение воспринимает объект – до 5 км. Что касается обоняния, то, если источник запаха (порох) находится в состоянии горения, то он может чувствоваться на большем расстоянии от человека (антропоцентрическая точка отсчёта).

В этой связи образ рассматриваемых фразеологизмов (*запахло жареным, пахнет порохом*), проецируемый на воздушную сферу, рассматривается как медиатор, проводник передаваемого сигнала. Стоит отметить, что *воздух* является пространством не только для трансляции запаха, но и для трансмиссии звуковой волны (например, *пустой звук* ‘информация, не имеющая содержания’ [Федоров 2008: 457]) и зрительной картинки (например, *за деревьями не видеть леса* ‘не замечать главное’ [Федоров 2008: 75]). Воздух не распространяет запах на большие расстояния, является благоприятным к сигнализации отправляемой информации на большое количество получателей. В этом контексте при начале наступления одной из сторон, обоняние (воздушная среда) играет вспомогательную роль в понимании начала наступления.

Обратный процесс – в воздушном пространстве существует риск растворения ароматических веществ (запах пороха), а исчезновение данного информативного ресурса (запах пороха) может стать причиной внезапной атаки противника без предупреждающих сигналов, а внезапность атаки – является залогом успеха в войне. В этой связи упомянем фразеологизм *ни слуху ни духу* ‘о ком-либо, кто давно не появлялся на всеобщее обозрение’ [Федоров 2008: 630] – схожая идея использования метафорических

рецепторов человека (ухо, нос) для восприятия информации. Как представляется, данный образ уходит в зооморфный код культуры, где восприятие мира (и его фиксирование) происходит с учётом биологически активных, изначально функционирующих и доминирующих критериев как основных приемов экзистенции живого организма.

В немецкой фразеологии противоборство в воздушном пространстве отмечается во фразеологическом обороте *j-m den Wind aus den Segeln nehmen* (букв.: снять у кого-то ветер с парусов) – ‘лишить тактических преимуществ’ [Бинович 1995: 726].

В образе ФЕ отражено наличие воздушной борьбы посредством управления ветряными потоками при помощи паруса, закрепленном на мачте корабля. Такой вид борьбы со стихией (укрощении и непосредственным захватом потока воздуха на парус) дает движение всему кораблю.

Немецкий образ *снять ветер с парусов* означает ‘лишение возможности в действиях, борьбе’ – фактор единовременности: ветер в парусе – значит возможно движение, снять ветер с паруса – значит прекратить возможность движения. К слову сказать, *парус* имеет особую смысловую нагрузку – это символ надежды, ожиданий, веры [Трессидер 1999: 268], поэтому лишение возможности использовать *парус* по прямому назначению – сродни неминуемому поражению. Отсутствие ветра в парусах – психологическое давление, отсутствия движения, дрейф, беспокойное пребывание в пространстве, ожидая новые мотивирующие факторы.

Возвращаясь к образу *j-m den Wind aus den Segeln nehmen*, скажем, что *парус*, как символ воздушной стихии [Трессидер 1999: 268], является прототипическим элементом поддержания спокойствия на водной поверхности. В мифологии *парус* встречается в атрибутах богини Афины, в скульптуре и живописи также присутствует данный элемент с той же семантикой – умиротворенность на водных просторах [Керлот 1994: 381].

Также символика паруса представлена в виде плаща у разнообразных медийных персонажей – борцов за справедливость (Бэтмэн, Супермэн,

Чёрный плащ и др.). Плащ, как дыхание жизни, используется как знак для тех, кто сомневается в спокойной жизни. Такая атрибутика в сочетании с ветром создает определенный эффектный знаковый прием.

Однако в культуре существует элемент *алых парусов*, которые являются символом счастья. Цвет таких парусов означает ожидание, готовность к переменам, о котором мечтают молодые люди (об этом – известная одноименная повесть А. Грина). Романтика и воля таких людей окружает свободными символиками *ветра* и *паруса*.

В военном деле *снять ветер с парусов* – элемент мнимой тактической нейтрализации, когда искусственно создаётся превосходство одной из сторон. Как правило, к таким способам можно отнести маскировку [Мойсеенко 2019: 48], разведывательные действия [Мойсеенко 2019: 216].

Главной задачей *j-m den Wind aus den Segeln nehmen* является устранение главных стратегических преимуществ. Ветер, как вспомогательный (в данном случае) тактический подэлемент находится в качестве цели противоборствующих сторон. Отсюда, тот, кто обладает *ветром*, обладает свободой, более удачным манёвром, а также формированием настроения среди личного состава. Моральный дух (дух формируется благодаря символизму *ветра*) стремительно возрастает.

В боевой среде употребление фразеологизма крайне важно с точки зрения необходимости дать надежду на положительный исход. Это означает возможность уравнивать тактические шансы при изначальном неравном соотношении сил. Фактически, существует способ для маневра, который не только лишит преимуществ противника, но и создаст преимущество своих сил. «*Aber dass sie Goron den Wind aus den Segeln genommen hat, verstärkt den Ruhm ihrer abenteuerlichen Schönheit*» [Maass 1963: 127].

Другая интерпретация образа фразеологической единицы *j-m den Wind aus den Segeln nehmen* – реальное устранение сил (оружие) неприятеля. Завладеть оружием Y-ка (при этом *оружие* как основной помощник в боевых действиях) является главной целью X-а. В таком случае упразднение (захват)

оружия *Y*-ка связывается с апроприацией инструмента противодействия / нападения и приводят в неактивное состояние самого *Y*-ка.

Контекстуально синонимичным немецкому *j-m den Wind aus den Segeln nehmen* звучит русский фразеологический оборот *выбить из рук* [Тихонов 2004: 196] – ‘своими силами исключить применение оружия противником’. В военном деле *выбить оружие из рук противника* менее предпочтительна среди командования ввиду существенного риска потери собственных сил, и в современной военной практике такой приём используется реже по сравнению с предыдущим периодом времени.

Тем не менее, рукопашный бой, как один из приемов по решению такой тактической задачи, изучается в армейском деле и является одним из простых приемов атаки и обороны [Кадочников 2003: 232]. Благодаря такому виду борьбы возникает эффект овладения оружием и, как результат, нейтрализации противника, например: «*Der Opposition den Wind aus den Segeln zu nehmen*» [Интернет-ресурс 28]. Контекст понятен – необходимо *выбить* главную силу *из рук* оппозиции. Примером употребления оборота может являться одно из предложений в романе Б. Акунина ‘Любовница смерти’: «<...> Пропажа приведет Дожа в смятение и выбьет из его рук наиболее опасное оружие <...>» [Интернет-ресурс 1].

В общем плане образ немецкого фразеологизма *j-m den Wind aus den Segeln nehmen* мотивирован, с одной стороны, военно-морским делом, с другой стороны – это метафорический способ выражения ‘нарушить веру человека’, а также символ предстоящей свободы и спокойствия.

Приведем другие примеры концептуального тождества *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР*: *махать кулаками после драки* ‘бесполезное действие по прошествии времени’ [Федоров 2008: 363]; *держат порох сухим* ‘заранее подготовиться к борьбе’ [Молотков 1987: 137]; англ. *the armaments race* (букв.: вооружённая гонка) ‘одновременное противостояние держав за военное превосходство’ [Кунин 2004: 23]; англ. *kill two birds with one stone* (букв.: убить двух птиц одним выстрелом)

‘одновременно сделать два разных дела’ [Кунин 1984: 83]; англ. *clear the decks* (букв.: очистить палубы) ‘заранее подготовиться к бою’ [Кунин 1984: 206]; англ. *as a last resort (in the last resort)* (букв.: как последнее прибежище) ‘принимать что-либо в расчет в последнюю очередь’ [Кунин 2004: 24]; немец. *bis in den Tod* (букв.: до самой смерти) ‘до последнего вдоха’ [Бинович 1995: 569]; [Бинович 1995: 51]; немец. *es ist noch nicht aller Tage Abend* (букв.: ещё не вечер) ‘нужно время ещё не пришло’ [Бинович 1995: 11]; нем. *sturm blasen (trommeln)* (букв.: дует шторм) ‘подавать сигнал к атаке’ [Бинович 1995: 646] и др.

Таким образом, тождество **ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР** на материале фразеологических единиц устанавливает семиотическую продолжительность событий, их чередование в общей цепи последовательности явлений и реализуются посредством таких смыслообразующих элементов, как *опережение, отставание, единовременность*. Данная частноутвердительная сентенция является ниже среднего показателя (12%) по частоте использования среди набора других составленных тождеств и формирует дальнюю периферию концепта. Как правило, временной фактор тактики борьбы – это, прежде всего, дуративное действие, направленное на *опережение* (52% от общего числа обнаруженных ФЕ). Нетипичным для темпорального фактора борьбы является синхронность (или *единовременность* – 13% от общего числа обнаруженных ФЕ).

2.4.

Тождество *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ* как ближнее периферийное значение ‘*манёвренность*’ в семиотическом наполнении концепта

Тождество *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ* является эквиполентной биполярной сентенцией, на материале фразеологических единиц представляет собой разновидность коэкзистенциального фрейма о

средствах регулирования поведения противника с учетом особого размещения и специального перемещения (маневрирования) действующих лиц в пространстве, аккумулируемые диспозитивным слотом. В лексико-семантическом ключе компонентный состав подобных оборотов проявляет первостепенную релевантность по отношению к таким дескрипторам, как *наступление, оборона, отступление*.

Основополагающим в данном фреймовом образовании становится вектор перемещения объекта (*диспозиция* – в военном деле: план для расположения с последующим боем), который может быть статичным и динамичным. Как представляется, динамика слота отражена в метафорическом движении вперед (слотовый конкретизатор *наступление*) и метафорическом движении назад (слотовый конкретизатор *отступление*). Статическое проявление слота видится в конкретизаторе *оборона* (в военном деле: удержание намеченных рубежей).

Рассмотрим фразеологизмы, образ которых связан со слотовым конкретизатором *наступление*.

Фразеологизм *брать (взять) на abordаж* – «решительно проявлять действие для достижения какого-либо результата» [Степанова 2003: 41].

Образ устойчивого оборота связан с военным делом, где десемантизированная лексема *abordаж* этимологически восходит к французской морской терминологии *abordage* [Интернет-ресурс 26] и означает факт прибытия корабля в порт. Позже происходит сужение семантики языкового знака лексема начинает использоваться в корабельной тактике нападения на морских просторах. *Брать (взять) на abordаж* является тактическим приёмом – захват морского судна в тесном контакте, ближнем бою.

Морфемный анализ французского слова *abordage* позволяет установить конгломеративную организацию единицы путем соединения предлога *à* ‘по направлению к чему-либо’, нарицательного имени существительного *bord*

‘край, борт, кромка’ и формообразующего суффикса со значением ‘действие и его результат’.

Данное выражение подразумевает близкий контакт с противником. Оно имеет преимущественно морской уклон, относясь к сражениям на море, нежели на суше. Взятие на abordаж происходит при сближении кораблей и перехода команды корабля в рукопашную схватку на борту корабля противника. В бою могли применяться как оружие ближнего боя (абордажные сабли, лестницы, пики), так и огнестрельное оружие (ружья, пистолеты). Для наиболее удобного перехода на корабль противника использовали крюки, деревянные настилы, которые перебрасывали с борта одного корабля на борт другого.

Вполне очевидно, что в составе фразеологического образа рассматриваемый субстантивный компонент *абордаж* сохраняет семантику прототипа (совершать безотлагательное центростремительное движение с целью организации принудительного периферийного (для начала) контакта с последующим захватом и переходом на более высокий уровень апроприации). Подобная поведенческая модель становится метафорическим образом в плане выражения фразеологизма *брать (взять) на abordаж*.

Данный фразеологизм может выступать императивной репликой в мореходном деле – приказ подойти к вражескому кораблю впритык, сцепиться с ним бортами и провести рукопашный бой на его палубе с целью захвата. А также структура *на abordаж* может означать способ ведения морского боя во времена гребного и парусного флотов, атака корабля противника при непосредственном сближении с ним для рукопашного боя [Каланов 2009: 9].

Брать (взять) на abordаж во время морского боя – это высадка со своего корабля на вражеский корабль с целью захвата последнего его. Этот приём используется, когда не существует необходимости топить вражеский корабль. Следует заметить, что и во фразеологизме заключена идея «высокой степени проявления процессуального признака со стороны субъекта» и,

больше всего, характеризует субъект, нежели объект, который также участвует в данном действии. Например: «*Вся очередь приготовилась брать маршрутку на abordаж*» [Устинова 2004: 64]. В данном примере – задача не состоит в том, чтобы деструктивно (пагубно) воздействовать на объект (топить корабль, неприступную леди), а скорее – сохранить целостность, но лишиться автономии, завладеть с причинением минимального урона внешним показателям.

Подобная тактика *брать (взять) на abordаж* применялась во время гребного и парусного флота, в морских схватках XVII – XVIII веков, но с появлением новых видов кораблей и вооружения *abordаж* теряет свою эффективность. Это связано с тем, что для взятия на abordаж необходимо вплотную приблизиться к вражескому судну и взобраться на него, а с постройкой современных кораблей – морские сражения стали проходить на больших расстояниях, что сделало практически невозможным приблизиться кораблям вплотную. Тактика взятия кораблей на abordаж устарела из-за использования точного автоматического корабельного оружия. Также использование ракет и торпед не позволяет в современных условиях использовать борьбу на abordаж.

Можно привести примеры из истории военного дела о взятии на abordаж. Один из таких известных примеров – победа адмирала Фёдора Ушакова у мыса Тендра 11 сентября в 1790 году. Во время этой битвы много турецких кораблей было взято на abordаж. Другой пример: Чесменское сражение в Эгейском море (1770 год), в ходе которого были взяты на abordаж несколько галер неприятеля. Однако одним из первых данную тактику ведения боя использовал командующий римским флотом Гай Дуилий во время Первой Пунической войны (III век до н.э.).

Известно в истории также сражение матросов на крейсере «Варяг» (1904 год) с японскими крейсерами: несмотря на разницу в силе, неприятель не смог взять на abordаж русского моряка. Такой тактикой *брать на abordаж* пользовались адмирал Павел Нахимов в своих сражениях против захватчиков

и римский флот во время своего расцвета с императором Юлием Цезарем. Упомянем Северную войну (1701 – 1721 годы) и Петра I, грамотного полководца, основателя русского морского флота, – в ходе сражений русские корабли брали шведского неприятеля на бордаж.

Однако в XXI веке этот тактический приём используют сомалийские морские пираты, чтобы захватить международные грузовые танкеры или взять экипаж в плен. Например, в русском художественном фильме «22 минуты» в постановке режиссера В. Серикова, основанной на реальных событиях, пираты взяли танкер на бордаж, захватив экипаж в плен с целью выкупа. Русский спецназ пробрался на корабль и освободил заложников, устранив пиратов за 22 минуты. Можно сказать, что бойцы отряда специального назначения взяли захваченное судно *на бордаж*. Известный в кинематографической сфере и полнометражная лента американских режиссёров Г. Вербински и Р. Маршалла «Пираты Карибского моря», где тактика *взять на бордаж* становится довольно частным сюжетом в картине.

Иногда в речи пользователей русского языка можно встретить выражение *взять на бордаж*, тогда, когда люди в большом количестве садятся в транспортное средство, например: «*На остановке стояло много людей, и когда подъехал автобус, они его взяли на бордаж*».

Итак, фразеологизм *взять на бордаж* означает смелые, решительные действия по отношению к кому-то или чему-либо.

Рассмотрим фразеологизм *в ход идет тяжёлая артиллерия* – «самое надёжное действенное средство, которое используется в крайнем случае» [Федоров 2008: 14].

В образе данной фразеологической единицы заложено метафорическое применение крупнокалиберного орудия с целью уничтожения превосходящей силы противника. Другими словами, данный фразеологический оборот может быть использован в том случае, когда силы пехоты или боевые машины пехоты не могут справиться с поставленной задачей, и командир решает применить все силы своей армии: более тяжёлую

технику или артиллерийский удар.

С этимологической точки зрения, оборот восходит к тем временам, когда специальные сооружения использовались для выбрасывания снаряда (в былые времена – камни). Такие конструкции назывались катапультами. Катапульти активно использовались во времена Римской империи и служили как в бою, так и в осаде. В бою катапульти использовались для уничтожения дальней цели противника. Это позволяло не атаковать противника, а ждать его на месте. А при осаде – катапульти служили для уничтожения стен противника в период проходившего возле стен боя.

В истории России всю мощь катапульти ощутили в 1237 году, когда армия хана Батыея использовала тяжёлую артиллерию. Благодаря тяжёлой артиллерии армия монголов легко крушила стены и ворота городов [Интернет-ресурс 18].

С точки зрения военного дела, фразеологизм *в бой идет тяжёлая артиллерия* можно понять как ‘последний шанс’, когда до победы осталось совсем немного, и противник почти разгромлен [Мойсеенко 2019: 192].

Как результат, *в ход идёт тяжёлая артиллерия* – это осознание того, что задействуется мощное оружие массового поражения, и использование данного типа оружия продиктовано крайней степенью необходимости внедрения определённой боевой тактики. В обороте заложена идея морально-психологического давления на противника.

В разговорной речи данный оборот сохраняет первоначальные характеристики и транслирует идею приложения максимального усилия и использования самых действенных средств и методы для достижения поставленной цели. Например, это устойчивое выражение часто используется для высказывания значимых и сильных аргументов в споре или обсуждении. Например, в газете «Стриж» данный оборот в саркастической форме применен в названии статьи о потенциальном объединении территориальных округов и расстановки на новом объединённом пространстве иных законных представителей [Интернет-ресурс 2].

Данная устойчивая структура – это один из действенных метафорических приемов, который свидетельствует о том, что у оппонента не остается другого выбора, как признать свое поражение или неправоту.

Итак, фразеологизм *в ход идет тяжелая артиллерия* – это использование неопровержимых аргументов или доводов для положительного исхода спора.

Фразеологизм *грудь на грудь*: 1) идти один на другого [Федоров 2008: 160]; 2) биться, сражаться вплотную, непосредственно соприкасаясь [Тихонов 2003: 5].

Образ фразеологизма построен по модели субстантивный компонент + пропозициональный компонент + субстантивный компонент. Повторяющийся компонент *грудь*, он же – ключевой, формирует образ устойчивой структуры.

Грудь – место на теле живого существа, в глубине которого находится сердце как символ жизни [Трессидер 1999: 68].

Фразеологический образ *грудь на грудь* – столкновения двух интересов, проявление готовности к решительным действиям, желание брать инициативу на себя, не задумываясь об исходе предстоящего действия.

В истории военных сражений описывается подобная тактика битвы. Так, одно из упоминаний было о Евпатии Коловрате, уроженце Рязани. Он сражался самоотверженно с татаро-монгольским игом в 1238 году [Интернет-ресурс 18].

Или битва персов и трехсот спартанцев. Где спартанцы стояли в ущелье, а персы шли на них массой – сражение *грудь на грудь* [Интернет-ресурс 21].

Еще одним из примеров сражений *грудь на грудь* является битва, произошедшая на льду Чудского озера в 1242 году под предводительством Александра Невского против Ливонского ордена. Ледовое побоище является одной из знаменитейших битв, которое показывает смелость и тактичность русского войска [Интернет-ресурс 16].

Другое событие – Куликовская битва 1380 года, поединок между

русским богатырем Пересветом и татарским богатырем Челубеем. Эти войны сразились в ближнем бою – *грудь на грудь*.

В этой связи во фразеологизме можно увидеть коннотативное значение ‘близкое расстояние’: рукопашный бой, штыковая атака (например, июль 1941 года, схватка на берегу Днепра стрелкового полка Советской армии и немецких захватчиков) [Интернет-ресурс 15].

Итак, сражение *грудь на грудь* требует от человека максимальной уверенности в победе, стойкости и решимости. В таких сражениях побеждает тот, кто духом сильнее, кто готов пожертвовать собой во имя идеи.

Еще один фразеологизм, образ которого связан с наступлением, – *брать на арапа*. Значение оборота: ‘дерзкое действия с нажимом по отношению к кому-либо; попытка перехитрить, действовать обманным путём [Тихонов 2003: 12].

Субстантивный компонент *арап* восходит к древнерусской лексеме «воропь», что значит – «налёт, нападение разведывательного отряда» [Фасмер 2007: 96]. В летописях встречаются такие варианты написания: как "наворопь", "навропъ", "наврапъ" [Фасмер 2007: 96]. В современной разговорной речи происходит фонетическая трансформация в «арап» и «шарап». Отсюда и возникают свободные сочетания (брать на шарап, брать на арапа), распространенные в военном деле, которые выступают со значением ‘захватить что-то грубой силой, нагло’.

Это же значение сохраняется и в метафорическом образе фразеологизма *брать на арапа* – ‘грубый военный натиск, получение добычи путем грабежа’ [Тихонов 2007: 12].

Рассматривая данный фразеологизм со стороны военной тематики, можно привести примеры его использования в боевых действиях.

Так, в военной тактике существует понятие «ведение боевых действий обманным путём» [Мойсеенко 2019: 63]. Такого вида действия ведутся для того, чтобы получить определённый вид информации или же привести в смятение противника, искусственно создавая панику (взять на арапа), и,

воспользовавшийся этой паникой, противник отправляет на место действия вооруженные отряды для завладения территорией.

Взять на арапа можно путем оборудования участка местности с использованием муляжей и маскировки. Это делается для того, чтобы ввести противника в заблуждение, обмануть его (взять на арапа). Противник направляет свои силы на эти позиции, а в этот момент другие подразделения начинают атаку с флангов. Противник, не ожидая таких событий, начинает перестраиваться, но подразделения своим огнём подавляют противника, в ходе чего войска противника терпят поражение.

Выражение *взять на арапа* очень часто используется в военной тактике, когда составляется карточка огня, или план нападения на противника [Мойсеенко 2019: 213 – 242].

Наряду с военной тематикой существует примеры использования данного оборота и в повседневной жизни. Например, в литературе есть один из примеров высказывания с рассматриваемым фразеологическим оборотом. Так, в произведении Т. Степановой «В моей руке – гибель» можно увидеть следующий контекст: «...действовать <...> резче и суровее: *взять на арапа самих Михайловцев...*» [Степанова 2020: 4].

В мемуарах публициста Олега Волкова также можно увидеть использование рассматриваемого фразеологизма «<...> Задерживаемся в подвалах, блуждаем в полумраке <...> Сердце сжимает холодок <...> На арапа берёте! <...> Всё это уже было...» [Волков 1989: 234].

Рассматриваемый оборот *взять на арапа* может выступить синонимом фразеологизму *брать за горло* – ‘пытаться запугать, оказать давление при помощи угроз, влиять на другого человека, но и морально и психологически [Тихонов 2007: 54].

В карточном мире применяется *брать на арапа* как жаргонизм в значении ‘обыгрывать кого-либо при помощи шулерских приемов’ [Дубягин 1991: 13] – т.е. применять особую тактику борьбы за победу.

Также известно упоминание фразеологизма в сфере деятельности МВД

РФ (полиции). Так, выражение *bratъ na arana* имеет жаргонный оттенок: ‘заставать врасплох неожиданным вопросом’ [Мокиенко 2001: 202]. Это применяется, когда подозреваемый не идет на контакт с полицией, и при использовании хитрого приема полицейские пытаются добиться нужной информации по рассматриваемому делу.

Итак, рассматриваемая фразеологическая единица *bratъ na arana* применяясь в военной среде, реализует денотативное значение субстантивного компонента *aran* сохраняется в рамках фразеологического образа и придают всему обороту ‘достижение цели путем грубого действия с применением хитрых приемов’.

Рассмотрим фразеологизм из военной сферы *turn smb's battery against himself* (букв.: повернуть батарею против самого себя) – ‘бить врага оружием самого же врага’ [Кунин 1984: 757].

Данный оборот применяется в описании той ситуации, когда обороняющаяся сторона использует против противника такое оружие, с которым противник нападает сам. В этой связи, упомянем русский оборот *против ветра не подуешь* [Жуков 2000: 269]. Тактика ведения боя состоит в том, что активное оружие противника реверсивно применяется обороняющей стороной и, как результат, воздействует не на тех, на кого изначально предполагалось использование, а на самих пользователей. Здесь и другая особенность ведения боя: симультанная взаимоатака с применением идентичного оружия. Другими словами, предпринимается попытка двустороннего самоуничтожения (как скажем, фразеологизм *пиррова победа* – парадоксы ведения боя: победа по состоянию на исход боя, приравнивается к поражению [Тихонов 2003: 475]).

В данном обороте *turn smb's battery against himself* можно увидеть эффект бумеранга – точное описание ситуацию победы врага его же оружием. Ведь все средства хороши для одержания победы, в том числе и аналогичные приемы, тактики ведения войны, которые могут заставить врага врасплох. Но не только физически можно оказать давление *turn smb.'s battery*

against himself, благодаря которому одолевают врага, но и словесно. Например, есть высказывания, которыми не меньше, чем физически, можно запугать соперника или соперницу, одержать над ним верх. Например, фразеологизм военной сферы *turn smb's battery against himself* уместно применить в ситуации межличностного конфликта в гражданской среде: наказать сплетницу тем же приемом, которым она создает выдуманные темы для обсуждения с коллегами на предприятии. И ее же оружием – сплетней – можно указать ей на это, чтобы задумалась о своей неправильной социальной позиции по отношению к другому лицу (к вопросу о воспитательном характере фразеологического образа).

Рассмотрим фразеологизмы, образ которых связан со слотовым конкретизатором *оборона*.

Например, в немецкой фразеологии находим оборот в 'значении прибегнуть к оборонительным действиям' – *j-m eine Abfuhr erteilen* (букв.: получить отказ) 'дать отпор кому-л'. [Бинович 1995: 11].

Борьба, с точки зрения употребления данной лексемы в языке, – это противоборство среди враждующих сторон, зачастую между двумя людьми или группами людей, несогласные с мнениями или позициями друг друга. В такой борьбе всегда существует атакующая сторона, тогда как другая сторона – обороняющаяся. С позиции обороняющейся стороны необходимо принять (отразить) атаку противника, желательно с применением оружия (*принять бой*), что означает принятие участия в борьбе. В случае, когда сил для обороняющейся стороны считается достаточно для собственной атаки, реализуется контрдействие. Например: «*Враги первыми начали стремительную атаку, но мы своими силами встретили их и дали отпор.*» [Мойсеенко 2019: 102]

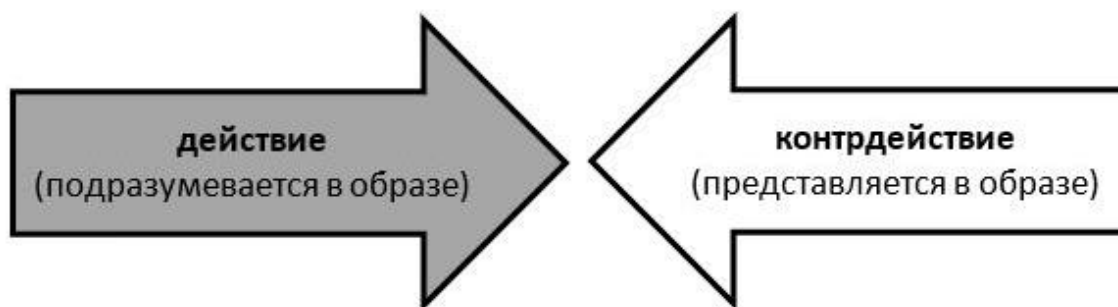
Когда противник атакует достаточно стремительно, тогда в военной коммуникации привычно из уст командира подразделения слышать команду для оттеснения врага от своих позиций (другими словами: дать отпор). Несмотря на то, что враг силен и опасен, отпор врагу дать необходимо, иначе

– незамедлительно наступит поражение.

В результате грамотной обороны с применением своей силы можно перейти к атакующим действиям и наступлению, речь о котором шла ранее. Например: «*Давая отпор вражеской стороне, наши солдаты взяли неприятеля на абордаж*» [Батюшкин 2008: 88].

Фразеологизм *j-m eine Abfuhr erteilen* обозначает двустороннее действие с двумя акторами – актор имплицитный (подразумеваемое воздействие со стороны, но не указанное в образе, побуждает к действию) и актор эксплицитный (активное противодействие как стимул-реакция на раздражитель). Представим графически:

Схема 3.
*Двусторонний характер активности участников
в образе немецкого фразеологизма j-m eine Abfuhr erteilen*

Немецкий субстантивный компонент *Abfuhr* – (букв.: ‘отклонение, отпор’) дает представление о сопротивлении чему-либо или кому-либо [Москальская 2008: 42]. В немецкой лексике самый распространенный случай употребления данной лингвистической единицы – студенческий жаргон, где она реализует значение ‘потерпеть поражение в поединке’ [там же]. Связи с рассматриваемым образом оборота не просматривается. Однако в контексте метафорической борьбы можно увидеть поражение, которое не является разгромным (без сопротивления). В таком случае само поражение для побежденного можно назвать достойным ‘(*gebührende*) *Abfuhr erteilen*’.

Образ субъекта, дающего отпор врагу, сочетает в себе героизм и отчасти безысходность, неизбежность поражения. Человек, участвующий в битве, войне, лучше отдаст свою жизнь, сопротивляясь (пусть даже зная об исходе),

но враг получит долю того сопротивления, которую заслуживает, например: «*Не отдамся врагу – погибну, но дам ему отпор.*» [Устав сухопутных войск РФ (часть 2) 2019: 35]

В этой связи русский фразеологизм *бросаться на амбразуру* [Мокиенко 2007: 16], образ которого связан с обороной, но безысходной, заведомо обреченной на поражение, обороной, которая, характеризуясь тотальным поражением, в то же время имеет целью приостановить наступление врага. В военном деле данное выражение является одной из тактик при одиночном ведении боя – своеобразный единоличный наступательный демарш с целью всеобщей обороны [Батюшкин 2008: 92].

Давать достойное сопротивление (отпор) оппоненту можно не только с использованием физической силы. В этом случае к значению этого фразеологического оборота можно отнести значение ‘отказать кому-то в резкой форме’. Нетрудно догадаться, что возможно применение оборота в коммуникативной ситуации, а именно в споре, когда требуется ответить спорящему оппоненту на словах. В сочетании с резкостью и элементами ораторского искусства – ответ в такой форме может приостановить другого спорящего человека, и, возможно, изменить ход в самом споре не в пользу ссорящегося.

Другой немецкий фразеологизм *das Bajonett aufpflanzen* (букв.: посадить штык) – ‘примкнуть штык’ [Бинович 1995: 71]. Оборот рассматривается как согласие на борьбу, на решение к сопротивлению врагу. Оборот *посадить (примкнуть) штык* широко используется, например, в царской России, и реализует прямое значение: военному необходимо *взять в руки штык* при возникновении опасности нападения неприятеля. В свободном употреблении лексическая единица *посадить* реализует значение ‘воткнуть, пронзить’ [Фасмер 1987: 375] врага холодным оружием с целью победы над ним.

Образ штыка (*Bajonett*) в рассматриваемом случае – это любое холодное оружие, а также и винтовка, ружье, боевое (преимущественно колющее) оружие [Бинович 1995: 71]. Фразеологическая единица *das Bajonett fällen*

(букв.: разрезать штык) ‘взять ружье наперевес’ применяется в военных действиях, когда бой невозможен с применением штыков (рукопашный бой), применяются любые другие орудия для оказания сопротивления. Однако *Bajonett* во фразеологизмах – символ оружия, применяемого для борьбы (как рукопашной, так и оружейной) [Керлот 1994: 367].

Тем не менее можно увидеть пространственную семантику и семантику сопряжения с поверхностью (переходные случаи) в немецких оборотах, где образ строится с учетом субстантивного *Bajonett*: штык – короткоствольное приспособление для ведения ближнего боя (пространственная семантика); штык – приспособление на нанесения проникающих ранений (семантика сопряжения с поверхностью).

Штык для военного человека – колющее оружие, способное нанести серьезные колющие раны. То есть, проникающие способности штыка крайне слабы (по сравнению с огнестрельным), а проколоть соперника – главная задача этого холодного оружия. Например, в фехтовании, современном виде спорта, борьбы на рапирах (мечи для фехтования), используется другой фразеологический оборот – *bis zur Abfuhr kämpfen* ‘биться (на рапирах) до потери боеспособности’ [Москальская 2008: 42]. Рапира, как и штык, относится к разряду колющих оружий, однако стоит полагать, что рапира (шпага) относится к тому периоду времени, когда, оп преимуществу, выступала средством выяснения отношений между представителями дворянского сословия (например, дуэль на шпагах) [Керлот 1994: 320]. Следовательно, в образе фразеологизма субстантивный компонент *Abfuhr* указывает, в большей степени, не на сам факт противостояния (собственно сражение), а на характер противостояния участников, их внутрисоциальное (личностное) или межсоциальное противоборство, тем самым акцентируя мотивацию вооруженного конфликта.

Отмечая выше способы применения отпора (*Bajonett, Abfuhr*), можно сделать вывод о том, что любое сопротивление является шансом на победу – пусть малую, в личном зачете, но вполне обозримую при других более

благоприятных обстоятельствах.

Проанализируем фразеологизмы, образ которых связан со слотовым конкретизатором *отступление*.

Рассмотрим русский фразеологизм *дать стрекача* со значением ‘незамедлительно убежать из какого-либо места’ [Тихонов 2007: 280].

В русской культуре *стрекач* – прыжок, стречокЪ, спешное бегство [Даль 2003, том 3: 338]. Полагаем, что ключевым аспектом в данном образе выступает временной параметр – ‘спешность’, представленная субстантивным компонентом. Поспешность выполняемого действия, и быстрота самой реакции связана, вероятнее всего, с фактом прыжка (стрекач): безотлагательной биомеханической миграции из одной точки пространства в другую.

Если проводить параллель с анималическим кодом культуры, что *прыжок* видится, прежде всего, в резком перемещении в вертикальной или горизонтальной плоскости. Такое движение мотивируется многим факторами, в том числе и охотничьими побуждениями, а также предпринимаемой мерой предосторожности по случаю атаки неприятеля.

Стоит полагать, что, с точки зрения долго и чести, в военном деле не принято *давать стрекача*, поскольку данный факт противоречит самой обороноспособности некоторой военной общности. Да и сам фразеологический оборот используется в речи с оттенком иронии – насмешка видится в самой картине происходящего: резкая (ненадлежащая объекту) смена транспозиции, в большей степени, спровоцированная действием субъекта на объект. Именно не терпящее отлагательства удаление с места действия как несвойственное поведение, в целом, и как нехарактерная реакция объекта – в частности, позволяют высмеивать объект и его манеру держаться в заданной обстановке.

В тактике военной боя, безусловно, закладываются возможность отступления в случае неравного распределения сил или потенциального поражения в самом бою, но, думается, что применительно к войскам

стратегического назначения данный оборот приобретает саркастический оттенок [Новиков-Прибой 1985: 41].

Стоит отметить, что образ *дать стрекача* может быть связан не только с бегством как проявлением нерешительности (психологический фактор) продолжать противоборствующие действия, но и с неготовностью предпринимать попытку противодействия (стратегический фактор). При таком раскладе образ *дать стрекача* реализует субъективную оценочность: 1) видимое актуальное отступление объекта идёт на пользу нападающему субъекту и 2) текущее отступление объекта с той целью, чтобы предпринять грядущие наступательные движения в сторону субъекта.

Как видно, темпоральная коннотация значения фразеологизма, проявляемая в оппозиции *текущий – грядущий*, позволяет говорить о двустороннем описании модели поведения субъекта и объекта в ситуации *дать стрекача*.

Другой фразеологизм – *рвать когти* [Степанова 2003: 243] ‘убегать, уходить поспешно’. Оборот употребляется в снижено-разговорном регистре.

Анималистический образ фразеологизма связан с поведением хищных животных. Костное образование в нижней части лап (субстантивный компонент *когти*) выполняет разнообразную функцию – от обороны и нападения до разделывания пищи и устройства жилья.

Согласно словарю [Кузнецов 2000: 1107], денотативное значение глагола *рвать* сопряжено с отделением одной субстанции от другой, при этом немаловажную роль играет характер усилия, прилагаемого к этому действию, – резко потянуть: интенсивные движения с целью разделить на части. Есть основания полагать, что данная семантика сохранена и в образе фразеологизма: без промедления, внезапно, вынужденный и спешный переход от одного к другому.

Кроме того, анималистический компонент в составе фразеологизма *рвать когти* – это еще и символический образ. Согласно [Толстой 1995: 428 – 429], в славянской мифологии звериный *коготь* рассматривается как оберег

(волчий коготь – от детской порчи, медвежий коготь – для охраны скота, рысий коготь – для оберега охотника). Следует полагать, что в данном случае *коготь* – воплощение некоторой силы.

Однако фразеологический образ *рвать когти* является, прежде всего, калькой поведенческого мотива животных: резкое отталкивание задними лапами с целью придать ускорение телу, и ещё большее ускорение придается за счет сцепления когтей и поверхности, на которой находится само животное.

Отсюда следует, что *рвать когти* – это приложение незамедлительной силы с целью интенсивного перемещения в пространстве.

В этой связи обороты *бить копытом* [Федоров 2008: 24], *поджать хвост* [Тихонов 2003: 310], *извиваться ужом* [Тихонов 2003: 301] и другие могут также явиться доказательством одного из проявлений в стереотипах поведения представителей животного мира.

Думается, что оборот *рвать когти* как признак отступления, прежде всего, в анималистическом контексте транслирует образ действия, заложенный природой в случаях очевидной опасности, и относится больше к сфере инстинктивного (натуралистического – единственное, что остаётся) поведения, нежели стратегического планирования с тщательным продумыванием возможных вариантов развития ситуации.

Рассмотрим следующий фразеологический оборот, связанный с отступлением, – *пятки в зубы* ‘спасаться бегством’ [Степанова 2003: 448].

Следует полагать, что субстантивный компонент *пятки* является символическим средством-опорой для перемещения в пространстве. Брать средство передвижения в зубы (*пятки в зубы*) – знакомый признак поведения животных, которые переносят какой-либо предмет на определённую дистанцию (также перемещение в пространстве), зажимая его в зубах (в пасти), чтобы не мешалось при движении, чтобы облегчало движение.

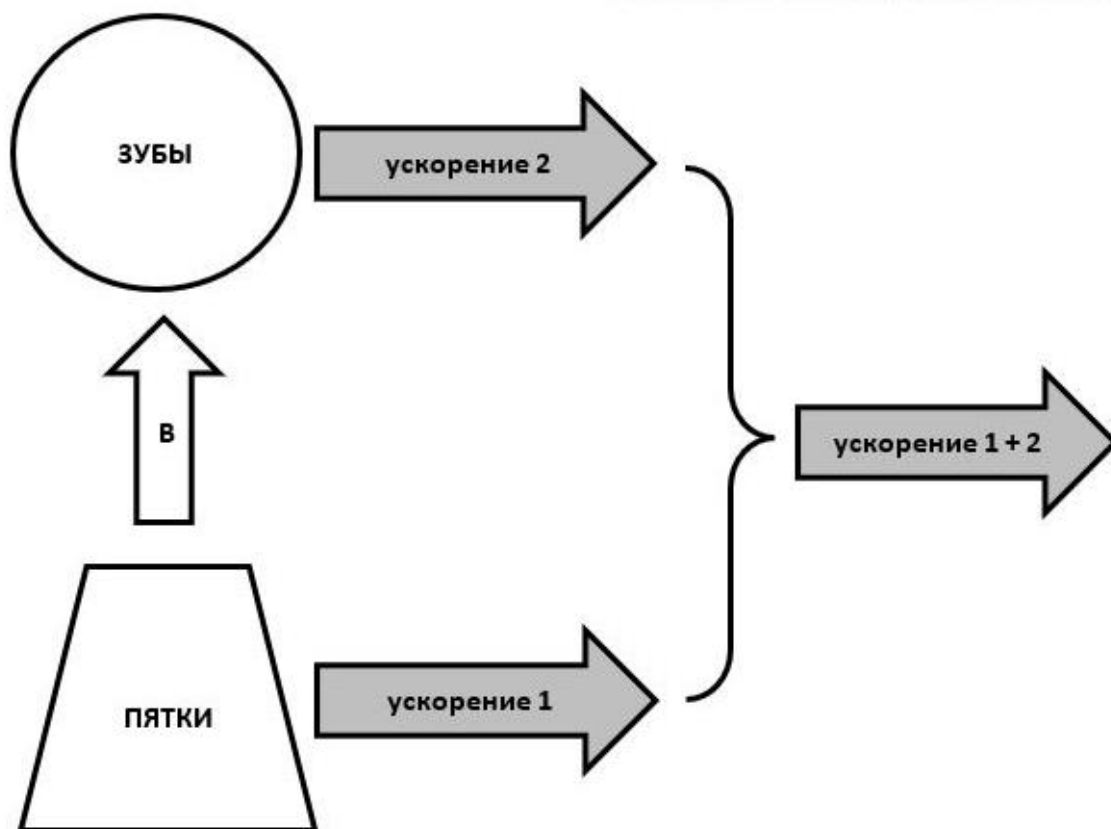
Как видно, и *зубы* и *пятки* становятся инструментом, в силу которого становится возможной миграция объекта на заданной территории.

Следовательно, то, что помещено *в зубы*, подвергаясь транспортировке, получает ускорение, и собственно образный блок *пятки* как опора при перемещении в пространстве тоже придает ускорение, а в совокупности образные блоки *в зубы* и *пятки* – оба придают, в свою очередь, двойное ускорение искомому объекту.

Подобный трансмиссионный механизм порождает на выходе высокую степень проявления активности (ускорение $1 + 2$) субъекта по отношению к некоторому агенту, мотивирующему сам процесс – *пятки в зубы*.

Представим сказанное графически. Некоторый комментарий к рисунку: поскольку *пятки* являются основной (главенствующей) опорной и движущей силой при перемещении запечатлеваемого в образе объекта, то полагаем, что ускорение 1 будет принадлежать именно данной части тела. Собственно трансмиссионный механизм реализуется за счет совмещения (посредством компонента-предлога *в*) двух плоскостей – нижней (*пятки*) и верхней (*зубы*).

Схема 4.
Трансмиссионный механизм двойного ускорения
в образе фразеологизма пятки в зубы

Стоит отметить, что вертикальное движение (переход их одного состояния в другое, которое, в свою очередь, является стимулом к проявлению последующего действия) свойственно не только данному фразеологизму. Так, структура, *душа в пятки ушла* – образ связан с гомеровскими произведениями, согласно которым данное выражение использовалось с тем, чтобы показать высокую степень проявления испуга и желание убежать [Бирих 1998: 175].

Например, в современном языке данный оборот мало ассоциируется с отступлением, хотя изначально, как показывает упоминаемый нами словарь, движение 1 *душа в пятки ушла* – переход из верхней плоскости в нижнюю (обратный процесс образу фразеологизма *пятки в зубы*) – приводит к порождению движения 2 (убежать).

Помимо того, что компонент *пята* метафорически связывается с движением, во фразеологии встречаются случаи, когда *пята* в зависимости от предложно-падежного управления в конструкции меняет свое смысловую наполняемость, а именно: компонент *пята* – это еще и ‘уязвимость’ (в этой связи фразеологизм *ахиллесова пята* [Федоров 2008: 551]), ‘расстояние’ – *по пятами* и ‘объем’ – *до пят* [там же]; также ‘проявление власти’ – *под пятой* [Тихонов 2007: 231].

Рассмотрим просторечный оборот *сматывать удочки* – ‘торопливо уходить’ [Степанова 2003: 543].

Терминативность ситуации основывается на самом действии, представленном в образе, – *сматывать*: действие рыбака по завершении рыбной ловли [Бирих 1998: 582].

Терминативность ситуации, выраженная в образе, – это прежде всего, удаление объекта из заданной локации, ликвидация контакта объекта с местом. Ликвидация контакта представлена некоторой плоскостью в пространстве с двумя точками: откуда (изначальная точка, локация А) → куда (конечная точка, локация Б).

А и Б – точки в пространстве, в пределах которых происходит

перемещения объекта, и в данной ситуации конечная точка Б остается неакцентной (неотслеживаемой), поскольку основное внимание сосредоточено на удалении от изначальной точки А, однако сама идея перемещения в конечную точку Б потенциальна, поскольку, удаляясь из одной точки пространства (локация А), объект непременно попадает в другую точку пространства (локация Б).

Но несмотря на коннотативную смену локации, в данном обороте терминативность процесса, безусловно, является ведущей темой образа: прекращение (с пролонгацией во времени) текущего действия выражено формой несовершенного вида глагольного компонента *сматывать*. Неодноактность процесса *сматывать*, продиктована, вероятно, многоступенчатостью завершения самой активности, сложностью и неоднозначностью её проявления, многофакторностью и многомерностью.

Ранее упоминаемая смена локации как траектория движения имплицитного характера может быть рассмотрена в свете архетипического противопоставления *здесь – там*.

Метафорическое действие *сматывать удочки* становится, по сути дела, предварительным этапом для начала реализации другого действия – смены локации. Точка А (архетип *здесь*) и точка Б (архетип *там*) противопоставлены на основе комфортной и безопасной самореализации объекта в заданных плоскостях: сматывая удочки в локации А (*здесь*) и прекращая свою активность, объект с реквизитом перемещается в локацию Б (*туда*) для продолжения своей активности.

Отсюда следует, что *сматывать удочки* – это необходимость прекратить осуществляющуюся активность, и если продолжить эту активность, то не *здесь*, а в другой точке пространства.

Итак, в образе фразеологизма *сматывать удочки* закладывается один из аспектов рыболовной практики (концепт «Мастерство», англ. «Craft»), который получает двойное метафорическое развёртывание в рамках структуры. Во-первых, план выражения фразеологизма реализует очевидную

терминативность процесса с заявляемой продолжительностью, во-вторых – собственно терминативность является маркером последующей неочевидной передислокации, но при этом заметное направленное движение из точки А в точку Б не выявляется и конкретные границы пространства откуда – куда не определяются.

Рассмотрим немецкий фразеологический оборот *die Fersen zeigen* (букв.: показать пятки), который имеет значение ‘удрать’ [Бинович 1995: 190].

Анализируемая устойчивая единица – это отступление как один из способов отдалиться от проблемной ситуации, причем как в буквальном, так и в переносном смысле. Обозначим оба случая применения в речи анализируемого оборота.

Если рассматривать прямое значение компонентов, то в ходе отступления само действие *die Fersen zeigen* может быть организованным, когда некая группа или подразделение (в случае военной тактики) применяет марш-бросок к своим позициям. Таким образом возникает отступление с целью сохранить собственные силы отряда, либо встретить резервные силы.

Буквально, при сдаче позиций войска демонстрируют свои ‘пятки’ (убегая), например: «*Nach dem Verlassen der Höhe erlitten die Truppen eine Niederlage und zeigten dem Feind schließlich ihre Fersen.*» (букв.: «*Оставив высоту, войска потерпели поражение, напоследок демонстрируя врагу свои пятки.*»).

Метаморфическое действие устойчивого словосочетания *показать пятки*, дословно переводимого с немецкого языка, указывает враждующей стороне на выбор, а именно:

а) атаковать удирающую группу с намерением разгромить при их попытке отступления «*Wenn die Armee ihre Fersen zeigt, werfen sie sofort alle Kräfte ab, um sie zu zerstören*» (букв.: «*Если войско покажет свои пятки – немедленно бросить все силы для уничтожения*»);

б) оставаться бездейственным, сохранив уважение к оппонентам,

демонстрируя свои моральные устои: «*Greife keine Soldaten an, die Fersen zeigen – lass sie davonlaufen.*» (букв.: «*Не атаковать показывающих пятки солдат – пусть убегают.*»)

Если подойти к рассмотрению оборота с другого угла, а именно с призмы отступающей группы, то отступающие сами понимают о своем позоре. Бегство с их стороны – самое крайнее решение в военных действиях.

При обучении каждого солдата идет внедрение в их сознание недопустимость отступать от тех мест, которые, возможно, были до этого кровопролитно достигнуты. Бездумно сдать позицию, спасаясь бегством – решение постыдное в военной сфере. Многие источники военной литературы (уставы, военные книги, приказы) осуждают данное действие [Батюшкин 2008: 133], [Вавилов 2004: 52 – 53].

Солдат, который не совладал с собственными мыслями, может переступить черту, которую военные командиры приказали не переступать, нарушив целостность всего войска. В результате такого решения есть риск потерпеть поражение.

Самое страшное событие в боевых действиях – перейти на сторону вражеской группы, прибегнуть к дезертирству. В таком случае тот солдат объявляется врагом, который будет обречен на поражение со стороны своих же. Дезертир, предполагая, что смог убежать от риска быть уничтоженным, навлек на себя новую проблему – навсегда остаться человеком с постыдным поступком по отношению к Родине, сослуживцам.

Если перейти к более применяемой ситуации, более жизненной, то анализируемый фразеологизм употребляется в контексте отступления от накопленных проблем. Человек, измученный количеством проблем, либо их колоссальной сложности, ввиду своей моральной слабости, слабости своей воли, прибегает к самому простому решению – отступлению. При этом часто слышатся устойчивые речевые фразы типа *гори оно все синем пламенем огнем, плюну на это дело* и т.д.

Не только физическое, но и моральное состояние человека может

привести к тому, что выгоднее и проще будет *поднять белый флаг* (синонимичное – показать пятки), чем быть непоколебимым. Таким образом, приходит смирение с ситуацией, принятие человеком поражения, которое одержали над ним его же проблемы.

Компонент *Fersen*, что в переводе с немецкого означает *пятка*, имеет определенный символ. Демонстрация пятки противнику – символ или сигнал бегства противника. Противник, наблюдая за беглым отступлением солдат, видит именно пятки, которые отдаляются от него. «*Убежали, что пятки сверкали.*» – применение пятки как символ того, что видит противник в ходе отступления [Федоров 2008: 551].

Образ *блестящие пятки* используется, видимо, потому что при дрейфе группы людей именно пятка наиболее заметная часть тела.

У противника может в какой-то момент возникнуть мысль атаковать отступающее войско, применяя благоприятствующее обстоятельство. Соотношение сил в настоящей ситуации максимально высоко в пользу противника. Появляется интересный момент: атака противника на отступающие группы солдат, спасающих собственные жизни. Результат с высокой долей вероятности – разгромное поражение убегающих – тех, кто *показывает пятки*. Можно в этом примере увидеть отсылку на нахождение в отступающей группе их Ахиллесову пяту, другими словами, слабое место для более сокрушительной победы.

В этих образах *показать пятки* и *ахиллесова пята* прослеживается одинаковая денотативная сема, которая конструируется компонентом-соматизмом *пята (пятка)*. Например: «*Найдя ахиллесову пяту неприятия, армия солдат использовала смекалку: застала противника врасплох, обратила его в бегство и произвела вслед ряд мощных атак.*»

Однако изначально негативная коннотация *die Fersen zeiegen*, тем не менее, не препятствуют возникновению положительного толкования самого метафорического действия, а именно: скоординированное бегство, отступление войска – это цель восстановить силы, особенно если противник

может позволить это сделать. Тогда при возможности применить резервные силы, скорректировать или изменить полностью тактику боя, усиленно настроить своих солдат для повторной атаки (чтобы не допустить повторного отступления) можно достичь поставленной военной задачи посредством *die Fersen zeiegen*.

С другой стороны, достичь организованного отступления войска к базирующей территории не всегда является возможным. В этой ситуации каждый солдат в подразделении, стремящийся сохранить собственную жизнь, отступает туда, где, как ему кажется, более безопасно. Происходит так называемое хаотичное отступление, которое очевидно является наименее контролируемым. Можно предположить, что в конкретном случае достичь в будущем поставленной цели является невозможным. Войско впоследствии становится ненадежным для боевых действий.

В данном случае анализируемая фразеологическая единица *die Fersen zeiegen* употребляется как беспорядочное отступление с целью сохранения жизни отдельного солдата, реализует иную речевую интенцию – смирение перед возникшими или накопленными трудностями.

Другой немецкий фразеологический оборот – *kalte Füße bekommen* (букв.: получить холодные ноги) ‘сдрейфить’ [Бинович 1995: 215].

Как и в предыдущем анализе, описываемый оборот применяется в военном отступлении (возможно, хаотичном). Естественный отбор на войне все также присутствует, поэтому при заявленном неравном соотношении сил противоборствующих сторон возможно прямое отступление каждого солдата в разные стороны.

Тем самым командир всего подразделения, составляя тактические наработки и действия, должен учитывать такую ситуацию, когда возможно подавление морального духа вверенного ему личного состава. «*Не допустить отступления! Чтобы ни один солдат не сдрейфил!*» («*Lässt man nicht zurückziehen! Damit kein Soldat kalte Füße bekommt!*»)

К одной из причин мыслей о бегстве с позиций можно отнести

появление чувства страха перед ужасным исходом. Солдат, не обладающий достаточными волевыми качествами, имеет более высокий шанс к бегству. «Как только почувствовал страх быть побежденным, солдат принял решение сдрейфуть.» («*Sobald er die Angst hatte, besiegt zu sein, beschloss der Soldat kalte Füße zu bekommen.*»)

Немецкий компонент *Füße* в свободном речевом употреблении реализует значение ‘ноги’. Ноги, большей частью, как инструмент передвижения человека в пространстве, сохраняет прямое значение в анализируемом обороте. При ‘рабочих’ ногах (невредимых) решение отступления солдата является действенным, чтобы сохранить собственную жизнь.

Также немаловажный факт отмечается в употреблении адъективного компонента *kalte – kalte Füße* (букв.: ‘холодные ноги’). Употребление рассматриваемого сочетания обретает особый смысл. Холод, его символика, метафоризирует одиночество перед дальнейшей судьбой: бегство или смерть [Керлот 1994: 544]. Предполагается, будущее солдата транспонируется на физиологическое состояние его ног, точнее, их температурное состояние. Когда ноги физически холодны, необходимо привести их в движение, что означает бег, и нет при этом определенного направления движения. И, тем самым, бег – один из способов разогреть ноги, стремление убежать от одиночества, не оставаться лицом к лицу со страхом.

Употребление вышесказанного оборота может быть проиллюстрирована пословицей ‘*Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле*’ [Жуков 2000: 102]. Изучая смысл пословицы, можно прийти к выводу, что *холодная* (температурный показатель) голова – к более разумным действиям, голодный желудок – к более глубоким мыслям и плодотворной работе. Что касается самих ног, их теплота (отсутствие холода *kalte Füße*) может означать более здоровый организм, стремление к улучшенному состоянию. Следовательно, при отступлении – голова уже является холодным местом в организме (вследствие страха и внезапности), но для того, чтобы ноги были и

оставались в тепле, необходимо сменить территорию, полную врагами, на более безопасное место, например: «*Angenommen, eine schnelle Niederlage, hat der russische Soldat kalte Füße gefunden.*»

Для того чтобы начать отступление, солдат должен *kalte Füße bekommen* ‘обрести свои холодные ноги’ и начать поиск безопасного от враждующих солдат места.

В русском языке равноценной лексической заменой данного немецкого фразеологизма будет лексическая единица *сдрейфить*. Существует понятие *дрейф*, которое зачастую используется в физике полупроводников – направленное перемещение электронов под действием внешнего электрического поля [Прохоров 1990: 21 – 22].

Дрейф – это ещё единица из морского жаргона голландских моряков, означающая ‘отклонение от курса’ [Фасмер 2007, т. 1: 537]. В море, особенно в очень ветреную погоду, в шторм, корабль или судно, непроизвольно движется по сильному течению, созданному самим ветром. Отступление (дрейф, отклонение от курса) здесь можно трактовать как отказ противостояния природному явлению, заведомо зная, что, скорее всего, силы не равны. Таким образом, дрейфующее судно описывает беспорядочную траекторию движения, что аналогично движению солдата во время бесконтрольного отступления, например: «*Als die Gefahr kam, beschloss der Schiffskommandant kalte Füße zu bekommen.*»

Оборот встречается и в повседневных ситуациях – как правило, в тех, когда происходит побег с территории другого владельца. В таком случае анализируемый оборот описывает тот процесс, когда при отступлении появляется причина – страх: внезапное и душу леденящее ощущение для отступающего человека; создается то самое хаотичное и дрейфовое движение. Результат такого действия – отступление с элементами стыда и позора со стороны отступающего, например: «*Der Junge kletterte auf den Apfelbaum des Nachbarn, um Äpfel zu sbежал*» («*Der Junge kletterte auf den Apfelbaum des Nachbarn, um Äpfel zu*

schmecken. Als er ging raus, bemerkte der Junge seinen Nachbarn und bekam er kalte Füße.»)

Рассмотрим немецкий фразеологизм *den Weg zwischen die Beine nehmen* (букв.: принимать путь между ног) ‘дать ходу, наострить лыжи’ [Бинович 1995: 708].

Буквальный перевод анализируемого немецкого фразеологизма ‘принимать путь между ног’ имеет представление о том, что уже существует согласованное или выбранное направление пути отступления. В связи с этим, формируется грань между подготовкой к отступлению и начальным этапом активной части.

Использование предложно-именной конструкции *между ног* коррелирует с передвижением в пространстве так, что проделываемый путь образно выстилается конвейером по внутренней стороне левой и правой ноги. Как, например, в момент движения на лыжах, когда есть возможность оценивать состояние под ногами и корректировать направленный путь по обстоятельствам.

В русском переводе звучит аутентичный фразеологический оборот *наострить лыжи*, например, в военном деле означает подготовку к отступлению и начальную фазу самого процесса, движение в заданном направлении. За пределами военной тематики, фразеологическая единица применяется, как покидание прежнего места, движение к новому, где будет выгода [Бирх 1997: 89].

Фразеологизм *den Weg zwischen die Beine nehmen* создает представление об отступлении человека, реже группы, о том моменте, когда военные намереваются убежать с места действий: теоретически солдат уже готов к отступлению, но фактически такая команда со стороны командующих структур не была дана.

Когда силы одной из сторон на исходе, поражение кажется неминуемым без предпринятых действий по спасению. В таком случае командир принимает серьезное решение – двигаться назад, отступить. Впрочем, нужна

подготовка к спланированному отступлению, воспроизвести процесс 'наострения лыж' (в русском фразеологическом фонде). Это необходимо по двум причинам: 1) сохранить единицы личного состава и техники для будущей повторной атаки противника; 2) исключить передачу единиц оружия и техники, а также раненых бойцов вражеским силам.

Мысль у профессионального военного такова, что отступить нужно с минимальными потерями, поэтому подготовка нужна качественная, что создает надежду на удачный исход самой тактики [Карагодин 1989: 25].

Другая аутентичная фраза, упомянутая в словаре [Бинович 1995: 708], – *дать ходу*, которую также можно применить к описываемой ситуации, когда присутствует факт отступления, например: *«Когда вражеский батальон приблизился на двести метров к крепости, мы дали ходу в сторону леса.»* [Мойсеенко 2019: 72]

Другая история описания оборота – процесс скорого отправления из одного пункта в другой. Внезапная ситуация, новость – возможная причина, чтобы раньше времени (или без видимой причины) неожиданно для себя или других покинуть место. Процесс также хаотичен. Например: *«Сынок, куда лыжи наострил на ночь глядя?» – с негодованием воскликнула мать.»*

В описываемом фразеологизме включен образ *лыж*, которые являются средством передвижения по заснеженным территориям – там, где пешим пройти нелегко. Спортивная метафора *наострить лыжи* предполагает подготовку к длинному пути. Лыжи, как метафорическая отсылка к сложному, возможно, опасному пути создает впечатление о чрезмерной намеренности именно покинуть это место (семантика прерывания контакта с точкой в пространстве). Отступление создается как раз именно настойчивостью уйти.

Также можно отметить и том, что образ *лыж* – это направленное движение вперед (заранее прогнозируемая траектория), которое не приспособлено к движению назад, к возврату. Поэтому в образе фразеологизма именно такое средство передвижения создает и развивает

эффект отступления без возможного возврата к месту отправки. Другими словами, упоминание *лыж* – это фактически бесповоротное решение, рубикон. «Сын уже наострил лыжи в Москву – поступать в университет.»

Процессуальный компонент *наострить* подразумевает процесс выбора направления. Этот факт дает понять о контролируемом отступлении всей группы к заранее выбранному безопасному месту.

Лыжи, как средство передвижения, изготавливаются с заостренными концами для плавной ходьбы. Такая форма передней части лыж быстрее преодолевает заснеженные препятствия, тем самым, делает путь короче. Стоит полагать, что сформированное таким путем образное основание реализует априорное значение ‘заблаговременной подготовки к пути’: «Лыжи заострены – будут быстро бегать!».

Пример из английского языка – *vanish (disappear, melt) into thin air* (букв.: раствориться в тонком воздухе) ‘его и след простыл’ [Кунин 2004: 120].

Тема отступления наблюдается и в следующем анализируемом фразеологизме. В обороте формируется ситуация, описываемая, как покидание места, а сам устойчивый оборот создает результирующий образ – факт отступления.

Можно отметить то, что в этой фразеологической единице зафиксирован результат отступления вторым действующим лицом – тем, от кого (или с территории кого) первое действующее лицо второпях покинуло место.

При обороне важной стратегического пункта часто бывает так, что силы противоборствующих сторон не равны. В такой ситуации важна скорость как принятия решения отступить, так и сам процесс отступления. Сравнивая предыдущий фразеологизм (*den Weg zwischen die Beine nehmen* ‘наострить лыжи’) с описываемым оборотом, можно заметить, что первое выражение описывает начальную фазу процесса отступления, когда как второй оборот – факт начала следующей за ней фазой, например: «*Soldiers had put on their skates just in time, so when the enemy burst into the besieged zones, they vanished*

into thin air.»

И фиксируется положительный исход самого действия, так как во фразе присутствует компонент *vanish (disappear)* – процесс представляет собой молниеносное отступление без потерь: «*Disappear from the battlefield – исчезнуть с поля боя*».

След, как результат процесса отступления, в ‘остывшем виде’ идентифицировать крайне сложно. Следовательно, существует временной отрезок между ‘горячим следом’ и ‘следом остывшим’.

Сравнивая температурный режим *следа*, проведем ассоциацию с оборотом *по горячим следам*, т.е. видимым, заметным, существует возможность настигнуть, например, следующая ситуация речи: «*The enemy vanished into thin air, but the partisans managed to determine the enemy's command post in hot pursuit*».

Остывший след, также как и холодный след – это тот же *горячий след* и временной промежуток, за который все предпринимаемые попытки по поиску неприятеля оказались тщетными. С другой стороны – лицо отступающее, которое благополучно достигает назначенной точки. Особенно в военной сфере, когда время задания или приказа крайне важно, ‘холодный след’ после своего отступления – гарантия безопасного и быстрого решения поставленной задачи. Например, такая ситуация: «*The necessity to retreat lossless is the order. The main task is vanish into thin air*».

При таких обстоятельствах возникает вопрос: необходимо ли учитывать время при отступлении. Необходимо предпринять действия по скорейшему ‘застыванию горячего следа’. По своему значению это процесс со стороны отступающей стороны по достижению цели – достичь (добиться этого состояния) ‘холодного следа’, чтобы устранить все гипотетически связующие звенья, например: «*Возникла угроза повторного нападения, и капитан дал команду взорвать мост (учет времени для отступления), тем самым, замести следы.*»

Именные структуры *горячий след* и *холодный* (остывший) *след*

демонстрирует положительный и отрицательный эффекты продолжения процесса после отступления для конкретной из сторон. По причине нехватки времени, либо высокой угрозы с вражеской стороны настигнуть по оставленному следу отступающая группа время от времени применяет принципы или действия по скорейшему 'застыванию' своего следа.

Анализируя английский глагольный компонент *vanish* (а также его потенциальные синонимические варианты *disappear, melt*), наблюдается вторым действующим лицом итог бесследного исчезновения первого лица. В результате складывается ощущение отсутствия продолжения всей картины произошедшего. Ввиду недоступности доказательств по поиску и поимке отступающего объекта, субъект вынужден смириться со всей произошедшей ситуацией, например: «*The boy was eating apples from the top of the apple tree, and then he disappeared into thin air.*»

Процесс растворения, как исчезновение без следа, прямым образом связан с процессом химического растворения. Если прозрачную воду смешать с небольшой порцией сахара, произойдет бесследное исчезновение всех следов кристаллического вещества. Так и буквальный перевод фразеологического оборота – *раствориться в тонком воздухе* – имеет тесную аналогию с процессом растворения в воде, имеют прямую причинно-следственную связь. Одно из главных следствий процесса заключается в неизбежности растворения (то есть, отступлении от исходного твердого состояния), а также в необратимости процесса, а после растворения вернуться к исходному состоянию не представляется возможным. Описываемый химический процесс представляет собой непредотвратимое отступление без фиксации следов растворения после определенного количества времени. Использование компонента *воздух*, в качестве среды растворения, только повышает шансы на положительный исход отступающего.

Как представляется, английская фразеологическая единица *vanish into thin air* описывает бесследный процесс отступления по аналогии с процессом

химического растворения и отсутствие свидетельствующих фрагментов, позволяющих обнаружить отступившего объекта.

Рассмотрим английский фразеологизм *run like a deer* (букв.: бежать как олень) ‘бежать быстро, без оглядки’ [Кунин 1984: 650] сочетает в себе отступление и бездумное действие, которое, на первый взгляд, может негативно сказаться на самом процессе отступления. Это объясняется тем, что любое, которое препятствует отступлению объекта, создает те или иные возможные преимущества со стороны догоняющего субъекта.

Образ выражения создает наглядное действие отступающего, где, в первую очередь, важен результат – переместиться в безопасную точку (смена локализации). Также отменим факт придания ускорения (за счет анималистического компонента *олень*) и некоторый массив в движении (об этом размеры самого оленя, его рога). Синонимичной структурой в данном случае будет вступать оборот *спасти свою собственную шкуру* исходя из естественного отбора (следуя инстинкту самосохранения) [Федоров 2008: 760].

Прокомментируем образ компонента-зоонима *deer* в структуре оборота. Олень – дикое животное, питающийся, прежде всего, травами. За счет своих длинных ног и наличия копыт скорость бега достаточно высока. Вдобавок животное является целью многочисленных хищников, которые всегда представляют предельную опасность.

Олень ассоциируется с тем животным, который держит ветви жизни (рога), быстрым существом с молниеносной реакцией, сказочным животным, которому древние греки и римляне приписывали волшебный дар обнаружения лекарственных растений [Керлот 1994: 360]. Например: «*The hunter, seeing the bear, ran like a deer to the nearest tree.*»

Страх, как основная мотивация в подобных действиях, снижает некоторые перцептивные свойства организма (холод, боль, голод и пр.), но повышает некоторые физические способности организма (сила, выносливость), которые придают ускорение в движении. Тогда внутри

человека возникает импульс, и человек, не оглядываясь по сторонам (не обращая внимания к деталям преследования) покидает место событий, например: «*The soldier ran like a deer into the woods listening to nobody.*»

В военной обстановке даже процесс отступления не может быть бесконтрольным ввиду риска изменения поставленной задачи по передислокации группы.

Вследствие этого появляется возможность сделать выбор, кажущийся довольно непростым: 1) бесконтрольное отступление, но с возможными незначительными потерями; 2) контролируемое отступление с определенным планом действий по минимизации риска, чтобы нанести удар по всему подразделению (потери в этом случае возможны более сокрушительны, однако учитываются запасные действия).

Командир подразделения, проанализировав существующее положение, может создать хаотичное и в то же время быстрое отступление в том случае, когда противник может нанести удар по группе отступающих, например: «*The commander ordered: one needs to run like a deer, that's the only way to get back to base!*»

Очевидно, что *бежать без оглядки* характеризует отступающий маневр, в ходе которого не происходит никакая зрительная фокусировка на те события, которые происходят на заднем плане (за спиной отступающего – об этом предположительно-именное сочетание *без оглядки*). В такие моменты для испуганного человека никакие другие обстоятельства не имеют смысла. Есть одна цель – не быть нагнанным и схваченным, отступить без вреда для самого себя, например: «*Sergeant, here's the gun. Run like a deer till you reach the settlement!*».

Синонимичное устойчивое выражение в русской фразеологии *бежать от греха подальше* (избавляться от чего-либо незамедлительно, бежать от без оглядки) [Федоров 2008: 158] квалифицирует не процесс отступления, а причину этого процесса. То есть, *грех*, как символ потенциального источника страха, создает нечто первостепенно важное для отступления. Среди

православных верующих именно *грех* закрепляется в сознании как то самое ужасное, что можно представить [Толстой 1995: 544], например: «*Боец, заметив танковые дивизии, тут же убежал от греха подальше*».

В английской фразеологии также отмечается присутствие первичного элемента мировой стихии (земли) в роли пространства, где могут разворачиваться боевые события. Рассмотрим оборот *hit the dirt* (букв.: упасть в грязь) ‘укрыться в убежище’ [Кунин 1984: 214].

Третий уровень релевантности образа и концепта: высокая степень идиоматичности, ведущая роль отводится плану содержания. Очевидное использование локативного конкретизатора не определяет структуру в разряд локативного фрейма.

Образное основание фразеологизма демонстрирует процесс отступления, способ собственной защиты от молниеносной атаки.

Такое поведение *hit the dirt* наблюдается в ходе военной команды (речевой штамп *В укрытие!*), формируя приказ об отступлении, но не с поля боя, а временной приостановки наступления. Услышав команду, солдат не имеет права отступить бегством – в таком случае необходимо найти ближайшее углубление в земле (за редким исключением – строение), чтобы спастись от продолжительной атаки противника.

Жизнь и здоровье личного состава – главная задача полевого командира в боевом процессе. Исходя из этого, в формате «здесь и сейчас» необходимо предпринять попытки по гарантии собственной безопасности. Поэтому отступление *hit the dirt* без явного бегства – разумный вариант развития событий после очередной атаки противника, например: «*We hit the dirt the moment we heard the machine gun fire.*» [Голденков 1999: 36]

Отталкиваясь от действий по отступлению, в образе *hit the dirt* наблюдается переход ‘воздух-земля’, формируется замена одной стихии на другую. Предполагается, что речь идет о том, что тело человека вступает в контакт непосредственно с земной поверхностью (пресуппозицией выступает состояние преконтакта с землей – чтобы удариться о землю, надо

приподняться над ней). В образе присутствует фактор незамедлительности, передаваемый компонентом *hit* – ударять. *Ударять (ся) о землю (грязь)* – соприкоснуться с поверхностью решительно, стремительно, порывисто.

Земля, как самое распространенное место по организации укрытия в военном деле, может выступить надежным укрытием в условиях непосредственной опасности. Стоит отметить, что в случае отступления можно оценить позиции противника для будущей собственной атаки из безопасного места (ближе к земле). В этой связи фразеологизм *спуститься на землю* [Федоров 2008: 649] как символ стабильности, реальности, противоположность отвлеченности.

Возможно употребление фразеологизма в качестве команды, синонимичной командам другим командам (речевые штампы *К стене!* или *На землю!*), чтобы нейтрализовать (обезоружить) противника, например: *Hit the dirt!* – нужно упасть лицом к земле, демонстрируя свое поражение [Темяникова 2019: 125]. Здесь наблюдается инверсионная логика: отступление происходит у противника как символ принятия превосходства другим лицом.

Отметим, что *грязь* не всегда является помощником в борьбе. Грязь также является символом потери собственной чести и достоинства [Трессидер 1999: 110], а сам компонент *dirt* (грязь) является особым знаком во фразеологическом обороте [Мюллер 2009: 130].

В таком случае *грязь* в структуре *hit the dirt* – средство посрамления. В русском языке встречаем устойчивое выражение *ударить в грязь лицом* в значении ‘обесчестить’ [Федоров 2008: 699]. В английской фразеологии находим также аналогичный русскому оборот *cast dirt at smb* (букв.: бросать грязью кого-либо) ‘забросать грязью кого-либо’ [Кунин 1984: 214].

Грязь – это мокрая земля, которая может изменяться по своей форме. Исходя из таких соображений, *грязь* – это фактический элемент по тактической маскировке, изучаемый в военных источниках литературы [Мойсеенко 2019: 48, 216].

Маскировка грязью, как визуальный способ создать укрытие от вражеской атаки при помощи подручных средств, является распространенным приемом при ведении боя. В военном деле особое место занимают земляные укрытия (траншеи, окопы, городища), они способны временно замедлить наступление противника.

Грязь – это приспособление для внешней маскировки человека, благодаря которой маскирующийся сливается с землей, визуально становясь ее частью. Таким образом, человек способен укрыться от внешнего (видимого) огня, наблюдая за развитием событий. Когда обстановка становится более благоприятной, маскировка снимается.

В наши дни маскировка грязью также применяется и в некоторых диких племенах, обитающих вдали от цивилизации [Интернет-ресурс 13].

Выражение *hit the dirt* выражает, по своей сути, ‘отступление, приостановление активных действий’. В американской культуре *hit the dirt* употребляется в значении ‘на ходу соскочить с товарного поезда (особенно о бродягах)’.

Соскочить – глагол в значении ‘отступить с элементом прыжка’, который редко замечен в военной риторике. В этом значении американский фразеологизм употребляется в разговорном языке, сочетая в себе команду о быстром отступлении и наведении страха со стороны того, кто эту фразу использует в речи, например: «*Look! Cops! Hit the dirt!*» [Conroy 1935: 97]

Вне военной сферы анализируемый оборот употребляется в контексте ‘лечь на землю’ [Кунин 1984: 214]. Фактически, *лечь на землю* (отступить, замедлить активность) возможно не только после команды ввиду непосредственной опасности. Ощущая страх, человек может просто буквально *лечь на землю* для исключения факта быть опознанным, принятым во внимание, например: «<...> *Garland departed reluctantly to hit the dirt* <...>» [Нельсон 1974: 34].

Анализируя образ устойчивой единицы *hit the dirt*, обнаруживается коннотативный элемент потребности и необходимости быть ближе к земле,

чтобы не дать погибнуть самому себе. Элемент ‘приземления’, как отступление на поле боя, ощущается с точки зрения переживания критического момента. Процесс является временным, впоследствии которого предполагается повторное наступление. Оборот применяется в контексте краткосрочного приостановления событий не только в режиме боевых действий. В английской культуре употребляется в значении ‘поспешно удалиться с места событий’ [Ammer 1997: 493].

В немецкой культуре также можно обнаружить средства борьбы на земном пространстве, например, структура *Land haben* (букв.: быть у земли), ‘находиться в тылу’ [Бинович 1995: 386].

Во время боевых действий тылом считается то место, в котором происходит работа по производству ресурсов для боевых действий. Обеспечение всем необходимым для победы – первостепенная задача работы в тылу. Находясь в тылу, каждый человек является настоящим участником военных событий, где каждый тыловик связан с каждым солдатом, участвующим в сражениях по защите своей Родины.

Оборот *Land haben* не имеет очевидного отношения к отступлению, чтобы достигнуть безопасного места дислокации, но само нахождение в тылу означает отсутствие в точке соприкосновения противоборствующих сил.

После окончания боевых действий начинается формирование в тылу будущих границ собственных территорий (стран), что может быть обнаружено в выражении *Land haben* как ‘страна’. «*In diesem Land haben...*» (= у нас в стране...) – один из примеров употребления структуры.

Продолжая идею земли, необходимо рассмотреть буквальный перевод единицы. Выражение *быть у земли* включает в себя процесс, когда человек находится (стоит) на земле, на твердой поверхности. Решительность, сплоченность наблюдается в характере человека в этот момент. Не только физически человек чувствует ту твердость (опору), но и морально: твердость действий в тылу.

Находясь в тылу врага, ни один человек не должен думать о чем-то

нестабильном, легком, безграничном (отсылка к стихии воздуха). Если *воздух* (как пространство для реализации военных действий) – это борьба с широтой, невесомой связью с войной (зачастую при мыслях об отступлении), то *земля* (как и воздух – пространство для реализации военных действий) имеет более плотную взаимосвязь. Поэтому для больших достижений необходимо мыслить, предпринимать и впоследствии действовать более приземленно, жизненно, конкретно, прагматично (но *не витать в облаках*).

Земля во время боевых действий – везде, бой происходит, в большей степени, на земле (намёк о важности конкретной стихии в образе устойчивой единицы).

Земля – это комбинированное пространство, в котором наблюдается одновременное присутствие боевой и спокойной среды. Для человеческого духа именно *земля* – это главная стихия из всех четырех, именно она символизирует процветание и душевное умиротворение.

Символизм земли, как одной из четырех стихий, является опорой для человека, гарантия стойкости, стабильности духовной и моральной составляющей. Другими словами, человек своими ногами чувствует землю, тем самым, человек *стоит на своих ногах* [Молотков 1987: 459] – самостоятельно решает свою судьбу, рассудителен, бесстрашен в своих благородных поступках.

Демонстрация твердости духа, как примера стабильности ситуации, наблюдается в выражении *на ногах* [Федоров 2008: 414], в значении ‘полной готовности’. Возьмем пример из художественной литературы: «*Он не дойдёт туда раньше полудня, <...> вся полиция уже будет на ногах*» [Степняк-Кравчинский 1985: 11].

Земля изначально не принимает какую-то точку зрения, позицию. Она принимает всех и вся: побежденные будут *преданы земле* [Молотков 1987: 352], а *одержавшие победу* [Тихонов 2007: 179] будут продолжать жить и пользоваться землей, на которой была ожесточенная битва в прошлом. Использование земли – заниматься сельским хозяйством, земледелием, или

сидеть на земле [Молотков 1987: 423].

В немецком языке выражение *Land haben* означает ‘своя земля’, место, где человек не является врагом перед народом. Эта земля может являться своим государством, своим регионом. «*Unser Land hat die modernste Kampfflugzeuge.*» – наглядный пример употребления оборота в данном значении.

Нахождение в безопасном месте, стоя на земле твердо, – главная идея фразеологизма, сочетающего в себе мироздание будущего и одновременно благоразумие суждения. Тыловик, а также бывший участник боевых действий, находится в более безопасных условиях, однако его действия имеют поддерживающий характер. Выражение имеет несколько разных значений с очевидной связью между собой.

При анализе фразеологических оборотов, связанных с землей, необходимо затрагивать и действия с ней, а именно: копать, рыть, рыхлить, приводить в менее твердое состояние. Проводя аналогию с действиями человека в бою и не только, приведем англоязычный оборот *dig in one's feet* (букв.: копаться в ногах) ‘решительно воспротивиться, дать решительный отпор’ [Кунин 1984: 213].

В образе фразеологизма отражено действие с землей – *dig* (*копать*), которое подразумевает процесс проникновения внутрь земли при помощи острого инструмента. Обычно это может быть лопата или другой соответствующий инструмент. Цель операции – оказаться внутри земли (смена локализации), что синонимично прорыву тяжелой и прочной защитной стены.

Достаточно простой процесс взаимодействия с землей указывает на возможное распространение такого действия в синонимичном обороте *dig and delve* (букв.: копать и углублять) – ‘досконально изучать с целью проникнуть в суть дела’ [Кунин 1984: 213]. Оборот характеризует очевидное желание проникнуть в чужое пространство.

Происходящее в образах формоизменение поверхности земли может

явиться символом благоприятного исхода: указывать субъекту действия возможность прорыва позиций даже при самой прочной оборонительной линии объекта, а также предлагает к активным действиям по формированию взятия территории.

В военном деле образ *копать землю* является признаком грядущей оборонительной позиции. Отсюда и семантика оборота – ‘решительность действия’, проецируемая и на военную сферу – ‘дать решительный отпор’.

Семантика упрямства, которая наблюдается в обороте, порождается противоборством идей и воплощается в готовности выступить в оппозиции к другому суждению. Например, та же семантика глагола в примере: «*I tried to reason with her <...> but she just dug her feet in*» [Coward 1983: 5] (букв.: Я пытался урезонить её, но она упёрлась ногами).

Стоит полагать, что образ *dig in one's feet* тесно связывается с потенциальной семантикой, а именно: силой воли и, безусловно, стойкостью и уверенностью в собственной правоте. Потенциальность значения формируется вокруг компонента-агроонима *земля*: чем плотнее органическая структура грунта, тем более напряженная работа предполагается с ней. Копать более твердую землю, несомненно, сложнее и дольше по времени, поэтому противоборство и оборона при таком условии более благоприятна. О трудностях работы с плотной поверхностью – русский фразеологизм *толстая кожа* [Федоров 2008: 301]: «*Надо бить <...> каменными словами <...> чтобы «воздействовать на толстую кожу»* [Горький 1975: 76].

В английском варианте фразеологизма ключевым компонентом образа становится *feet* (букв.: ступни), однако отмечается и компонентная модификация внутренней формы: *toes* (букв.: пальцы ноги) и *heels* (букв.: пятки) [Кунин 1984: 213]. Переменный соматический ряд *feet, toes, heels* формируют связующую семантику между человеком и землей. Буквальный перевод оборота *dig in one's feet* (копаться в ногах) адресует к идее о том, с которой будет происходить дальнейшая оппозиционная активность.

Другой немаловажный фактор в образе – ощущение надёжной

физической опоры при совершении действия *dig in one's feet*. Очевидно, что *ноги* (как нижняя конечность) являются естественно сложившейся опорой и одновременно проводником между телом и землей. Благодаря ногам, существует возможность произвести оценку твердости земли и иных состояний. Когда посредством *ноги* воспринимается факт нестабильной поверхности (например, в животном мире, когда звери, продвигаясь вперед, передними лапами пробуют на прочность поверхность – идут вперед наощупь), тогда и возникает потребность в активных действиях по стабилизации ситуации (сопротивление, отступление и пр.).

В древности считали, что *нога*, опора человека, противилась падению. Вполне вероятно, что культура древнего мира (например, отмечается во многих наскальных рисунках древности) изображала людей исключительно на прямым ногах, что символизировало стабильную опору [Керлот 1994: 341]. Благодаря ногам человек не способен упасть на землю – знак к отступлению или противостоянию (следующий этап после обороны).

Следует полагать, что *нога* (в частности, *ступня*) является фундаментальным символом образа человека в состоянии противоборства. При ходьбе каждая нога поочередно отталкивается от поверхности земли. В этот момент взаимодействия между землей и ногой существует линия раздела, соприкосновения. Этот момент и точку соприкосновения можно назвать линией обороны, когда нога наступает на землю. Поэтому, процесс изменения твердости земли (исходя из глагола *dig*) нарушает целостность поверхности, что аналогично процессу обороны.

Рассмотрим одно проявлений борьбы – отступление – на примере следующего русского фразеологического оборота *земля горит под ногами* в значении ‘кто-либо вынужден убежать’ [Федоров 2008: 256]. – третий уровень релевантности образа и концепта.

Предписание к отступлению с большой скоростью (по аналогии с резким увеличением скорости вращения колес, которые соприкасаются с поверхностью, – как например, фразеологизм *дать газу* [Тихонов 2007: 45])

указывает на борьбу между страхом и силой собственной воли (ускорением).

Отступление – степень выбора защиты себя и других в контексте сформированных рисков в военной ситуации, когда этот выбор следует сделать. Причина таких действий – страх оказаться на конечном этапе развития событий. Учитывая это обстоятельство, предпринимая попытки к бегству от опасности, вполне понимается с точки зрения естественного отбора (самозащита организма).

Никакое живое существо не желает быть физически уничтоженным (инстинкт самосохранения). Бегство, как показатель приближающейся опасности, может, тем самым, помочь сделать подобный выбор другим. Результат – возможные многочисленные спасенные жизни. «*Бегите быстрее! Бегите так, будто у вас земля горит под ногами.*» [Горький 2006: 74].

Однако, делая акцент на военном положении, такие действия (бегство) ценятся крайне редко. Только в самом крайнем случае может *загореться земля под ногами* спасающихся бегством.

Общая метафорическая картина оборота – борьба на земле. Земля – твердая часть пространства, открытая стратегическая территория, на которой, по преимуществу, происходят боевые действия и формируется фактическая защита (траншеи, окопы). Также существует символика земли как дающее пищу пространство и элемент материнства [Трессидер 1999: 109, 110].

Земля (и связанный с ней ассоциативный ряд: *почва, грунт, песок*), является важной составляющей в некоторых обрядных действиях, направленных на повышение плодородных характеристик окружающей действительности. Земля обладает магическим значением при захоронениях (в подобных случаях употребляется устойчивое выражение *предать земле* [Молотков 1987: 352]).

В анализируемом обороте использован образ горячей земли. Огонь на земле, формирующийся при отступлении, это метафорический огонь при трении ног о землю бегущего солдата (так называемое трение скольжения

[Кузнецов 2013: 16]). Согласно закону сохранения энергии, кинетическая энергия превращается в энергию трения, передается частью в тепловую. Тепловая энергия – аналог огня, горячих ног и земли, образ интенсивного проявления действия.

И, проникая в образ, скажем: чем стремительнее человек будет бежать, тем больше *огня* будет образовываться из-под ног. Также немаловажным будет факт о том, что неостывшая после отступления земля – знак о наступлении *по горячему следу* (когерентная связь с другим образом), это является отсылкой к дальнейшему наступлению врага, возможному окружению отступающих.

Огонь на земле (как реальное физическое проявление) – это ещё и результат активного вооруженного действия (использование огнестрельного оружия). В любом случае деструктивное свойство огня на поверхности земли свидетельствует о высокой степени проявления признака действия, заложенного в образе *земля горит под ногами*.

Приведем другие примеры концептуального тождества *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ*: *налететь коршуном на кого-то* ‘наброситься’ [Бирих 1996: 137]; *разбить наголову* ‘обратить в бегство’ [Мокиенко 2007: 423]; *отбиваться руками и ногами от чего-л.* ‘наотрез отказываться от чего-либо’ [Молотков 1968: 300]; *поднимать на штыки* ‘убивать, закалывать’ [Федоров 2008: 484]; англ. *shoot at a pigeon and kill a crow* (букв.: стрелять в голубя, а убить ворону) ‘маскировать свою истинную цель’ [Кунин 1984: 580]; англ. *go over the top* (букв.: переступить через пик) ‘идти в атаку’ [Кунин 1984: 772]; англ. *enter the field* (букв.: ввести поле) ‘вступать в борьбу’ [Кунин 1984: 272]; англ. *take the field* (букв.: выйти на поле) ‘начинать боевые действия’ [Кунин 1984: 272]; *cold war* (букв.: холодная война) ‘скрытое противостояние мирового масштаба’ [Кунин 2004: 95]; англ. *attack by storm* (букв.: атаковать штормом) ‘интенсивно нападать’ [Лубенская 2013: 675]; немец. *das Feld räumen* (букв.: очистить поле сражения) ‘отступить’ [Бинович 1995: 386]; немец. *j-n aus dem Felde schlagen* (букв.: выбить кого-то с поля) ‘нанести

поражение' [Бинович 1995: 188]; немец. *j-n zu Tode treffen* (букв.: встретить кого-то со смертью) 'нанести смертельный удар кому-л.' [Бинович 1995: 660]; немец. *den Kopf aus der Schlinge ziehen* (букв.: вытащить голову из петли) 'избежать опасности' [Бинович 1995: 367]; немец. *das Feld räumen* (букв.: очистить поле сражения) 'отступить' [Бинович 1995: 386] и др.

Таким образом, тождество **ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ** на материале фразеологических единиц устанавливает семиотическую диспозитивность участника событий, его ситуативную манёвренность в общей системе противостояния и реализуются посредством таких смыслообразующих элементов, как *наступление, оборона, отступление*. Данная сентенция является выше среднего показателя (26%) по частоте использования среди набора других составленных тождеств и формирует ближнюю периферию концепта. Как правило, общая стратегия ведения борьбы – это, прежде всего, манёвренные инициативные действия в области *наступления* (49% от общего числа обнаруженных ФЕ). Нетипичным для общей стратегии ведения борьбы является статическая *оборона* (13% от общего числа обнаруженных ФЕ).

2.5.

Тождество *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ* как ядерное значение '*симбиотичность*' в семиотическом наполнении концепта

Тождество **ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ** является эквиполентной биполярной сентенцией, на материале фразеологических единиц представляет собой разновидность коэкзистенциального фрейма о средствах регулирования поведения противника с учетом выстраивания межличностных отношений и характера социокоммуникативного взаимодействия между участниками событий на условиях взаимовыгоды

(симбиоз). Данный тип фрейма представлен интерактивным слотом. В лексико-семантическом ключе компонентный состав подобных оборотов проявляет первостепенную релевантность по отношению к таким дескрипторам, как *доминирование, подчинение, нейтралитет*.

Результатирующая часть фрейма ... – *ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ* не связывается строго с коммуникацией как видом обмена вербальной или невербальной информации. В анализируемом тождестве *СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ* – понятие более широкое, демонстрирующее общий процесс установления психофизиологического контакта (совмещения) между участниками. В этой связи, известное латинское изречение *Когда говорят пушки, музы молчат (Inter arma silent Musae)* мы рассматриваем не столько под коммуникативным углом (компоненты *говорить* – *молчать* противопоставляются в семантическом плане как 'наличие звуковой передачи данных – отсутствие звуковой передачи данных'), сколько в свете адаптивного поведения, приспособления под воздействие среды. Полагаем, что упомянутая структура *Inter arma silent Musae* содержит одновременно два слотовых дескриптора – *доминирование* (пушки говорят) и *подчинение* (музы молчат) – 'если действует X, тогда бездействует Y'.

Рассмотрим фразеологический оборот *ни шагу назад!* 'приказ, запрещающий отступление (в боевой обстановке)' [Федоров 2008: 755].

В военной среде, во время боевых сражений применение фразеологического оборота тесно связывает с острой необходимостью проявления мужества и стойкости в сопротивлении. Командир, понимая важность ситуации и не желая отдавать бой врагу, указывая на критическое состояние боя, когда нужно выстоять отдает приказ: «*Ни шагу назад! Спасение было: ни шагу назад, стоять насмерть!*» [Алексеев 1988: 137]. Слотовый конкретизатор – подчинение (призыв к подчинению)

Применение фразеологизма в речевом приказе заставляет обороняющихся воспрянуть духом, осознать критическую ситуацию на поле

боя. Фактически, приказ дает установку всему личному составу на то, что неудачи в бою – это и есть бой. Тактически, приказ такого рода подразумевает то, что необходимо время для формирования резервных войск и переброса их на критический район боя. Тем самым приказ *ни шагу назад!* обретает важную особенность – сплочение войска, проявление коллективного боевого духа, коллективного героизма.

Обратившись к некоторым событиям Великой Отечественной войны с (1941 – 1945 годы), можно обнаружить исторические факты, которые проявляют интертекстуальные связи с искомым фразеологизмом. Так, Верховный главнокомандующий советской армии И. В. Сталин в июле 1942 года подписал приказ №227 для Красной армии, который в народе стал более известен, как *ни шагу назад!* [Душенко 2018: 312 – 313].

Документ объяснял достаточно в явной форме то, что необходимо вести упорную защиту обороняемых позиций, а именно: «*Ни шагу назад! Упорно защищать позицию! Отстаивать каждый метр земли.*» [История военного искусства 1958: 780 – 783]

Согласно данному документу № 227, лейтмотивом озвученной фразы *ни шагу назад* является запрет на проявление трусости, нарушение порядка и дисциплины.

В этой связи, крылатое выражение, появившееся также в годы Великой Отечественной войны, которое выступает синоним анализируемому фразеологизму: «*Велика Россия, а отступить некуда – позади Москва!*» [Максименко 2017: 65-66]. Фраза-лозунг для тех, кто участвовал в войне: необходимо быть максимально стойким к натиску и атаке со стороны врага.

Рассматриваемая фразеологическая единица может быть использована в повседневной коммуникации с определённо заданной интенцией, выступая речевым штампом со значением ‘резко остановиться, замереть на месте’, например: «*Стоять! Ни шагу назад! – вскрикнул тотчас Петя.*»

Данный речевой штамп, произнесенный из уст субъекта, является стимулом для рефлексивных действий объекта, не терпящих промедления,

ориентир на ликвидацию текущей активности.

В современном кинематографическом искусстве можно встретить заголовки фильмов, где используется рассматриваемый фразеологизм: «Ни шагу назад» (режиссер В.Воробьев, 2007 год, Россия), «Ни шагу назад» (режиссеры Д.Сорокин и Г. Федоренко, 2020 год, Украина) и др.

Например, в немецком языке можно встретить обороты с тем же планом содержания ‘не отступать, держать оборону несмотря ни на что’, но разным планом выражения, продиктованный особенностью мировосприятия народа, например: *keinen Fußbreit abtreten* (букв.: не отходить на ширину ноги) [Бинович 1995: 263] и *keinen Zoll breit weichen* (букв.: не делать не дюйма в ширину) [Бинович 1995: 883].

В военном жаргоне фразеологизм *ни шагу назад!* характеризуется своей лаконичностью (что является особенностью данного речевого жанра), указывает на прекращение отступления и применение грамотной (с точки зрения военного дела) обороны.

Рассмотрим английский фразеологический оборот *ride the storm* (букв.: ездить на шторме) имеет значение ‘преодолеть трудности, испытания’ [Кунин 1984: 727]. Слотовый конкретизатор – *доминирование*.

Метафорический образ фразеологизма восходит к практике, применяемой в морской навигации: во время непогоды на большой воде размещать плавательное судно таким образом, чтобы оно шло по волне, а не поперек волны, чтобы избежать опрокидывания и затопление самого судна [Каланов 2011: 9].

Образ *ride the storm* отражает навигационную реалию. Процессуальный компонент *ride* со значением ‘способ перемещения в пространстве’ также используется в иной трёхкомпонентной структуре с компонентом-последующим *out* – *ride out storm* (букв.: благополучно перенести бурю) [Кунин 1984: 727]. Возможна также компонентная модификация глагольного компонента – *weather the storm* (букв.: выдерживать шторм) [там же].

Рассматриваемая устойчивая единица *ride the storm* относится к группе

оборотов, которые передают идею обороны на том основании, что отдельные проявления природы *storm* (как и вся природа в целом) является сильным противником для человека.

Преодоление природных явлений говорит о мужестве, а в отдельных случаях – героизме. Находясь в открытом море, где нередко случаются ураганы, торнадо, тайфуны, необходимо быть начеку, быть готовым к обороне своей жизни и своего плавучего средства.

Однако оказывать сопротивление шторму на море – очень опасное мероприятие, поскольку штормовой ветер гораздо сильнее силы тяжести корабля. Многие опытные рыбаки и морские путешественники знают, что во время шторма нужно просто ожидать, когда утихнет непогода, и плыть по направлению мощного ветра. «*Turn off all motors! We'll weather the storm! Stay calm and spread out in the cabins to wait for further action!*» [Интернет-ресурс 25].

Тем самым судно подчиняется законам физики и природы, но само судно не дает сопротивления погодному явлению. Можно подумать о том, что это не проявление обороны, однако оборонительная тактика все же существует и заключается в применении смекалки.

Как представляется, во фразеологическом образе *ride the storm* просматривается скрытый инструментальный компонент значения, который становится основополагающим в организации действия субъекта – действия, направленного на оборону. Инструментальное значение выражено посредством глагольного компонента *ride* – ‘ехать верхом’ [Мюллер 2004: 339]. *Ехать верхом на шторме* (на волне) – проявление элементов апроприации, доминирование на чем-либо посредством чего-либо. Скрытый инструмент, посредством которого осуществляется действия, становится ведущим средством для контроля ситуации, создает своеобразный надповерхностный механизм воздействия на стихию (*the storm*).

Тактика обороны в структуре *ride the storm* проявляется и в том, что подчинение заведомо сильному противнику (*the storm*), применяемая на

морской территории, поможет не только переждать сильный натиск, но и сохранить жизнь и здоровье обороняющейся стороны. Например, такая ситуация речи: «*Ride the storm is the only true defensive action for the safety of the entire crew of the ship*».

В исследуемой фразеологической единице субстантивный компонент *storm* обретает символику противоборствующей стороны.

В древних сказаниях обликом шторма (бури) на море являлись богоподобные существа с копьем и молниями, например: греческий бог Зевс. Любопытно отметить, что *storm* – не только разрушение (в прямом смысле), но и созидание (энергия, плодородие, начало новой жизни). Символ бури (понятие, синонимичное шторму) воспринимается как что-то окрыленное, поднимающее в небо огромный предмет. Шторм демонстрирует невероятную силу, нечто божественное. И самое важное, что время существования такой силы ограничено, что одной из самых эффективных мер справиться с ней – дожидаться окончания ее действия, когда силы этого исполина иссякнут [Трессидер 1999: 31, 422].

Оборот *ride the storm* может применяться в военном деле, представляя оборону: преодоление трудности перед опасным врагом, демонстрируя стойкость, готовность встретить врага. К примеру, командир подразделения получил команду: *встретить в левой позиции врага с превышением численности сил, контратаковать врага при использовании резервных войск*, и в англоязычной армии будет услышана фразеологическая единица, которая без труда будет понятна личному составу – *ride the storm*.

В данном случае использованный компонент-маринизм *storm* перестает ограничиваться узкой (морской) сферой употребления и приобретает более общую деструктивную семантику.

Итак, рассматриваемый оборот *ride the storm* восходит к метафорическому свободному сочетанию *ride the storm* со значением ‘справиться с бурей, переждать бурю’. В качестве несвободной сочетания, данная структура относится к фразеологическому фонду английского языка и

со значением: ‘выдержать, преодолеть трудности’ может использоваться в повседневной речи, а также в военной дискурсивной практике.

Рассмотрим устойчивое английское выражение *Achilles' heel* (возможна компонентная модификация – *the heel of Achilles*). Данный оборот упоминался в пункте 2.4., но не анализировался. В русском языке имеет эквивалентную форму *ахиллесова пята*. В обоих языках значение – ‘слабое, легко уязвимое место’ [Кунин 2004: 14]. Слотовый конкретизатор – *подчинение*.

Оборот этимологически восходит к известным древнегреческим сказаниям о подвигах Ахиллеса – героя, прославившегося во время Троянской войны (1258 до н.э.).

Оборот воплощает одновременно две тактики ведения боя – нападение и защита. Метафорический Ахиллес – противник грозный, находчивый, сильный. Однако определяющим фактором этого образа является его уязвимость. В этой связи возникает другой фразеологический образ – колос на глиняных ногах ‘о том, кто проявляет недюжинную силу, но при этом абсолютно беспомощный в определённом ракурсе’ [Серов 2004: 152].

Образ фразеологического оборота *Achilles' heel* связан с нахождением в человеке или группе людей слабого места, где легче всего оказать на него (их) влияния. Как правило, поиск того самого уязвимого места осуществляется снаружи (внешнее проявление уязвимости, например: *Его дом – это его ахиллесова пята*.)

Кроме того влияние, как предполагается, можно использовать и на внутреннее уязвимое место неприятеля с целью полного доминирования вплоть до уничтожения (с точки зрения атаки), например: «*Страх поражения в бою – это его ахиллесова пята*».

Также результатом нахождения *ахиллесовой пяты* можно отнести болезненную реакцию человека на какое-либо влияние, например: «*Потерять власть – это его ахиллесова пята*.»

Известно, что рассматриваемое выражение имеет длительную историю,

где берут свои корни из древнегреческой литературы. В древних сказаниях повествуется о сыне-полубоге Ахиллесе, мать которого в младенческом возрасте окунала его в подземную реку Стикс. Этим богиня Фетида хотела, чтобы его сын стал бессмертным. Но лишь пятка его не осталась окунутой, сделав его уязвимым в этой части тела [Бирих 1998: 482].

Во время Троянской войны молодой Ахиллес был ранен стрелой в опасную для его жизни – пятку. Тем самым, убийца выбрал тактику победы над врагом (Ахиллесом), выбрал не только уязвимое место, но и уязвимое время, когда Ахиллес безоружен. Так, ахиллесова пята становится символом того, что бессмертные – смертны, но при этом нужно применить известную долю коварство и находчивости, чтобы прийти к намеченной цели. Так, можно предположить, что в семантике оборота реализуется потенциальная сема ‘коварство’

Ахиллесова пята – образ великого и бессмертного героя, небожителя, который уязвим перед человеческими способами противоборства. Идея, заложенная в образе фразеологизма, пришедшая из далекого прошлого, напоминает о том, что все власть имущие не вечны.

Есть и другая сторона медали. В тактике ведения боя, обнаружить *ахиллесову пяту* – достаточно низкий поступок, но действенный. Ведь нужно быть бесчувственным, чтобы после обнаружения слабых мест, использовать эти знания для победы над противником. Применяя такой тактический маневр для одоления того, кто, на собственный взгляд, не должен быть бессмертным, можно, в конечном итоге, обернуть это против себя, следуя симметричности законов природы. Другими словами, завистью и нечестными действиями можно привести больше вреда, прежде всего, самому себе, чем пользы.

Упомянув о слабости даже самого сильного, можно отметить, что такие состояния, как одиночество или плохие взаимоотношения, могут оказаться *ахиллесовой пятой*. Неприятель будет стараться не демонстрировать свои чувства, однако, применив смекалку и тактику, можно спровоцировать

неприятеля на демонстрацию его слабости. В результате, хитростью и нестандартным подходом можно повысить шансы на одержания победы.

В медицинской сфере существует сухожилие на голенной части опорно-двигательного аппарата (ноги), названное ахилловым [Грицюк 2010: 8]. Для спортсменов – очень уязвимое место, повреждение которого требует длительного лечения. Делая аналогию с фразеологическим оборотом, данный место (ахиллово сухожилие) является в том самом смысле ‘ахиллесовой пятой’, о чем было упомянуто выше.

Применение фразеологической единицы *Achilles' heel* можно прийти к выводу о его серьезной значимости для речи современного человека. Несмотря на античность выражения, областей применения в обществе немало. Символ Ахиллеса дало не только применение в фразеологии, но и дало название уязвимой мышечной части тела. Главное значение фразеологизма – ‘слабое, уязвимое место’.

Можно сделать вывод о том, что не только в русском языке встречаются устойчивые выражения, применимые для описания наступления или движения в целом. Например, в англоязычной культуре также встречаются подобные устойчивые обороты, семантика которых ориентирована на применение агрессии для противника.

Так, английский пример фразеологизма, связанный с атакой, речь о котором будет идти далее, – *dig up the hatchet* (букв.: выкопать топор), который передает значение ‘начать (в значении возобновить) войну’ [Кунин 1984: 363].

Можно предположить, что метафорический образ данного фразеологического оборота связано с той мыслью о том, что в ситуации, когда война неизбежна или на грани начала, следует ‘выкопать топор’ для начала своих атакующих действий.

Стоит отметить, что символика топора тесно связывается с собственно агрессией, воинственным настроем, а само оружие связано с властью, могуществом, проявление влияния [Трессидер 1999: 371].

Во времена военных действий считают, что лучше начинать первым, поскольку существует некое преимущество перед противником, поэтому данный фразеологизм точно описывает состояние, когда какая-то из сторон первым начинает атаку. Данный демарш дает понять о том, что необходимо военному подразделению иметь возможность как можно скорее взять в руки оружие для стремительного наступления.

С этимологической точки зрения, прообразом фразеологизма выступает жизненный уклад североамериканских индейцев (коренных племен Северной Америки), которые, по обычаю, зарывали боевой топор у племени в землю. Зарытый топор (антонимический образ) считался окончанием военных действий и наступления мира [Морган 1983: 190]. В этой связи, фразеологизм *bury the hatchet* [Аммер 1997: 18] и русское *зарыть топор* [Морган 1983: 190], в большей мере, транслирует (запечатлевает) этнический уклад.

Возвращаясь к образу, скажем, что, когда другое, враждующее племя атаковало, зарытый топор выкапывался, чтобы обороняющееся племя использовало его для отражения атаки. Либо же, когда одно племя решало атаковать другое племя в поисках продовольствия, оружия, доставалось или 'выкапывалось' боевое снаряжение (раньше был топор в качестве основного оружия) для дальнейшей запланированной атаки противника.

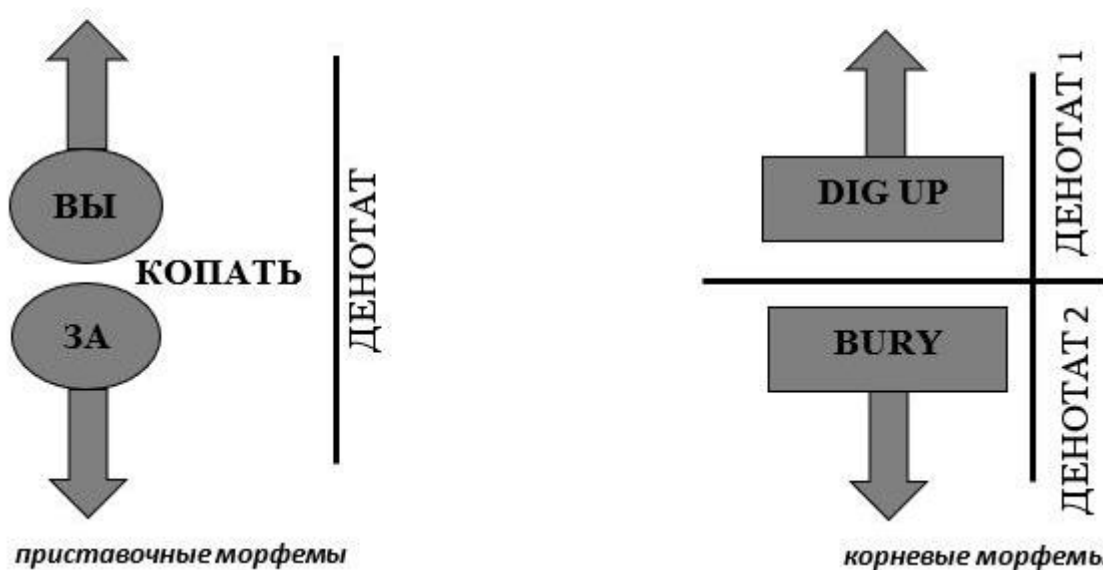
Существует мнение, что в русском языке фразеологическая единица *зарыть топор войны* является прямой отсылкой к описываемому английскому фразеологизму. Оборот является антонимичным к рассматриваемой структуре *bury the hatchet* [Аммер 1997: 18].

Ситуация применения фразеологического оборота *зарыть топор войны* – признак завершения конфликта, общая терминативность двусторонних (как минимум – односторонней войны, войны против самого себя не бывает) действий. Оружие больше не требуется, оно зарывается, закапывается, подавая сигнал всем воюющим сторонам об наступлении перемирия.

Отметим сематическую неоднозначность (биполярность)

субстантивного компонента *топор* в рассматриваемых фразеологизмах, проявление некоторого энантиосемичного наполнения. Если, допустим, в русском языке приставочные морфемы в глагольном компоненте выкопать и закопать могут дифференцировать полярность процесса (*выкопать* – ‘инициация’, *закопать* ‘элиминация’) при общем денотате ‘делать углубление’, то в английском языке используются иные процессуальные компоненты (десемантизированные глаголы) *dig up* (выкопать) и *bury* (закопать), которые в одностороннем и однозначном порядке формируют образ действия. Другими словами, семантика оборота строится с учетом приставочных морфем (русский язык) и корневых морфем (английский язык). Представим графически:

Схема 5.
*Приставочные и корневые морфемы
 в построении процессуальной семантики фразеологизмов-антонимов
 с именной частью «топор войны» в русском и английском языках.*

Примечательно, что в обоих языках существует архисема ‘движения, перемещения по вертикальной оси вниз – вверх’ (об этом, совокупная лексикографическая информация, полученная путем сравнения словарной дефиниций глаголов *копать* ‘делать углубление’ [Ушаков 1996: 1459], *закопать* ‘положить в углубление и засыпать’ [Ушаков 1996: 955], *откопать* ‘достать из-под покрытия’ [Ушаков 1996: 933]), *bury* ‘положить в землю’ *dig*

ур 'достать на поверхность' [Мюллер 2009: 118, 213].

Необходимо также отметить, что английский фразеологизм *dig up the hatchet* – пропозициональная структура. Представляется, что *выкопать топор войны* означает реактивацию раннее проделанного действия: если есть *топор*, который откапывают, значит была причина, по которой этой *топор* закопали. Разумеется, что образ *выкопать топор войны* и *закопать топор войны* идет в прямой индуктивно-дедуктивной связке (об их антиномичности говорилось уже ранее) – существование одного состояние прямо обусловлено существованием другого. Значении возобновляемой вражды очевидно. Например, два человека в прошлом являлись врагами друг к другу, но, когда они помирились, случилось так, что вражда, которая была в прошлом, никуда не ушла, а перемирие было фиктивным. В такой ситуации враждебные отношения вернулись в прежнее русло. Поэтому можно сказать, что они *выкопали топор* (they dug up the hatchet).

Приведенная последняя этнополитическая ситуация позволяет говорить о порочности круга, цикличности процесса, определяемой контрарной корреляцией *dig up the hatchet – bury the hatchet*.

Описывая оба возобновляемых военных конфликта, можно прийти к выводу о том, что рассматриваемый фразеологический оборот в действительности применяется, когда возобновление военных действий приводит только к неблагоприятию любых сторон конфликта.

Идеология борьбы в водной среде стоит учитывать не только обширность пространства, но и имеющаяся конкретика местоположения. Находясь в воде, человек может оказаться в разных ее участках. Глубина водной среды определяется расстоянием между поверхностью и землей, на которой расположена вся жидкость. Земля, которая «держит» всю описываемую стихию, называется *дном*, употребление формы которого есть только в описании воды.

Упоминание компонента *дно*, как часть водной среды, заключается в следующем русской фразеологическом обороте – *пить (горькую) чашу до*

дна в значении ‘терпеливо испытывать, переносить трудности’ [Федоров 2008: 471]. Словотворитель – подчинение.

Дно, в обыденном представлении, – твердая поверхность земли под водной средой. Такая же семантика компонента наблюдается и в толковом словаре [Ушаков 2014: 118]. Помимо главного значения есть и другие: ‘нижняя часть стенки ящика или сосуда’ и ‘нижняя часть корабельного судна’. Однако последние две не входят в область существования семантики в анализируемом обороте. Однако последнее значение входит в понимание связи между водной поверхностью и судном, который создает границу раздела между твердым и жидким.

При описании значения фразеологической единицы подразумевается, что человек смог претерпеть поставленные трудности (часто причиной такого действия являются некоторые события). Другими словами, человек обретает (или обрёл) готовность преодолеть все жизненные тяготы, возникающие на пути. При этом необходимо делать шаги смиренно, без панических атак. Опустошение такой *чаши* с непростой жидкостью – процесс непосредственного преодоления проблемы.

В связи с тем, что оборот демонстрирует процесс преодоления всех существующих трудностей, он факультативно формирует уже закаленный характер человека, демонстрируя мужество и дисциплину при возникновении сложной ситуации. В такой нестандартной обстановке человек получает информацию о себе, понимая положительные и отрицательные качества своего темперамента. Также человек понимает, какую грань он может перейти для преодоления тяготы жизни. Обобщая, оценивается свой характерно-волевой стержень для устранения проблемы.

Пить (горькую) чашу до дна – это сделать нечто негативное для себя в обычное время, как преодоление тяжелой ситуации в полной мере, до конца. В разговорной речи может встречаться усечённая форма оборота *до дна* в значении ‘целиком, полностью (испытать)’ [Молотков 1968: 140]. Если в *чаше* наблюдается дно через *горькую воду* формируется мысль о понимании

менее трудной ситуации, психологически влияя на процесс преодоления. Противоположная идея фиксируется в субстантивном компоненте *дна*.

В семантике образного основания формируется траектория движения – от поверхности до дна. В русской культуре *дно* метафорически связывается с представлением мутного, темного, неопределённого, неблагоприятного, безвыходного состояния (об этом, например, пьеса М. Горького «На дне» [Горький 1975: 261]). Находясь ближе ко дну, у человека нарастает состояние страха. Оборот *на дне* как нахождение ‘в деклассированной среде, общества’ [Молотков 1968: 140] демонстрирует критический этап дискомфорта.

В военной среде оборот имеет ту же семантику, как и обычной речевой практике. Часто создающиеся положения, при которых необходимо выполнять, на первый взгляд, трудные задания, формируют нестандартные мысли солдата или офицера. В том случае оборот *пить (горькую) чашу до дна* – как единственное решение, как казалось, невозможной и нерешаемой задачи.

Оценивая риски предполагаемых потерь, не выполнив поставленный приказ командира, можно получить в итоговом результате непоправимые последствия – *пить (горькую) чашу до дна*. Страх, как мотивация к преодолению собственных устоев по выполнению задания, формирует причинную связь с процессом *питья из чаши*.

Земля под водой не является чем-то твердым и устойчивым ввиду того, что вода имеет свойство проникать вглубь твердого тела. При этом, вода стремится растворить тело (при возможности). Таким постоянным стремлением растворить землю на границе раздела двух стихий можно описать состояние около дна. Земля, как нерастворимое в воде тело, не может вернуться обратно в твердую фазу, сохраняя промежуточное состояние – вязкость, податливость.

Возникает коннотативная семантика единицы *пить (горькую) чашу до дна* как ‘выпить воду, зачерпнув воду близ донной поверхности’. Результатом является то, что захватывается вода, находящаяся ближе

(глубже) ко дну. Очевидно, что часть земли (со дна) попадет в наполненную чашу, что гипотетически уменьшает желание отхлебнуть мутную воду из сосуда. Появившееся нежелание выпить непростую воду заменяется страхом. Преодоление возникшего страха, внесение в свой разум понимания, что в некой ситуации необходимо сделать то, что не желаешь, – это и есть понимание употребления в речи фразеологического оборота *пить (горькую) чашу (до дна)* – процесс, тесно связываемый с терминальной стадией.

Адъективный компонент *горький*, упоминаемый в единице, образуется той самой землей, которая попала в чашу с морского дна. Вкус воды, взятой с поверхности земли, подразумевается эталоном вкусового качества. Сравнивая с ним, чем ближе ко дну вода была взята в чашу, тем больше возникает отвлекающих вкусовых ощущений, которые вошли в понятие *горечь*.

Образ фразеологического оборота *пить (горькую) чашу до дна* строится на полном преодолении сложностей, демонстрации собственного характера и силы. Компонент *дно* – низкое положение в обществе. Гастрономический код *горький (горечь)*, представленный в компоненте *горький*, наглядно демонстрирует трудность ситуации, которую необходимо должным образом преодолеть.

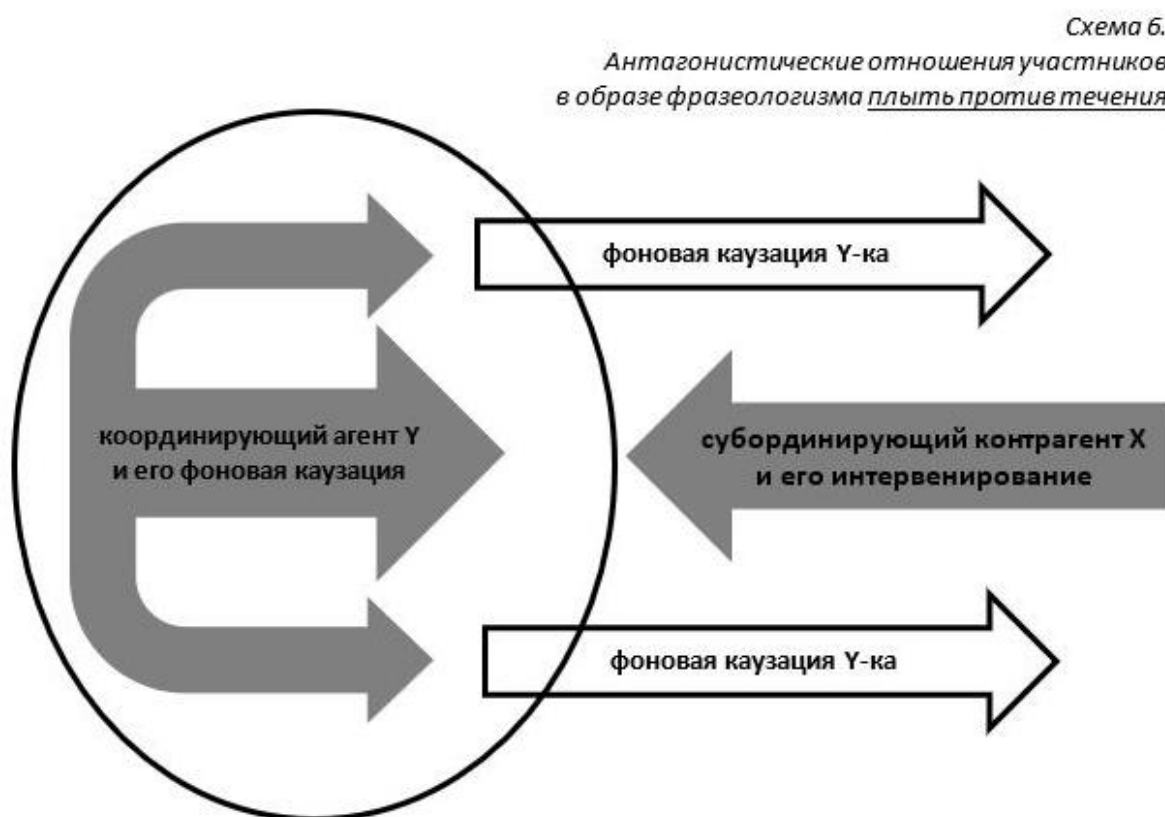
Один из явных значений, а именно противоборство или действие против другого действия, заключается в следующем русском фразеологическом обороте – *плыть против течения* ‘действовать наперекор’ [Федоров 2008: 474]. В образном основании единицы демонстрируется борьба, в том числе в боевом режиме. Борьба направлена на самооборону, когда силы сторон не равны, но есть необходимость в действии против мощного противника. Противник заведомо могущественнее, поэтому необходимо действовать маневреннее и хитрее.

Структура *плыть против течения* заведомо содержит антагонистические отношения двух сторон – ‘X (плыть) выступает против Y-ка (течение)’, где процессуальный компонент *плыть* транслирует

субординирующую экзистенцию X-а на фоне Y-ка и с учетом действия Y-ка, в то время как субстантивный компонент *течение* – координирующую экзистенцию Y-ка без учета присутствия X-а.

Своеобразная нарративная проекция (в понимании [Падучева 2019: 281]) отображает структуру противоборства в актуально-длительном временном поле со стороны X-а (с очевидной акцентуацией X-а, контрагента) в направленном преодолении перманентной преграды, формируемой Y-ком (агентом) как фоновой (изначально задаваемой) каузации для X-а. Стоит полагать, что перманентный статус Y-ка с уже сложившейся стратегией поведения (фоновая каузация) будет доминантной (хотя бы изначально супрессивной) по отношению к резистентности X-а на фоне интервенирования того же X-а в сферу существования Y-ка.

Изобразим сказанное графически:

Водная среда может быть контролируемой и хаотичной. Вода может быть спокойной (штиль) или подвижной (шторм). Течение, как направленное движение воды, исходит из метафорического сходства с жизненным

течением. *Плыть против течения (реки)* – значит действовать против создавшихся условий, которые сформировали определённое русло, путь для течения. Другой референтный образ: находясь в реке, человек является участником своей судьбы, где можно либо *плыть по течению судьбы*, либо вступить в противоборство с ней (*идти наперекор судьбе*). В таком случае, происходит отстаивание своих позиций и идей в укрепившихся жизненных устоях, допустим, в рамках не одного поколения или этноса.

Пример из научной практики: «*Знаменитому физика часто приходилось плыть против течения, доказывая существование электрически нейтральной частицы*» [Басова 1999: 87]. Как видно, инновационный проект, который был представлен на всеобщее научное обозрение, подвергся критике лишь потому, что противоречил общепринятым законам и принципам. Но *плыть против течения* – оязыковленный образ, который нацелен на то, чтобы демонстрировать отвержение (борьбу – с положительной коннотацией), пропагандировать полезную результативную (как правило, не мнимую) оппозиционную деятельности, обоснованно отвергать актуальное и предлагать совершенно новое для совершенствования уже приобретенного.

Следует остановиться на обороте, антонимичный данному, – *плыть по течению* [Тихонов 2007: 199]. Его семантика определяет позицию подчиняющегося: принятие существующего окружения и господствующих взглядов. Может быть и принятие поражения, когда человек вынуждено разделит мнение (семантика уступительности) относительно позиции большинства. Причиной такого уступительного действия является реальная оценивание субъектом своих сил в случае, если возникнет необходимость *плыть против течения*.

Субстантивный компонент *течение* – может быть рассмотрен в рамках темпоральной (симультанной или дуративной) метафоры, а именно: пока течение реки физически существует, время также физически продолжает свое движение (русское имя существительное *время* нередко сочетается, в образном смысле, с глаголом *течь* – *время течет*). В этой связи отмечаем

пример синтаксической фразеологизации: предлог *в течение (чего-то)* – ‘на протяжении какого-либо отрезка времени’ [Тихонов 2007: 290].

Инертный характер действия субъекта в образе *плыть по течению* иллюстрирует, прежде всего, бихевиористическую модель – без приложения каких-либо усилий, апатия, отстранённость. Это объясняется и с точки зрения законов механики: легкость движения объекта под воздействием силы другого более мощного объекта (*по течению*), в отличие от обратного процесса (*против течения*) – противостояние собственными силами воздействующей со стороны иной силе.

Бихевиористический (интерактивный) фрейм в образе *плыть по течению* может быть расценена как неоправданная необходимость к контрдействию. Отсутствие стремления, страх являются одними из главных причин к выбранному решению – *плыть по течению*. В таком случае главное умение – *держаться на плаву* ‘умение справляться с трудностями’ [Мокиенко 2007: 502], т.е. лишний раз *не показываться на глаза* [Тихонов 2007: 48], *(не) привлекать к себе внимания* [Тихонов 2004: 147] не оказывать сопротивление устоявшемуся режиму.

Плыть по течению – метафорическое отсутствие стремления изменить что-либо, ровное движение по кем-то проложенному пути [Бирих 1998: 569].

Фразеологическую единицу *плыть против течения* также можно интерпретировать как поиск достоверного положения дел в неоднородном с точки зрения информационного наполнения пространстве – пространстве, которое и создает магистральное течение (в архетипическом преломлении «истинное / ложное») сложившегося объема данных или подготовленного запаса сведений.

Человек, принявший решение двигаться *против течения*, априори является (по своей сути) и воспринимается (со стороны) смелым и готовым к преодолению трудностей. Следует отметить и пресуппозициональный план, закладываемый в образ фразеологизма: ‘если X не соблюдает условие Z, то X подвергнется ситуации R’. Данное условие понимаем так: нежелание

осознать собственную безопасность, потенциально существующую во время противостояния, может привести к физической нейтрализации или ликвидации (окупаться в течение *с ног до головы* ‘целиком, полностью’ [Федоров 2008: 414]). В результате борьбы человек может стать частью водного течения (частью устоя, против которого первоначально происходила борьба) – ‘включение X-а в состав Y-ка после предварительного поражения X-а’.

Следующий фразеологизм *достать из-под земли* [Федоров 2008: 208] – ‘добывать что-то ценой любых усилий’, включает в себя процесс действия, поиска информации или чего-то материального, борьба за овладение чем-либо, приложение определённого объема усилий до достижения поставленной цели.

Достать из-под земли – метафорическое сочетание констатации процесса и локализации процесса (доставать + земля). Формируется представление об императивной модальности. Значением устойчивой фразы будет являться нахождение того места, где располагается нечто важное и необходимое.

Составляющая образа может быть расценена в императивной попытке актанта X прийти к результирующему этапу Y (компонент *достать* – т.е. апроприативный фактор) за счет концентрации особых личностных усилий X-а (преодоление барьера Z – компонент *земля*) в определенных условиях (сирконстантах).

Именно компонент *земля*, как пространство, отгораживающее известное от неизвестного, становится определяющим при отнесении данного оборота в рассматриваемую группу фразеологизмов – наступательный бой по преодолению препятствия. Как думается, образное основание, в большей мере, раскрывает высокую степень усилий X-а, прикладываемых для достижения цели Y через возникающий на всем протяжении пути блокирующий элемента Z.

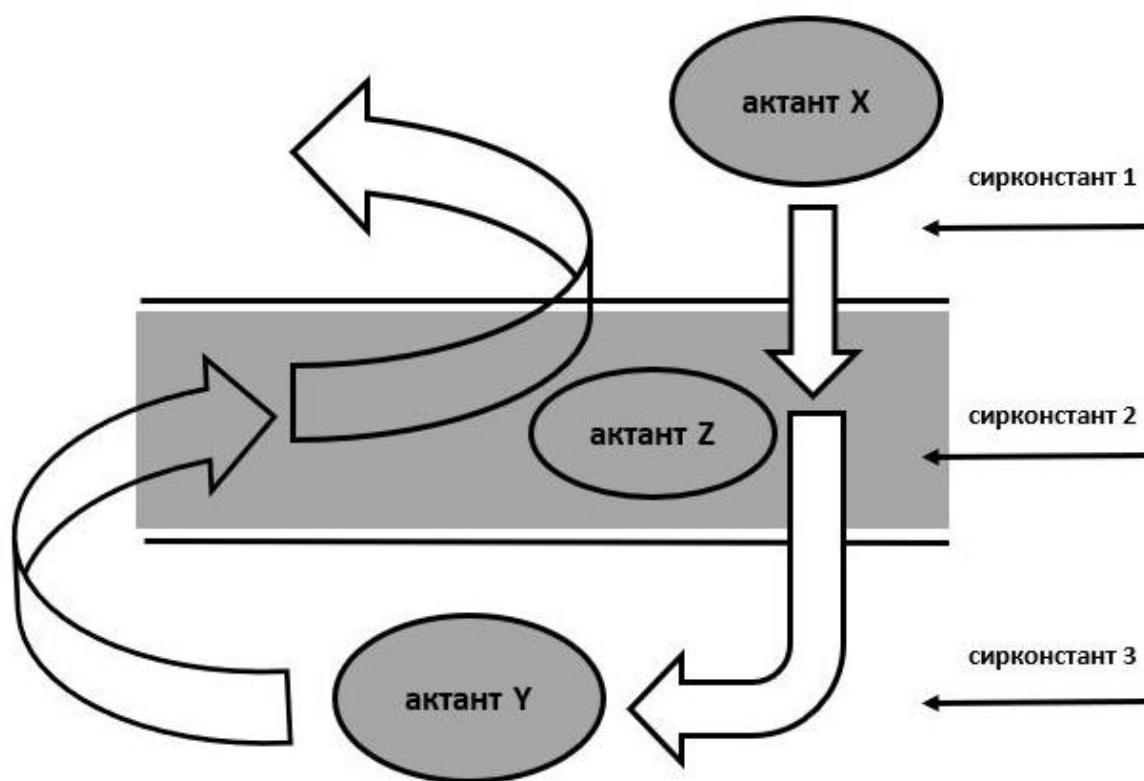
Апроприативная цепочка действий выглядит следующим образом:

активность актанта X на условиях 1 (сирконстант 1) → преодоление X-ом преграды (актант Z) на условиях 2 (сирконстант 2) → нахождение искомого элемента (актант Y) за пределами Z на условиях 3 (сирконстант 3) → перемещение X-ом элемента Y и выполнение условий 2 (сирконстант 2) → перемещение X-ом элемента Y и выполнение условий 1 (сирконстант 1).

В образном основании также отмечаете метафорическое движение по траектории «верх – низ» за счет использования компонента-союза *из-под*.

Изобразим сказанное графически:

Схема 7.
Апроприативная цепочка действий
в образе фразеологизма достать из-под земли

Менее распространенная область употребления оборота – поиск (как прием борьбы) важной информации. Ввиду того, что метафорический поиск необходимого происходит *в земле* (скрытое пространство, невидимое, неизведанное), употребление компонента нацелено отобразить пути достижения нематериального. Проанализируем этот вариант употребления.

Стоит начать с того, что в среде, приближенной в боевой, процесс поиска политинформации – стратегическая задача. Начиная со стратегии

противника, заканчивая получением информации о ближайших задачах и карт ведения боя, все это, безусловно, оказывается ценным для военных действий. Командиру всегда необходимо держать в своем штате разведчика или целую разведывательную группу, чтобы раздобыть важный стратегический план противника. Например, приказ командира: «*Добыть карту с атаками противника! Хоть из-под земли достать!*»

Еще один момент – данный устойчивый оборот может употребляться, когда более статусный по рангу военный человек не способен определить расположения врага. По тем или иным причинам, зачастую внедряется оперативная группа, которая, благодаря профессионализму, достигает поставленной цели. Стоит отметить, что в военной литературе нередко приводится информация о разведке, их особенностях и главным задачам [Мойсеенко 2019: 216]. Как видно, оборот *достать из-под земли* может быть выражен контекстуальным синонимом *оперативность*.

Другим значением фразеологической единицы *достать из-под земли* является ‘приобретение очень важной материи’. Говоря о материальной ценности процесса *добычи из-под земли*, нужно сказать, что материальные блага (золото, драгоценные украшения и пр.) в древности закапывали в землю.

Возможно, вместе с самим процессом скрытия под землей возникает коннотативное значение полезности, повышение тарификационного показателя вещи, поэтому метафора *достать из-под земли ориентируется*, прежде всего, на раскрытие важности и полезности удаленной информации.

Метафорический образ не оставляет в стороне само пространство, где происходит хранения – земля. Согласно [Трессидер 1999: 110], земля выступает символом покровительства, честности, близости к народу, поэтому народ мог доверить матери-земле спрятать (на время) все то, что было из ценного в наличии.

Наивное представление складывалась из того, что родная земля не сможет передать нажитые ценности в чужие руки. Приведем такой пример:

«Как ни старался неприятель, но ему не удалось достать из-под земли сбережения нашей деревни.» Или – другая ситуация: земля, выступающая прототипом банковской организации: «У сына порвалась рубаха – поди достань из-под земли пару червонцев.»

В речевой практике возможно конструирование менасивного высказывания типа « <...> я тебя из-под земли достану!» [Шатрова 2004: 5]. Фраза обращена к человеку, говоря о напрасности его побега в настоящий момент, поскольку в скором будущем (при любом исходе вещей) беглеца будет ждать месть, расправа.

Итак, фразеологизм *достать из-под земли* – это борьба-преодоление, направленная на поиск вещей или людей, а также борьба-противостояние, направленная на адаптацию к формирующимся условиям бытия.

Продолжая упоминание образа *ветра* во фразеологизмах, стоит отметить, что *ветер* не всегда является созидательным. Когда человек идет против движения *ветра*, то возникает физическое ощущение сопротивления с более могущественной силой. Об этом фразеологизм *сражаться с ветряными мельницами* ‘бессмысленно тратить силы с мнимой опасностью’ [Молотков 1987: 449].

Бороться с ветряными мельницами – создание воображаемой проблемы с несуществующими препятствиями, неблагоприятно сказывающийся на итоговом результате. Появление образа фразеологизма связано с произведением Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот» [Ашукин 1960: 576]. Словотворческий конкретизатор – *доминирование*.

При сражении, особенно с сильным врагом, в последнюю очередь приходится размышлять о бездумных поступках, которые не только не приносят пользу, но и может принести вред. В таком случае силы бойцов (если рассматривать с боевой точки зрения) иссякают быстрее, чем при более разумных действиях. Только четкие последовательные действия приводят к благоприятному результату, о чем знает каждый командир подразделения. Бороться с воображаемыми проблемами, которые в ходе боевой операции

могут возникать с высокой вероятностью, помогает и подробный план действий.

Стоит отметить, что не стоящий внимания противник, заведомо уступающий перед назревающим сражением – это также сродни образу *сражению с ветряными мельницами*. Объясняется это тем, что при таком противнике тратятся лишние силы, необходимые при борьбе с более сильным врагом. Поэтому подобные действия также необходимо исключать, оценивать силы каждого противника.

Опасность, которую зафиксировали, необходимо понимать: реальная ли она на самом деле. Как правило, оценить опасность бывает трудно ввиду ограниченного времени принятия решения. Поэтому очевидны случаи бессмысленной борьбы с мнимой проблемой (*ветряные мельницы*) как неправильной оценкой ситуации.

Сражаться с ветряными мельницами – это решать проблему, которой не существует. Бесперспективность будущего результата того, кто *сражается с мельницами*, может стать для наблюдателя (стороннего лица) поводом намекнуть активному субъекту о ненужности проводимой политики, т.е. (и об этом другой фразеологизм) *спустить с небес на землю* [Федоров 2008: 649]. Например: «*Зачем отряд пошел на врага через мост? Это сродни сражению с ветряными мельницами: главный неприятель давно уже скрылся в лесу. Надо будет командира спустить с небес на землю.*»

Компонент-техноним *мельница* является важнейшим элементом в описании значения анализируемого оборота. Механическое приспособление приводится в движение потоками воздуха, которые дают вращение лопастей. Эффективность работы устройства зависит от силы ветра, а попытка остановить лопасти во время ветра рассчитывается бессмысленной.

Итак, фразеологизм *сражаться с ветряными мельницами* – результат бесполезных действий, склонных окрыленным людям. В этой связи, другой фразеологизм *ветер в голове* [Тихонов 2007: 52] – о тех, кто действует (в том числе и сражается) легкомысленно, не придавая значению важным

обстоятельствам и последствиям своих действий.

Приведем другие примеры концептуального тождества *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ*: *поднимать знамя* ‘стать во главе для борьбы’ [Федоров 2008: 484]; *поднимать оружие* ‘начинать бороться’ [Федоров 2008: 485]; *арканом (на аркане) не затащишь* ‘никаким силами невозможно заставить кого-л. делать что-л.’ [Степанова 2003: 12]; *тише воды, ниже травы* ‘о чрезвычайно скромном человеке’ [Тихонов 2007: 33]; *брать на пушку* ‘добиваться от кого-либо чего-либо’ [Федоров 2008: 43]; *единым фронтом* ‘сообща’ [Молотков 1968: 504]; англ. *that cat won't jump* (букв.: этот кот не сможет прыгать) разг. ‘несогласие с чем-либо’ [Кунин 2004: 452]; англ. *that cock won't fight* (букв.: этот петух не сможет летать) разг. ‘несогласие с чем-либо’ [Кунин 2004: 452]; англ. *tread water* (букв.: топтать воду) ‘справляться с обстоятельствами’ [Кунин 1984: 800]; англ. *hold (keep) smb/smith at bay* (букв.: держать кого-либо или чего-либо) ‘держать кого-л. в страхе; не давать передышки’ [Кунин 1984: 68]; *add fuel to the fire* (букв.: добавить топливо в огонь) ‘разжигать страсти’ [Кунин 2004: 14]; англ. *pour cold water on smth* (букв.: лить холодную воду на кого-либо) ‘возражать’ [Кунин 1984: 800]; англ. *swim (paddles, goes) against the current (the tide)* (букв.: плыть против течения) ‘противостоять’ [Лубенская 2013: 636]; немец. *j-n bei der Binde fassen* (букв.: взять кого-то за повязку) ‘схватить за горло кого-л.’ [Бинович 1995: 99]; немец. *j-m Furcht beibringen* (букв.: учить кого-то страху) ‘внушить кому-л. страх’ [Бинович 1995: 79]; нем. *Wasser wascht Steine weg* (букв.: вода смывает камни) ‘целеустремленность приводит к результату’ [Бинович 1995: 705]; нем. *gegen den Strom schwimmen* (букв.: плыть против течения) ‘сопротивляться’ [Бинович 1995: 644]; нем. *mit dem Strom schwimmen* (букв.: плыть с течением) ‘не сопротивляться’ [Бинович 1995: 644]; немец. *gegen den Wind segeln* (букв.: плыть против ветра) ‘противостоять большой силе’ [Бинович 1995: 86]; немец. *die Augen schließen* (букв.: закрыть глаза) ‘не замечать что-либо’ немец. *das Feld behaupten* (букв.: отстоять поле) ‘одержать верх’ [Бинович 1995: 230]; немец. *in Aufruhr*

bringen (или *setzen*) (букв.: приводить в смятение) ‘поднять восстание’ [Бинович 1995: 53]; немец. *gegen den Backofen gähnen* (или *jappen*) (букв.: зевать против духовки) ‘лезть на рожон’ [Бинович 1995: 70] и др.

Таким образом, тождество ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ на материале фразеологических единиц устанавливает семиотическую интерактивность участников событий, характер их межличностного обоюдновыгодного взаимодействия в общей системе противостояния и реализуются посредством таких смыслообразующих элементов, как *доминирование, подчинение, нейтралитет*. Данная сентенция является наиболее частотной (55%) среди набора других составленных тождеств и формирует ядерное значение концепта. Как правило, стиль общения в ходе борьбы – это, прежде всего, симбиотичные действия, направленные на *подчинение* (46% от общего числа обнаруженных ФЕ). Нетипичным для интерактивного характера борьбы является *нейтралитет* (21% от общего числа обнаруженных ФЕ).

Выводы

1. Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* в образном основании фразеологизмов формируется за счет косвенной номинации технических средств, волевых и стратегических действий, направленных на регулирование ситуации между противоборствующими сторонами.

Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* является общим названием ментального корпуса, характеризуется двупланностью, акцентирует семантическую релевантность включаемых в него соположенных элементов структуры – иницирующей (базовой) и результирующей (экспликативной) частей. В формально-синтаксическом выражении концепт представлен схемой простого двусоставного нераспространённого предложения $N_1 - N_2$, где N_1 является именным подлежащим, а N_2 – именным сказуемым. Надстраивание

базовой (инициирующей) части происходит за счет частноутвердительного экспликативного высказывания (результатирующей части), которые в совокупности становятся концептуальным тождеством и являются подвидом искомого концепта и, как результат, формируют симметричную (равносильную) предложение с субъектом высказывания S (базовое компонентно константное утверждение, левоположенная часть, тема) и предикатом высказывания P (с подстрочным индексом $1, 2, 3, 4$ – экспликативное компонентно переменное утверждение, правоположенная часть, рема), конструируемая согласно единой когнитивной модели ‘S – это есть P₁, P₂, P₃, P₄’.

Аквантно-сирконстантная парадигма ‘S – это есть P₁, P₂, P₃, P₄’, за счёт которой формируется двуплановая предложение, формирует денотативный объём знаний для выделяемых концептуальных тождеств, которое сводится к тому, что концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* – это ‘противостояние интересов, требующее регулирования ситуация с учетом условий’.

2. В концепте *ТАКТИКА БОРЬБЫ* выделяются две основные когнитивности: *хронотопический* фрейм, представленный темпоральным и локативным слотами, а также *коэксистенциальный* фрейм, включающий диспозитивный и интерактивный слоты.

Надстраивание базового сочетания *ТАКТИКА БОРЬБЫ* за счёт логико-психологического обоснования приводит к её дальнейшему развитию, в результате которого формируются четыре тождества с дифференциальной фреймо-слотовой сущностью по субъект-предикатной модели ‘S – это есть P₁, P₂, P₃, P₄’ и ядерно-периферийной структурой значения:

1. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР* (7 % от общего числа тождеств, крайняя периферия концепта): эквиполентная биполярная предложение представляет хронотопический фрейм, организована локативным слотом (геосферическое устройство бытия) со следующими дескрипторами: *земля, вода, воздух*.

2. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР* (12 % от общего числа

тождеств, дальняя периферия концепта): эквиполентная биполярная сентенция представляет хронотопический фрейм, организована темпоральным слотом (последовательность или длительность этапов, дуративность) со следующими дескрипторами: *опережение, отставание, единовременность*.

3. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ* (26 % от общего числа тождеств, ближняя периферия концепта): эквиполентная биполярная сентенция представляет коэкзистенциальный фрейм, организована диспозитивным слотом (размещение и перемещение объектов, манёвренность) со следующими дескрипторами: *наступление, оборона, отступление*.

4. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ* (55 % от общего числа тождеств, ядро концепта): эквиполентная биполярная сентенция представляет коэкзистенциальный фрейм, организована интерактивным слотом (социокоммуникативное взаимодействие участников, симбиоз) со следующими дескрипторами: *доминирование, подчинение, нейтралитет*.

Материал показывает, что преобладающей сентенцией исследуемого концепта является включаемое в него тождество *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ*, указывающее на особую важность симбиотического (не обособленного, а взаимообусловленного, обоюдодоплезного) видения мира в образных способах противостояния на материале фразеологизмов.

3. Многоуровневая организация концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на основе степени семантической слитности (Н.М. Шанский) способствует выстраиванию определённой ступени релевантности между указанными тождествами и потенциально представляемыми фразеологическими единицами: *релевантность первого порядка* (прямо-мотивированные ФЕ-конструкты, образ-прототип благоприятствует абсолютному наложению плана выражения на план содержания ФЕ – 5% от общего числа устойчивых оборотов), *релевантность второго порядка* (косвенно-мотивированные ФЕ-конструкты, наличие прозрачной ассоциативно-смысловой зависимости между планом выражения и планом содержания ФЕ – 83% от общего числа

устойчивых оборотов), релевантность третьего порядка (безотносительно-мотивированные ФЕ-конструкты, высокая степень идиоматичности ФЕ, непрозрачная семантика – 12% от общего числа устойчивых оборотов).

Преобладание релевантности второго порядка говорит о тенденции к сохранению образа ФЕ доступного для понимания носителем языка прагматико-эмпирического объяснения окружающего мира в попытках истолковать характер противостояния.

4. Проведенное исследование позволяет обнародовать следующие статистические данные о когнитивной сущности концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизмов.

Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* представлен следующими когнитивными сущностями: 4 тождества, 2 фрейма, 4 слота, 12 дескрипторов:

Таблица 2.
Статистический показатель структуры концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизмов

ТОЖДЕСТВО	ФРЕЙМ	СЛОТ	ДЕСКРИПТОР
ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР 7% (крайняя периферия)	ХРОНОТОПИЧЕСКИЙ 38%	ЛОКАТИВНЫЙ 29%	земля 67%
			вода 11%
			воздух 22%
ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР 12% (дальняя периферия)		КОЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ 62%	ТЕМПОРАЛЬНЫЙ 71%
	отставание 35%		
	единовременность 13%		
ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ 26% (ближняя периферия)	КОЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ 62%		ДИСПОЗИТИВНЫЙ 41%
		оборона 13%	
		отступление 38%	
ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ 55% (ядро)		КОЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ 62%	ИНТЕРАКТИВНЫЙ 59%
	подчинение 46%		
	нейтралитет 21%		

Исследуемый материал показывает, что фреймо-слотовое содержание концептуальных тождеств заключается в следующем:

1. Хронотопический фрейм представлен, как правило, темпоральным слотом (71% от общего числа слотов) с преобладающим дескриптором «опережение» (52% от общего числа дескрипторов) и локативным слотом (29% от общего числа слотов) с дескриптором «земля» (67 % от общего числа дескрипторов).

2. Коэкзистенциальный фрейм представлен диспозитивным слотом (41% от общего числа слотов) с дескриптором «наступление» (49% от общего числа дескрипторов) и интерактивным слотом (59% от общего числа слотов) с дескриптором «подчинение» (46% от общего числа дескрипторов).

С одной стороны, на основании наибольших статистических показателей фреймо-слотовой сущности, делается вывод о том, что для концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ*, состоящей из четырёх концептуальных тождеств, **типичным является** ориентир на социокоммуникативное взаимодействие, проявляемое в субдоминантной роли. Данная позиция усилена временный планом (на опережение), что в совокупности может свидетельствовать о выжидающей позиции участника.

С другой стороны, на основании наименьших статистических показателей фреймо-слотовой сущности, делается вывод о том, что для концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* **нетипичным является** ориентир на пространственно-временные координаты (хронотопический фрейм, 38% от общего числа фреймов), проявляемый в указании места действия (локативный слот, 29% от общего числа слотов).

Наиболее частотным слотом оказывается темпоральный (71% от общего числа слотов), среди дескрипторов наиболее частотным становится «земля» (67% от общего числа дескрипторов). Наименее частотным оказывается локативный слот (29% от общего числа слотов), среди дескрипторов наименее частотным становится «вода» (11% от общего числа дескрипторов), а также «единовременность» и «оборота» (13% от общего числа дескрипторов – соответственно).

Итак, статистические данные о фреймо-слотовой сущности говорят об

установках культуры в модусе *надлежащий / ненадлежащий* для социума в сфере проявления противостояния, представленного на материале фразеологизмов, репрезентирующих концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ*, а именно: 1) стремление к твердости и незыблемости суждений (земная стихия), которые мотивируют противостояние в противовес потоковости и непостоянству (водная стихия); 2) стремление к важности обдумывания ситуации в целом (фактор опережения, манёвренность) в противовес начала реального противостояния (дескрипторы – единовременность, оборона); 3) стремление к непосредственному контакту с агентом (взаимокоммуникация,) и, как результат, неспешности принятия решений, испытанию агента на деле (фактор подчинения).

5. Проводимое широкое исследование устойчивых единиц на материале русского, английского, немецкого и единичных примеров из других языков показывает неизменность выводных данных, представленных выше. Отсюда следует заключить, что концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ*, передаваемая устойчивыми единицами языка, считается универсальным ментальным образованием в лингвистическом и культурологическом толковании способов ведения противостояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеологизм – название всех устойчивых единиц языка, ассоциативная номинативно-квалифицирующая единица языка с особым сочетанием компонентов, как правило, метафорического характера, принадлежащих семиотической системе национальных культур.

Интерпретация фразеологического знака целесообразна в когнитивных методах анализа, раскрывающих многогранность устойчивого экспрессивного метафорического образа как национально-культурного кода, поскольку значение фразеологизма складывается из набора разнообразной информации – как языковой, так и внеязыковой.

Посредством метафорического образа фразеологизм способен осмыслять (концептуализировать) окружающий мир, формально описывать национально-культурные знания за счет *концепта* и его *фреймовых* интерпретантов.

Содержание концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизмов складывается с учётом двух критериев – военного и лингвистического.

Так, древнекитайская философия рассматривает *ТАКТИКУ БОРЬБЫ* как милитаристские действия управления врагом. Поэтому с точки зрения теоретико-прикладных основ военно-стратегической руководства, как представляется, логически и первоначально соотносимых с отправной точкой в искомых тематических рассуждениях, *ТАКТИКА БОРЬБЫ* – это действия, направленные на регулирование ситуации между противоборствующими сторонами. В этом случае отмечается непосредственная эффективность предпринимаемых мероприятий, которая напрямую зависит от пространственного и временного факторов, а также фактора расположения и поведения противоборствующих сторон. Указанная эффективность позволяет говорить об основных слагаемых *ТАКТИКИ БОРЬБЫ*: учёт *хромотопического* фактора (длительность событий, их последовательность, а также геосферическое устройство бытия) и *коэксистенциального* фактора

(размещение и перемещение объектов, а также межличностное общение участников). С точки зрения лингвистики, концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* – это совокупное название ментального корпуса, состоящего из набора субъект-предикатных эквивалентных предложений: константного субъекта **S** и с подстрочным индексом переменного частноутвердительного предиката **P** по субъект-предикатной модели ‘S – это есть P₁, P₂, P₃, P₄’. Концепт включает включения тождества и фреймо-слотовые дескрипторы:

1. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР* (**крайняя периферия концепта**): хромотопический фрейм, организованный локативным слотом и дескрипторами: *земля, вода, воздух*.

2. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВРЕМЕННОЙ ФАКТОР* (**дальняя периферия концепта**): хромотопический фрейм, организованный темпоральным слотом и дескрипторами: *опережение, отставание, одновременность*.

3. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО ВЕДЕНИЕ БОЯ* (**ближняя периферия концепта**): коэкзистенциальный фрейм, организованный диспозитивным слотом и дескрипторами: *наступление, оборона, отступление*.

4. *ТАКТИКА БОРЬБЫ – ЭТО СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ* (**ядро концепта**): коэкзистенциальный фрейм, организованный интерактивным слотом и дескрипторами: *доминирование, подчинение, нейтралитет*.

Итак, сущность концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* формируют 4 тождества, 2 фрейма, 4 слота, 12 дескрипторов.

Концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* на материале фразеологизма состоит из константной левоположенной базовой части и переменной правоположенной экспликативной части, формируя четыре эквивалентных предложения. В формально-синтаксическом виде представлена схемой простого двусоставного нераспространённого предложения N_1 (именное подлежащее) – N_2 , (именное сказуемое). Концепт организуют два фрейма – *хромотопический* и *коэкзистенциальный*. Каждый фрейм представлен двумя слотами и шестью дескрипторами.

Корреляция концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* и образа, лежащего в основе обнаруженных фразеологизмов, устанавливается за счет степени релевантности плана выражения и плана содержания устойчивого оборота и ориентирована на квалифицирующий принцип с опорой на степень семантической слитности компонентов.

Так, *релевантность первого порядка* идентифицируется ввиду очевидной прототипической ситуации в образе, которая обозначена посредством компонентов прямо-номинативного характера, создающих буквальную интерпретацию происходящего (как правило, это дословно понимаемая военно-тактическая терминология в плане выражения ФЕ, прямо-мотивированные ФЕ-конструкты).

Релевантность второго порядка идентифицируется ввиду очевидной референтной ситуации в образе, которая обозначена посредством компонентов косвенно-номинативного характера, создающих непрямую интерпретацию происходящего (как правило, это индексально-символический тип плана выражения ФЕ, косвенно-мотивированные ФЕ-конструкты).

Релевантность третьего порядка идентифицируется ввиду очевидной дивергенции плана выражения и плана содержания ФЕ, которая обозначена несовпадением образа и значения, создающими затруднение в интерпретации происходящего (как правило, это идиоматические выражения, безотносительно-мотивированные ФЕ-конструкты).

Статистические показатели структурно-грамматического и лексико-семантического устройства концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* позволяют делать следующие собственно лингвистические утверждения:

– независимо от особенностей уровневой организации языка, рассматриваемой на примерах русского, английского, немецкого и др., концепт *ТАКТИКА БОРЬБЫ* и формируемые им тождества являются универсальным ментальным образованием в толковании способов ведения противостояния;

– компонентный состав фразеологизмов свидетельствует, как правило, о слабой степени идиоматичности оборота за счёт использования прозрачной ассоциативно-смысловой зависимости между планом выражения и планом содержания структуры, тем самым формируя доступное для понимания прагматико-эмпирическое объяснение окружающего мира.

Статистические показатели фреймо-слотовой сущности концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* позволяют утверждать о реализации следующих культурных смыслов:

– типичным для фразеологизмов искомого концептуального образования является образ социокоммуникативного (симбиотического) взаимодействия, проявляемого в субдоминантной роли (манёвренность) и стремлении предвосхитить ситуацию;

– нетипичным для фразеологизмов искомого концептуального образования является образ пространственно-временных координат, проявляемые в сосредоточении на потоковости бытия и стремлении дождаться фактического разворачивания событий.

Перспективой дальнейшего исследования может стать рассмотрение концепта *ТАКТИКА БОРЬБЫ* в дискурсивных практиках, в частности работа с фразеологическими оборотами на материале современных отечественных и зарубежных массмедийных публикаций и высказываний по вопросам текущей геополитической ситуации в мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Агиенко, М.И. Структура концептов правда, истина, truth в сопоставительном аспекте: Автореф... канд. филол. наук / Агиенко М.И. – Екатеринбург, 2005 – 23 с.
2. Акимцева, Ю.В. Локус концептуальной метафоры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11. – Ч. 3. – С. 21 – 24.
3. Александрова, Е.В. Фразеологизм как национально-культурная метафора: филолого-герменевтический аспект. – Диссертация... кандидата филол. наук. – Тверь: ТГУ, 2015. – 203с.
4. Алексеев, М.Н. Наследники. – М: Современник. – Серия: "Школа мужества". – 1988. – 208с – С. 15.
5. Алефиренко, Н.Ф. Фраземосемиозис как процесс лингвокреативного мышления // Известия Южного федерального университета: Научный журнал. – 2017. – №2. – С. 50 – 73.
6. Алефиренко, Н.Ф. Фразема и концепт // Фразеология в фокусе когнитивистики: Монография. – М.: Издательский дом Академия Естествознания, 2021. – 295с. – С. 15 – 28.
7. Алефиренко, Н.Ф., Семенов, Н. Н. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
8. Алимов, В.Ш. Тема борьбы в философских первоисточниках // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: ЧГПУ, 2016. – № 5 (387). – Философские науки. – Вып. 40. – С. 113–117.
9. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: 1963. – 200с. – с.123.
10. Аникин, В.П. Пословица // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. – С. 276 – 277.

11. Анцупов, А.Я. Конфликтология в схемах и комментариях: учеб. пособие / А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Питер, 2009. – 304с.
12. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
13. Апресян, Ю.Д. Предисловие. Часть первая: Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография // В. Ю. Апресян [и др.]; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2006. — С. 23 – 160.
14. Ардашев, А.Н. Учебник выживания войсковых разведчиков. Боевой опыт / А. Н. Ардашев – М.: «Яуза», 2015 – 880 с.
15. Арзамасцева, Н.Ю. Специфика функционировать фразеологических единиц в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): автореф. ... канд .филол. наук / Арзамасцева Н.Ю. – Курск, 2014 – 24 с.
16. Аристотель. Сочинения в 4 томах. – Т.2. — М., 1978. — С. 687.
17. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895с.
18. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразеологизмы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Р.-на-Д.: РГУ, 1964. –315с.
19. Аскольдов, С.А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Академия, 2010. – С.267 – 279.
20. Ачкасов, Н.П. под ред. Военная история. Учебник для военных вузов / Н.П. Ачкасов. – СПб: Питер, 2020. – 448 с.
21. Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г. Крылатые слова (литературные цитаты, образные выражения), 2-е изд., доп. – М.: Гослитиздат, 1960. – 752с.
22. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. М.: Воронеж, ВГУ, 2011. – 104с.
23. Байрамова, Л.К. Лексема – фразеологизм – пословица / поговорка – афоризмы / крылатые слова – лозунг: все только о правде [Электронный ресурс] // Проблемы истории, филологии, культуры // Научный журнал. –

2016. – №3 (53). – С. 73 – 77.

24. Байрамуков, Ю.Б. [и др.] Общая тактика: учебник; под общ. ред. Ю.Б. Торгованова. – 2-е изд., испр. и доп. – Красноярск: СФУ, 2017. – 346с.

25. Балли, Ш. Язык и жизнь / пер. Ирина Чельшева, Е. Вельмезова. – М.: УРСС, 2003 – 232с.

26. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов – М.: Знак (studia philological), 2008. – 656с.

27. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2013. – 312 с.

28. Басова, Н.В. Педагогика и практическая психология: Учеб. пособие / Н.В. Басова. – Ростов-на-Д: Феникс, 1999. – 412с.

29. Батюшкин, С.А. Общая тактика. Учебник. – М.: ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2008. – 422с.

30. Берк, К. Риторика гитлеровской «Борьбы» // Политическая лингвистика. 2008. №25. – С. 149 – 160.

31. Бессонова О.Л. Концепты, обозначающие эмоции удовольствия–неудовольствия, в структуре оценочного тезауруса английского языка / Мир. Человек. Язык: сб. науч. тр. – Владимир: Изд-во ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2019. – С. 12-20.

32. Боевой устав сухопутных войск. – Ч.3. – М.: Военное издательство, 2019. – 302с.

33. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18 – 36.

34. Брагина, Н.Г. Фразеологические тексты. Память как фразеологический текст // Культурные слои во фразеологических и дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 189–201.

35. Бредис, М.А., Ломакина, О.В., Мокиенко, В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование //

Вестник Московского университета. – Серия 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3. – С. 34 – 43.

36. Брутян, Г.А. Язык и картина мира // НДВШ. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108 – 115.

37. Брысина, Е.В. Фразеологическая активность военной лексики: Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1993. – 224 с.

38. Бувальцев, И.А., Абдрашитов, О.А., Гарвард, А.В. Развитие тактики в современных условиях // Военная мысль. – 2021. – №10. – С. 30 – 37.

39. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1. – С. 19 – 35.

40. Буянова Л.Ю., Коваленко Е.Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: Монография. – М.: Флинта, 2013. – 184с.

41. Вавилов, А.Д. Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя. – Ч.2. – М.: Военное издательство, 2004. – 702с.

42. Вальгамова, М. Е. Лексико-семантические отношения слов в пределах концепта «Дом» //Духовно-нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история, культура: Материалы региональной студенческой научно-практической конференции (г. Ханты-Мансийск, 20 апреля 2007 г.) Югорский государственный университет. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2007. – С. 8 – 12.

43. Ван, И. Концептуальный анализ лексемы «облако» в русской и китайской лингвокультурах // Litera: Научный журнал. – 2023. – №6. – С. 274 – 285.

44. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов /А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

45. Вендина, Т.И. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 2001. – 288с.

46. Вершигора, П.П. Люди с чистой совестью: [Повесть]. – В 2т. – Кн. 1. – [Текст]. – Орел: Орлов. Правда (типолитогр. "Труд"), 1948. – 139с.

47. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 311с.
48. Виноградов, В.С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы: учеб. пособие. – 5-е изд. – М.: КДУ, 2009. – 238с.
49. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 33с.
50. Витько, М.А. Когнитивные основы метафорического моделирования концепта "health" в английском языке // Преподаватель XXI век. – 2018. – №1-2. – С. 349 – 358.
51. Вовк, О.В. Энциклопедия знаков и символов. – М.: Вече, 2006. – 528с.
52. Войтенко, Е.Ю. Фразеологическая репрезентация природного кода культуры в английском и русском языках: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Донецк, 2022. – 22с.
53. Волков, О.В. Погружение во тьму. – М.: Мол. гвардия: Т-во рус. худож., 1989. – 460с.
54. Волошкина, И.А. Фразеосемантическое поле «Характер человека» (на материале французского языка): Дис. ... канд. филол. наук / И.А. Волошкина. – Белгород, 2009. – 233 с.
55. Воробьев, И.И., Киселев, В.А. Стратегические категории время и пространство в современных войнах // Военная мысль. – 2008. – № 6. – С. 62 – 69.
56. Воробьев, И.Н. Тактика – искусство боя. – М.: Общевойсковая академия ВС РФ, 2002. – 889 с.
57. Гаврилова, Е.Г. Фразеологизмы с компонентом-числительным как носители культурного кода / Е. Г. Гаврилова // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира: сборник материалов Всероссийской научной конференции / отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – 134 с.
58. Гак, В.Г. Языковые преобразования. – М.: URSS, 2010. – 408 с.
59. Галиахметов, Р.Н. Социально-философский анализ конфликта. –

Красноярск: СФУ, 2012. – 123 с.

60. Ганапольская, Е.В. К вопросу об образной эволюции фразеологической системы русского языка на современном этапе (на примере образного гнезда «вагон») // CCS&ES. – 2018. – №3. – С. 114 – 120.

61. Глотова, Т.А. Теория общей фразеологии: учебное пособие / Сост.: Глотова Т.А, Бекоева М.Т., Цакалиди Т.Г. – Владикавказ Сев.-Осет. госун-т.: ИПЦ СОГУ, 2019. – 138 с.

62. Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. – Т. 2: пер. с лат. и англ. / Т. Гоббс; сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1991. – 731, [1] с.

63. Голденков, М.А. Осторожно, Hot dog! (2-е издание, испр. и доп.) – М.: ЧеРо, 1999. – 272с.: ил.

64. Голованова, Н.И. Семантико-синтаксические и референциально-прагматические основания представления фрейма «Вооружённое столкновение» в публицистическом тексте (на материале интернет-изданий российских газет и информационных агентств). – Автореферат ... кандидата филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2015. – 22с.

65. Горшкова, Н.Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке: диссертация. – М.: 2004. – 164с.

66. Горький, М. Полное собрание сочинений [Текст]: художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1975. – 693с.

67. Горький, М. Фома Гордеев. – М.: Эксмо, 2006. – 449с.

68. Грицюк, А.А., Середа, А.П. Ахиллово сухожилие. – Российская академия естественных наук, 2010. – 313 с.

69. Гроций, Г.О праве войны и мира. Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

70. Грудинин, И.А. Диалектика и современное военное дело. – М.: Воениздат, 1971. – 319 с.

71. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 36 – 45.

72. Гусев, С.С., Пукшанский, Б.Я. Обыденное мировоззрение: Структура и способы организации. – СПб.: «Наука», 1994. – 89 с.
73. Гусельникова, О.В. Когнитивный аспект изучения фразеологии // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – №5-2. – С. 155 – 161.
74. Даллес, А. Тайная капитуляция. – М.: Изд. «Центрполиграф», 2004. – 352с.
75. Демидович, Т.В. Семантико-стилистический и лингвокультурологический аспекты изучения военной лексики (на материале художественной литературы о Великой Отечественной войне). – Диссертация ... кандидата филол наук. – Волгоград, 2015. – 218с.
76. Демьянков, В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой. – М.: РАН: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606 – 622.
77. Диброва, Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – М.: Изд-во ун-та, 2008. – 192с.
78. Добровольский, Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71 – 83.
79. Добровольский, Д.О., Караулов, Ю. Н. Фразеология в ассоциативном словаре // Известия АН. Сер. Лит-ры и языка. – 1992. – Т.51. – № 6. – С. 3–13.
80. Дробышев, В.А. Борьба идей как выбор античной философии // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – №12. – С. 81 – 89.
81. Дружинин В.Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – 3-е изд. – М., СПб.: Техническая книга, 2007. – 358с.
82. Дубягин, Ю.П. Толковый словарь уголовных жаргонов. – М.: Интер-Омнис, 1991. – 210с.
83. Дуйсекова, К.К. Фразеологическая картина мира французского и казахского языков (концептуально-лингвокультурологический исследования): дис. д-ра филол. наук: 10.02.20 / К. К. Дуйсекова. – Алматы, 2006. – 260 с.

84. Душенко, К.В. Ни шагу назад! // История знаменитых цитат. – М.: Азбука-Аттикус, 2018. – 500с. – С. 312-313.
85. Ефремов, О.Ю. Социально-философский анализ управления конфликтами: автореф. ... канд. филос. наук. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2007. – 22 с.
86. Жевайкина, Ю.В. Когнитивные аспекты идиоматики (на материале семантического поля «безумие» в современном русском языке): дисс. канд. филол. наук – Ульяновск, 2004. – 215с.
87. Жирова, И.Г., Ларионова, А.С. Семантика агрессии. – М.: ИИУ МГОУ, 2016 – 162с.
88. Жуйкова, М.В. Роль образности и внутренней формы фразем в лингвокультурной реконструкции // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7-11 сентября 2015 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 119 – 121.
89. Завгороднева, М.П. Лингвокультурный потенциал аквакода // Евразийский гуманитарный журнал. – 2023. – №2. – С. 39 – 47.
90. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблемам концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 36 – 44.
91. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Константы и переменны русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
92. Захаренко, И.В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 46 – 53.
93. Зеленкина, О.Ю. Состав фразеологического кода английского языка (на материале номинативных и номинативно-коммуникативных фразеологических единиц): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Самара, 2001. – 19 с.

94. Зимин, В.И. Семантика фразеологизмов в функционально-параметрическом отображении / В.И. Зимин // Методическая разработка к спецкурсу. – М: МГПУ, 2003. – 67с. – С. 33.
95. Зимин, В.И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма: Современная фразеология: тенденции и инновации: Монография / отв. ред. А.П. Василенко. – Москва, СПб, Брянск: «Новый проект», 2016. – 200с.
96. Злобин, С.П. Степан Разин (Книга 1). – Минск: «Белорусская Советская Энциклопедия», 1986. – 290с.
97. Золотарев, М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р.З. Назарова, М.В. Золотарев // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. Вып. 2. – С. 17 – 23.
98. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. – М.: ЛЕНАД, 2015. – 380с.
99. Игнатович, Л.П., Федуленкова, Т.Н. Вариант фразеологической единицы как показатель ее тождества // Язык и культура, 2017. – № 37 – С. 35 – 47.
100. Исаев, А.В. Берлин 45-го. Сражения в логове зверя. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 720с.
101. История военного искусства: Курс лекций: в 6 т. – М.: Военная академия имени М.В. Фрунзе, 1958. – Т. 5: Военное искусство первого периода Великой Отечественной войны (июнь 1941 — ноябрь 1942 г.). [Приказ НКО СССР от 28.07.1942 № 227: О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций // – С. 780 – 783.
102. Кабакова, С.В. Образное основание идиом и его эмотивное восприятие: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1999. – 17 с.
103. Кадочников, А.А. Рукопашный бой для начинающих. – Р-н-Д.: Феникс. – 2003. – 244с.

104. Калашникова, Л.В. Метафора – универсальный способ познания и концептуализации действительного мира / Л.В. Калашникова // Проблемы профессионального и социально-культурного образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Язык и культура в экономическом пространстве». – Саратов: СГСЭУ, 2006. – С. 173 - 176.

105. Камалов, Р.З. О закономерностях развития системы тактики спортивной борьбы // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. №9. – С. 93 – 98.

106. Камышева, О.С. Метафорическая модель "Эмоциональное состояние – музыкальное искусство" в русских и английских фразеологизмах // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2018. – №2 (38). – С. 152 – 157.

107. Карабулатова, И.С., Савчук, И.П. Информационно-маркетинговая война в современном рекламном дискурсе: трансформация гендерных стереотипов // Научное обозрение. – Серия 2: Гуманитарные науки, 2019. – №1 – 2. – С. 51 – 65.

108. Карагодин, М.Ф. Учебник сержанта мотосредковых войск. – М.: Военное издательство, 1989. – 240 с.

109. Карасик, В.И.; Слышкин, Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов. – Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 13 – 15.

110. Карасик, В.И., Стернин, И.А. Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.

111. Карцевский, С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – Часть 2. – М.: Просвещение. – 1965. – С. 85 – 90.

112. Каспарова, А.Ю. Метафорический концепт «Спорт» как источник фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2011. – №2. – С. 108 – 113.

113. Кауи, Э. Semantic Frame Theory and the Analysis of Phraseology //

Вестник Московского университета. – Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – № 1. – С. 40 – 50.

114. Керимова, К.Р. Стратегии и тактики речевого поведения политических лидеров в борьбе за власть // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». – 2021. – №6 (57).

115. Кессиди, Ф.Х. Гераклит / Отв. ред. А. Е. Зимбули. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: Алетейя, 2004. – 217 с

116. Киян, И.В. Конфликт как предмет философско-антропологического анализа: Дис. ... канд. филос. наук. – М., 1998. – 127 с.

117. Клаузевиц, К. фон Принципы ведения войны / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 220 с.

118. Клейменкин, Д. В., Котлярова, В.В. Анализ искусства войны в учении Сунь Цзы // Colloquium-journal. – 2019. – №25 (49). – С. 62 – 63.

119. Ковалева, Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 184 с.

120. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. – М.: Ленанд, 2019. – 400 с.

121. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2015. – 456 с.

122. Кожин, А.Н. О развитии русского литературного языка в эпоху Великой Отечественной войны // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 48 – 58.

123. Копыленко, М.М., Попова, З.Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты: учебное пособие / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 143 с.

124. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие / О.А. Корнилов. – 3-е изд., испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.

125. Кравцов, С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии

(на примере концепта «Поведение человека»). – Автореферат ... доктора филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 38с.

126. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

127. Кривая, Е. Культурная коннотация как экспонент культуры в языковом знаке // Язык и ментальность: Междунар. конф. «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ (материалы докладов и сообщений) / Науч. ред. Э.Д. Сулейменова. – Алматы: Қазақ ун-ті, 2009. – Т.1. – С. 288 – 293.

128. Криницкий, Ю.В., Чеховский, В. Сферы вооружённой борьбы и театры военных действий // Военная мысль. – 2022. – №9. – С. 21 – 28.

129. Кругликова, Л.Е. Структура лексического и фразеологического значения: учебное пособие / Л. Е. Кругликова. – М.: МПГУ им. В.И. Ленина, 1988. – 86 с.

130. Ксенофонт. Киропедия. – М.: Наука, 1976. – 347с. – С. 27 – 35.

131. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

132. Кузнецов, С.И. Краткий курс физики: учебное пособие / С.И. Кузнецов, К.И. Рогозин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 215с.

133. Кузнецова, Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и тендерный аспекты: Автореф. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 22с.

134. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 200с.

135. Ладенко, И.С. Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследований. – Новосибирск: Наука, 1987. – 238 с.

136. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – С. 14, 104, 244.

137. Лаптева, М.Л. Компаративные фразеологические единицы с инокультурным компонентом // Гуманитарные исследования, 2015. – №2 (54). – 19с.

138. Лаптева, Е.А. Структурно-семантический анализ фразеологизмов в медицинской терминологии // Известия ВПГУ. Филологические науки. – 2016. – С. 114 – 188.

139. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии. О систематизации и методах исследования фразеологии – Л., 1956. – 196 с.

140. Лебедев, А.В. Фрагменты ранних греческих философов. – Часть 1. – От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – Серия "Памятники философской мысли". – М.: Наука, 1989. – 576 с.

141. Лебедев, М.Г. Время как лингвокультурная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер / М. Г. Лебедев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – С. 241.

142. Лекант, П.А. Современный русский язык. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология». – М.: Дрофа, 2002. – 560с.

143. Линдсей, И. Разоблаченное искушение / И. Линдсей. – «Центрполиграф», 2012. – 130с.

144. Линь, Лэй Концептуальные структурные метафоры в заголовках российских и китайских экономических новостей // Известия ВГПУ. – 2022. – №4 (167). – С. 177 – 182.

145. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: антология. – М.: Академия, 1997. – С. 280 - 287.

146. Лобкова, Е.В. Образ-концепт «Любовь» в русской языковой картине мира /Е.В. Лобкова: Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2005 – 243 с.

147. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / О. В. Ломакина; под ред. В.М. Мокиенко. – Москва: РУДН, 2019. – 344 с.

148. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М., 1982. –

480с.

149. Лупанова, Е.В. Фразеологическая картина мира представителя англо-американской военной субкультуры: Дис. ... кандидата филологических наук. – М.: Военный университет, 2018. – 228 с.

150. Лысенкова, В.Н. Внутренняя форма фразеологизма и его значение // Лысенкова В.Н. // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – №10. – Брянск, 2020. – 34с.

151. Майоренко, И.А. Концепт «деньги» в языковой картине мира (на материале русской и английской фразеологии) // Язык. Дискурс. Текст. – Межд. науч. конференции. – Ростов-на-Дону, 2004. – Ч. I. – С. 115 – 120.

152. Маковельский, А. Софисты. – Баку: Азербайджанский Государственный Университет им. С.М. Кирова, 1941. – 100 с.

153. Максименко, Е.П. Почему нам некуда отступать: Москва в национальном самосознании // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – М.: Изд. Дом МИСиС, 2017. – 282с. – С.65-66.

154. Максимов, Л.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка. – М.: Флинта, 2013. – 287с.

155. Малюгина, А.В. Типы фразеологических концептов и способы их контекстной репрезентации: автореф. дис....канд. филол. наук.– Воронеж, 2007 – 23 с.

156. Маркс, К., Энгельс, Ф. Собрание сочинений. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 4. – С. 900с.

157. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 3 е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.

158. Мечковская, Н.Б. Два взгляда на правду и ложь, или о различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 2008. – С. 456 – 470.

159. Михеева, Л.Н. Время в русской языковой картине мира:

лингвокультурологический аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: 2004. – 30 с.

160. Мишулин, А.В. Греческие полиоркеттики об искусстве осады городов // Греческие полиоркеттики. Вегаций. – СПб: Алетейя, 1996. – 306 с.

161. Мойсеенко, Н.П. Общая тактика: учебник. – М.: «Бук 60», 2019. – 247с.

162. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии: учебное пособие / М., СПб: Авалон: Азбука-классика, 2007. – 254с

163. Мокиенко, В.М., Николаева, Е.К. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира / В. М. Мокиенко, Е. К. Николаева // *Rossica Olomucensia XL*. – Olomouc, 2002. – С. 17 – 34.

164. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.

165. Молчкова Л.В. Типология фразеологических моделей (на материале русского и английского языков). – Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7. – Ч.2. – С. 76 – 83.

166. Морган, Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов / Пер. с англ. – М.: Глав. ред. восточной лит-ры изд-ва «Наука» (Серия «Этнографическая библиотека»), 1983. – 190с.

167. Мухтаруллина, А.Р. Когнитивные основы метонимий и метафор в англоязычном художественном тексте // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – 360с.

168. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян – М.: Книга. по Требованию, 2021. – 288 с.

169. Нельсон, Стив. Добровольцы: (по С. Нельсону): Книга для чтения на англ. яз. в ст. классах сред. школы. – М.: Просвещение, 1974. – 128с.

170. Новиков-Прибой А.С. Цусима: Роман-эпопея (в 2-х книгах). Книга 2. – М.: Современник, 1985. – 792с.

171. Обдуллаев А.Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. – Ургенч. 1996. – 96с.

172. Омелаенко, Н.В. Социальный конфликт: диагностика, причина, управление // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – №4. – С. 85 – 96.
173. Опарина, Е.О. Фразеология в лингвокультурологических исследованиях текста // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Серия 6. Языкознание: Реферативный журнал. – 2015. – №2. – 198– 205с.
174. Орехов, В.В. Тактика литературной борьбы за Российский имидж в контексте внутринациональной идеологической полемики середины XIX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – Филологические науки. – Т.3 (69). – № 1. – 2017. С. 111 – 127.
175. Орлова, Т.Г. Сопоставительный структурно-семантический анализ английских и русских пословиц, выражающих морально-этическую смысловую доминанту "учение, знание, мудрость" // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Том 10. – № 2. – С. 1 – 14.
176. Островский, А.Н. Сердце не камень (пьеса в 4-х действиях). – М.: Public Domain, 2016. – 55с.
177. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608с.
178. Падучева, Е.В. Эгоцентрические единицы языка. – М.: Дом Яск, 2019. – 440с. – С.281.
179. Палашевская, И.В. Закон // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 69 – 81.
180. Передреева Т.В. Лингвокультурологический потенциал немецких топонимов: Диссертация ... кандидата филол. наук. – Уфа, 2018. – 182с.
181. Перцова, Н.Я. К понятию "вещной коннотации" // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. – М., 1990. – 196 с.
182. Пинтова, А.А. Концептуальная метафора во фразеологических единицах, репрезентирующих концепты «OLD» и «YOUNG» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – №85. – С. 227 – 234.

183. Платон. Государство. – М.: АСТ, 2020. – 704 с.
184. Попов, В. Тактика. Батальон, рота / В. Попов. – М.: Воениздат, 2009. – 416 с.
185. Попов, М.В. Классовая борьба. – Primedia E-launch LLC, 2018. –162 с.
186. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – М.: Воронеж, ВГУ, 2012. – 192 с.
187. Почуева, Н.Н. Фразеологический концепт: сущность и структура (на материале русского и английского языков) // EUROPEAN SCIENCE: Научный журнал, Иваново: Олимп, 2017 – №8. – 2017. – С. 46 – 49.
188. Прохоров, А.М. Физическая энциклопедия. – Том 2. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 703 с.
189. Пустошило, Е.П. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Учебно-методический комплекс. – Гродно: ГрГУ, 2011. – 141с.
190. Радаев, В.В. Экономическая борьба и социальные связи: структура конкурентных отношений в новом российском ритейле // Экономическая социология. – 2009. – №1. – С. 19 – 56.
191. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980. – 142 с.
192. Ройзензон, Л.И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма // Вопросы фразеологии. – Ташкент, 1965. – 120с.
193. Рудкевич, Е. Ю. Философия и военное дело: учебник для вузов / Е. Ю. Рудкевич, С. А. Вершилов. — М.: Юрайт, 2023. — 481 с.
194. Савицкий, В.М. Основы общей теории идиоматики. – М.: Гнозис, 2006. – 208с.
195. Савченко, А.А., Хмелевский, М.С. «Города и веси» в русской фразеологии в концептуальном и лингвострановедческом освещении // МИРС. – 2020. – №4. – С.56 – 65.
196. Савченко, С. Д. Использование биологического метода защиты растений от членистоногих-вредителей в Вологодской области // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 386 –390.

197. Сандомирская, И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. – 281 с.
198. Сенцов, А.Э. К проблеме исследования концептуальной метафоры / А.Э. Сенцов, А.К. Онищенко. – Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 802 – 804.
199. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 244с.
200. Серль, Дж. Метафора // Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512с. – С. 307 – 342.
201. Сизых, М.М. Военная метафора в рецепции COVID-19 (на материале современного русского медиадискурса) // Филологический аспект: междунар. науч.-практ. журн. – 2020. – № 5 (61). – С. 7– 14.
202. Скачкова, Л.В. Фразеологизмы с компонентом «военное оружие» (эмпирический и аксиологический уровни информации): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Майкоп, 2019. – 18 с.
203. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. – Волгоград, 2004. – 40с.
204. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 260 с.
205. Смит, Л.П. Заглавие. Фразеология английского языка. – М.: Уч.пед.гиз, 1959. – 208с.
206. Соболевский, С.И. Фукидид // История греческой литературы. – М., 1955. Т. 2. – С. 69 – 100.
207. Соколова, Г.Г. Фразеобразование во французском языке / Г.Г. Соколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1987. – 203 с.
208. Солдаткина, Т.А. Метафорические модели фразеологизмов с оценочным компонентом в марийском и французском языках // Финно-угорский мир. – 2017. – №1 (30). – С. 64 – 72.
209. Соловьева, Е.А. Метафора во французском военном дискурсе: когнитивный и диахронический аспекты. – Автореферат ... кандидата филол.

наук. – Воронеж, 2019. – 22с.

210. Солодуб, Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования: на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица: Диссертация ... доктора филол. наук. – М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1985. – 406 с.

211. Солодухо, Э.М. Теория фразеологического сближения (на материале яз. слав., герм. и роман. групп). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 294 с.

212. Степанова, А.А. Фразеологические единицы: их редукция и трансформация (на материале Русского ассоциативного словаря): Дисс. ... канд. филол. наук / А.А. Степанова. – М.: Институт языкознания РАН, 2010. – 154 с.

213. Степанова, Т.Ю. В моей руке – гибель. – М.: Эксмо, 2020. – 352с.

214. Степанова, О.В. Образная составляющая концепта «долг» в текстах русской художественной литературы// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 1 (3) – С. 193 – 196.

215. Степняк-Кравчинский, С.М. Домик на Волге: Повесть. 2-е изд. – М.: Дет. лит., 1985. – 79с.

216. Стернин, И.А., Быкова, Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 56 – 58.

217. Суворова, Е. Встретить посевную во всеоружии / Е. Суворова // АгроЖизнь. – 2021, февраль. – С. 32.

218. Сунь-цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы; пер.с кит. предисловие и коммент. Н.И. Конрада. – М.: АСТ: Астрель: СПб.: Terra Fantastica, 2011. – 606 с.

219. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.

220. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 346с. – С. 284.

221. Темяникова, Э.Б. и др. Английский язык для курсантов военных училищ Сухопутных войск: Учебник / Э.Б. Темяникова, С.Н. Нечаева, М.Г. Баталова. – М.: Московское высшее общевойсковое командное училище, 2019. – 136с.

222. Теркулов, В.И. Социолингвистическое программирование: современные формы борьбы с русским языком и русской ментальностью / В.И. Теркулов // Медиатехнологии в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы: сборник трудов. – Ставрополь: СКФУ, 2020. – С. 17 – 23.

223. Тихонова, В.Я. Концепт «БОРЬБА» в русской языковой картине мира. – Автореферат ... кандидата филол. наук. – Тюмень, ТГУ, 2005. – 24с.

224. Токарев, Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентации концепта «Труд» в русском языке). – Волгоград: Перемена, 2003. – 213с.

225. Токарева, В. Птица счастья: повести. – М., 2007. – 380 с.

226. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений. – Т. 4. «Война и мир». – М.: Художественная литература, 1979. – 370с.

227. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / перевод с кит. В.В. Малявина. – М. Белые Альвы, 2000. – 192 с.

228. Тюшкевич, С.А. Философия и военная теория / АН СССР. Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. – М.: Наука, 1975. – 312 с.

229. Федотова, Н.В. Военная метафора в современном военном дискурсе. – Диссертация ... кандидата филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 2022. – 291с.

230. Федуленкова, Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков: курс лекций / Т.Н. Федуленкова. – М.: Акад. естествознания, 2018. – 220 с.

231. Феоктистова, А.Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства-состояния: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 18с.

232. Фесенко, О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского

эпистолярного дискурса первой трети XIX века: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / О.П. Фесенко. – Томск: ТГУ, 2009. – 37 с.

233. Фихте, И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / И. Г. Фихте; пер. с нем. А. К. Судакова. – М.: Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2014. – 392 с.

234. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. – М., 1992. – Сер. 2. – №3. – С. 31.

235. Харченко, В.К. Функции метафоры. – Воронеж: ВГУ, 1991. – 88с.

236. Цзясюй, Я. Аксиологический потенциал политической концептуальной метафоры. – Диссертация ... кандидата филол. наук. – Екатеринбург: УФУ, 2023. – 183с.

237. Чепурин, О.Ф., Репин, В.В., Бакушин, А.В., Фехин, С.Г. Тактика подразделений ПВО СВ. – В 2 т. – Т.1. – Боевое применение ЗДН МСБр в основных видах боя. – Смоленск: ВА ВПВО, 2023. – 370 с.

238. Черданцева, Т.З. Фразеология в когнитивном аспекте //Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – В 2 т. – М.: МГУ, 1995. – 549 с.

239. Чжао, Пэнбо Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «Стихия» в китайском и английском языках. – Автореферат ...кандидата филол. наук. – Белгород: БелГУ, 2022. – 22с.

240. Чистякова, И.Ю., Комарова, О.Ф. Эффективность риторического воздействия: Стратегии и тактики нового времени // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 3 (63). – С. 6 –11.

241. Чугунова, С.А. Темпоральные концепты и методы их исследования // Вестник ЧелГУ. 2009. – №5 (143). – С. 134 – 142.

242. Чулкина, Н.Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии: Дисс. ... д-ра филол. наук / Н.Л. Чулкина. – М.: РУДН, 2005. – 345 с.

243. Чэнь, Янь Внутренняя форма фразеологизма как предвосхищение его

актуального значения // Вестник ТГУ. – 2011. – №11. – С. 262 – 266.

244. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 272 с.

245. Шапталов, Б.Н. Как организовали «внезапное» нападение 22 июня 1941. Заговор Сталина. Причины и следствия. – М.: «Центрполиграф», 2015. – 24с.

246. Шатрова, Н.Е. Берег любви, море разлуки / Наталья Шатрова. – М.: Эксмо, 2004. – 347с.

247. Шахмурадов, Ю.А. Вольная борьба: научно-методические основы многолетней. подготовки борцов/2-е изд., дополн. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2011. – 368 с.

248. Шишкин, С.И., Шишкина, Н.Э. Избирательная кампания: стратегия и тактика борьбы. Справочник для кандидатов и их команд. – Иркутск, 1992. – 78с.

249. Щитова, Д.А. Лингвистическое моделирование имиджа в политическом дискурсе (на материале концепта Вооруженная борьба). – Автореферат ... кандидата филол. наук. – Томск, 2014. – 24с.

250. Эмпедокл / сост. Семушкин А.В. – М.: Мысль, 1985. – 191 с.

251. Burghardt W. E. The ordeal of Mansart. New York: Mainstream Publishers, 1957. – 324p.

252. Conroy Jack. The Disinherited: A Novel of the 1930s. – Moscow: Co-operative Publishing society, 1935. – 364p.

253. Coward Noel. Coward Plays: 5. London: Bloomsbury, 1983. – 113p.

254. Gibbs R.W. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity // Cognitive linguistics. 1 – 4. 1990. – P. 417 – 451.

255. Jaynes, J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind / J. Jaynes. – Houghton Mifflin Company, 1976. – 234 p.

256. Lakoff, G. Women, Fire and dangerous things: University of Chicago Press – 1987. – 632 p.

257. Maass, Joachim. Der Fall Gouffé. Frankfurt a. – M.-Hamburg: Fischer

Bücherei 546, 1963. – 345p.

258. Musolff, A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004 – 211 p.

259. Snow, C.P. The Light and the Dark. Series: Strangers and Brothers 2. – UK: House of Stratus, 2010. – 213p.

260. Sweetser E. From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 174p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

261. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. – 11-е изд. перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568с.

262. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: 1966. – С.598.

263. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995. – 768 с.

264. Бирих, А.К., Мокиенко В. М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – 926с.

265. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык-Медиа, 2003.

266. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544с.

267. Жуков, В.П., Жуков, А.В. Русская фразеология: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.

268. Каланов Н. А. Словарь морского жаргона. – 2-е переизд. – М.: Моркнига, 2011. – 440с.

269. Керлот, Х.Э. Словарь символов. – М.: «REFL-book», 1994. – 608 с.

270. Краткий словарь оперативно-тактических и общевойсковых слов (терминов). – М: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1958.

– 323 с.

271. Кубрякова Е.С. Инференция. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – С. 33 – 35.

272. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

273. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. – 512с.

274. Лубенская, С.И. Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 1017с.

275. Малышевский, А.Ф. Философско-терминологический словарь. – Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2004. – 330с.

276. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русский поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784с.

277. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1968; 1987. – 542 с.

278. Москальская, О.И. Большой немецко-русский словарь. – В 3 т. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2008. – 760с.

279. Мюллер, В.К. Большой современный англо-русский, русско-английский словарь. – М.: Цитадель Трейд, 2009. – 1059с.

280. Плехов, А.М. Словарь военных терминов. – М.: Воениздат, 1988. – 335с.

281. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 677с.

282. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 990 с.

283. Степанова, М.И. [сост.] Фразеологический словарь русского языка. – СПб.: Виктория плюс, 2003. – 604 с.

284. Тихонов, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / сост. Тихонов А.Н. и др. – М.: Высшая школа, 2007. – 334 с.

285. Толстой, Н.И. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – В 5т. – М.: Институт славяноведения РАН, 1995. – 697с.
286. Тресиддер Дж. Словарь символов (пер. с англ. С. Палько). – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448с.
287. Устинова Т. Закон обратного волшебства. – М.: Эксмо, 2004с. – 320 с.
288. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: «Аделант», 2014. – 800с.
289. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – В 4т. – 2-е изд., стер. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 576с.
290. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878с.
291. Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов. – М.: Вече, 1997. – 512с.
292. Ярцева, В.Н. [сост.] Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. – 685 с.
293. Ammer, Christine. The American Heritage Dictionary of Idioms. – Houghton Mifflin. – 1997. – 1191p.
294. Cowie, A.P., Mackin, R., McCaig, I.R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. – Oxford University Press, 2004. – 685 p.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- 1 (295). Акунин, Борис. Любовьница Смерти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/RUSS_DETEKTIW/BAKUNIN/lub.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 05.03.2022). – Заглавие с экрана.
- 2 (296). В ход идет тяжелая артиллерия [Электронный ресурс] // Стриж: Интернет-газета. – Режим доступа: <https://www.udmgazeta.ru/articles/political-cartoons/2016/07/2459> (дата обращения: 11.10. 2021).
- 3 (297). Вахитова, Т.Ф. Национально-культурная специфика языковой картины мира и роль фразеологизмов в ее структуре [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №2 (69). – С. 465 – 468. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-yazykovoy-kartiny-mira-i-rol-frazeologizmov-v-ee-strukture> (дата

обращения: 27.06.2022).

4 (298). Галкина, Катерина. Готовимся к зиме // Houzz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.houzz.ru/statyi/gotovimsya-k-zime-kopaty-ili-ne-vot-v-chem-vopros-stsetivw-vs~52064051> (дата обращения: 14.10.2015). – Заглавие с экрана.

5 (299). Голсуорси, Джон. Silver Spoon. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/read/golsuorsi_dgon/The_Silver_Spoon.html#0 (дата обращения: 04.03.2022). – Заглавие с экрана.

6 (300). Дронов, П.С. Очерки по культурным трансферам во фразеологии. Монография. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2018. – 102с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iling-ran.ru/dronov/cultural_transfer.pdf (дата обращения 27.05.2022).

7 (301). Загидуллина, М.В. Эколингвистическая концепция медиапространства // Медиасреда. – 2016. – №11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvisticheskaya-kontseptsiya-mediaprostranstva> (дата обращения: 30.04.2023).

8 (302). Звероловная яма // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/851278> (дата обращения: 11.03.2022).

9 (303). Зотова, Е.С. Концепт «Любовь» в русском и английском языках // МНИЖ. – 2015. – №6-2 (37). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-lyubov-v-russkom-i-angliyskom-yazykah> (дата обращения: 27.01.2023).

10 (304). Зыкова, И.В. «Новые пути слова»: теория и методология когнитивного исследования поэтики авангардного манифеста // Критика и семиотика. – 2019. – № 2. – С. 206 – 228. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iling-ran.ru/zykova/Zykova_Kritika_i_semiotika_16.pdf (дата обращения: 27.05.2022).

11 (305). Зыкова, И.В. «Метаморфозы» лингвокреативного мышления: от экспериментов раннего авангарда к современной теории поэтики

кинодискурса // Сборник Матице српске за славистику. – 2020. – Выпуск 97. – С. 105-123. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iling-ran.ru/zykova/ZMSZS_97-105-124.pdf (дата обращения: 27.05.2022).

12 (306). Исаева, Л.А., Майоренко, И.А. Национально-культурные особенности концепта «Деньги» (на материале русской, английской и французской фразеологии) // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2005. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnye-osobennosti-kontseptadengi-na-materiale-russkoy-angliyskoy-i-frantsuzskoy-frazeologii> (дата обращения: 27.01.2023).

13 (307). Искусство прятаться [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cablook.com/%20design-art/iskusstvo-pryatatsya/> (дата обращения: 11.03.2022). – Заглавие с экрана.

14 (308). Комарова, Е.А. Анализ тактик демагогического речевого воздействия (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 143. – С. 222 – 228. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-taktik-demagogicheskogo-rechevogo-vozdeystviya-na-materiale-proizvedeniy-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 30.04.2023).

15 (309). Кровавый Днепр // Техническая и гуман. лит-ра. – Режим доступа: http://www.telenir.net/istorija/agonija_1941_krovavye_dorogi_otstuplenija/p2.php (дата обращения: 11.10.2021). – Заглавие с экрана.

16 (310). Ледовое побоище // История РФ. Главный исторический портал страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/ledovoie-poboishchie-stalo-krupnieishiei-bitvoiranniegho-sriednieviekov-ia-polozhivshiei-priediel-aghriessii-kriestonostsiev> (дата обращения: 11.10.2021). – Заглавие с экрана.

17 (311). Молчкова, Л.В. Модели повтора во фразеологии // Актуальные

вопросы современной науки. – 2013. – №28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-povtora-vo-frazeologii> (дата обращения: 21.05.2023).

18 (312). Монгольское нашествие на Русь // История РФ. Главный исторический портал страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/mongholskoie-nashiestviie-na-rus> (дата обращения: 11.10.2021). – Заглавие с экрана.

19 (313). О приставке "бес" и "без" в русском языке // Онлайн-школа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsfedotov.com/abc/> (дата обращения: 10.04.2022). – Заглавие с экрана.

20 (314). Осенняя охота на зайца: тактика и снаряжение для охоты // Мир охоты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YQjxD2uNB1BXj9DK> (дата обращения 06.08.2021). – Заглавие с экрана.

21 (315). Реальная история 300 спартанцев и Фермопильского сражения // Этот день в истории: Исторический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knowhistory.ru/journal/istoriya-podviga-300-spartancev> (дата обращения: 11.10.2021). – Заглавие с экрана.

22 (316). Семенова, Н.А. Языковые и речевые функции фразеологических единиц // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – №9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-i-rechevye-funksii-frazeologicheskikh-edinits> (дата обращения: 05.05.2022).

23 (317). Советско-финская война // Этот день в истории: Исторический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/sovietsko-finskaia-voina-event> (дата обращения: 19.12.2021). – Заглавие с экрана.

24 (318). Фразеология // Грамота. Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.gramota.ru/biblio/readingroom/textbooks/author/litnevskaya/part3#16>

(дата обращения 06.06.2022). – Заглавие с экрана.

25 (319). Battle & drill ceremony // Begin English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://begin-english.ru/angliyskie-slova-po-temam/spisok-stroevyh-komand-battle-drill-ceremony> (дата обращения 06.06.2020). – Заглавие с экрана.

26 (320). Définition de ABORDAGE // Centre national de ressources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cnrtl.fr/definition/abordage> (дата обращения: 01.10.2021). – Заглавие с экрана.

27 (321). Drift current // Physics and radio-electronics [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: <https://www.physics-and-radio-electronics.com/electronic-devices-and-circuits/semiconductor/drift-current.html> (дата обращения: 21.01.2022). – Заглавие с экрана.

28 (322). In Ungarn wird alles teurer – doch Orban sichert sich politisch ab. [Интернет-ресурс] – Режим доступа: <https://www.nzz.ch/international/ungarnswahl-inflation-und-preiskontrollen-als-machtsicherung-ld.1669195?reduced=true> (дата обращения: 04.03.2022). – Заглавие с экрана.